

52.569

III
3.

II
16.
57

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

Ар 24

СТИХОТВОРЕНИЯ

Евгенія Баратынскаго.

2014
Часть I. II

Б-24

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургичес. Академіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

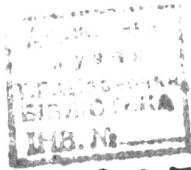
съ пѣмъ , чшобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комисіиетъ *три* экземпляра.

С. Пешербургъ, 7 Марта, 1833 года.

Ценсоръ Никита Бутырскій.

891.31-1

16985

→

II.

ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разстѣпны вы приняли пѣвца,

Гранишы Финскія, гранишы вѣковые,

Земли ледянаго вѣнца

Богашыри спорожевые.

Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ

Громадамъ, міру современнымъ:

Подобно имъ да будешъ онъ

Во всѣ години неизмѣннымъ!

Какъ все вокругъ меня пѣняешь чудно взоръ!

Тамъ , необъятными водами ,

Слилося море съ небесами ;

Тупь съ каменной горы , къ нему дремучій боръ

Сошелъ тяжелыми снопами ,

Сошелъ—и сморщился въ зеркаль гладкихъ водъ !

Ужъ поздно , день погасъ ; но ясенъ неба сводъ ,

На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ

И только что себѣ въ уборъ

Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ

На небосклонъ она выводитъ !

Такъ вошь опечесиво Одиновыхъ дѣшей ,

Грозы народовъ опдаленныхъ !

Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней ,

Разбоямъ громкимъ посвященныхъ !

Умолкъ призывный щипъ , не слышенъ Скальда гласъ ,

Воспламененный дубъ угасъ ,

Развѣялъ буйный вѣтръ шоржеспвенные клики ;

Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ опцовъ ;

И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ

Лежатъ низверженные лпки !

И все вокругъ меня въ глубокой шшипѣ !

О вы , носившіе опъ брега къ берегу бои ,

Куда вы скрылися, полночные герои?

Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной спранѣ.

Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,

Плывете въ облакахъ шуманною толпой?

Вы-ль? дайше мнѣ опвѣшь, услышите голосъ мой,

Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.

Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!

Какъ опдѣлялись вы опъ каменной опчизны?

Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочишалъ

На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?

И вы сокрылися въ обители тѣней!

И ваши имена не пощадило время!

Что-жь наши подвиги, что слава нашихъ дней,

Что наше вѣтренное племя?

О, все своей чредой исчезнете въ безднѣ льшь!

Для всѣхъ одинъ законъ, законъ унищоженья,

Во всемъ мнѣ слышится панисственнй привѣшь

Объшованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣспности, для жизни жизнь любя,

Я беззаботливый душою

Воспрепещу-ль передъ судьбою?

Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:

Не одному-ль воображенью

Гроза ихъ что-то говоришь?

Мгновенье мнѣ принадлежишь ,

Какъ я принадлежу мгновенью!

Что нужды до былыхъ , иль будущихъ племень ?

Я не для нихъ бренчу незвонкими спрунами ;

Я , не внимаемый , довольно награждень

За звуки звуками , а за мечшы мечшами.

III.

Порою ласковую Фею
 Я вижу въ обаяньи сна,
 И всей наукою своею
 Служишь гошова мнѣ она.
 Душой обманушой лжуя,
 Мои мечшы ей лепечу я ;
 Но что-же ? спранно и во снѣ
 Непокупное счастье мнѣ :
 Всегда дарамъ своимъ предложись
 Условье нѣкое она ,
 Кошорымъ, злобно смышлена ,
 Ихъ отправишь пль уничижишь.
 Знашь , самымъ духомъ мы рабы
 Земной насмѣшливой судьбы ;
 Знашь, міру явному дополь
 Нашъ бѣдный умъ порабошонъ ,
 Что переносишь по неволь
 И въ міръ мечшы его законъ.

.

Когда придетъ желанное мгновенье ,
 Когда волнамъ швопмъ я ввѣрюсь , океанъ ?

Но знай: красой далекихъ странъ
 Не очаровано мое воображенье.

Подъ небомъ лучшимъ обрѣши

Я лучшей доли не счумбю ;

Вновь не смогу душой моею

Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.

Межъ шѣмъ опъ приходи судьбины ,

Межъ шѣмъ опъ медленной опоры бышя

Въ покоѣ раболѣпномъ я

Ждашь не хочу своей кончины ;

На яросныхъ волнахъ , въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ ,

Она оправдишь гордыню человека !

Какъ жаждать радостей младыхъ

Я на зарѣ младаго вѣка ,

Такъ нынѣ , океанъ ! я жажду бурь швопхъ.

Волнуйся , восставай на каменные грани ;

Опъ веселишь меня , швоп грозный , дикій ревъ ,

Какъ зовь къ давно-желанной брани ,

Какъ мощнаго врага мнѣ чѣмъ-по лесный гнѣвъ.

IV.

Я возвращуся къ вамъ , поля моихъ ошцовъ ,
 Дубравы мирныя , священный сердцу кровь !
 Я возвращуся къ вамъ , домашнія иконы !
 Пускай другія чшуть приличія законы ;
 Пускай другіе чшуть ревнивый судъ невѣждъ ;
 Свободный наконецъ ошъ суешныхъ надеждъ ,
 Ошъ безпокойныхъ сновъ , ошъ вѣрныхъ желаній ,
 Испивъ безвременно всю чашу испытаній ,
 Не призракъ счастья , но счастье нужно мнѣ .
 Успалый пруженикъ , спѣшу къ родной спранѣ
 Заснушъ желаннымъ сномъ , подъ кровлею родимой .
 О домъ ошеческій ! о край всегда любимой !
 Родныя небеса ! невзвучный голосъ мой ,
 Въ спихахъ задумчивыхъ , васъ пѣлъ въ спранѣ чужой ,
 Вы мнѣ повѣете покойшвіемъ и счастьемъ .
 Какъ въ приспани пловець , испытанный ненашьемъ ,
 Съ улыбкой слушаешь , надъ бездною возсѣвъ ,
 И бури грозный свисшъ и волнь мяшежный ревъ ;

Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ ,
 Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ ,
 Укрывшись отъ толпы взыскашелейныхъ судей ,
 Въ кругу друзей своихъ , въ кругу семьи своей ,
 Я буду издали глядѣть на бури свѣта .
 Нѣтъ , нѣтъ , не опмѣню священнаго обѣта !
 Пускай летишь къ шапрамъ безпренесный герой ;
 Пускай кровавыхъ бшвъ любовникъ молодой
 Съ волненьемъ учишься , губя часы злашыя ,
 Наукъ размѣряшь окопы боевые :
 Я съ дѣшства полюбилъ сладчайшіе пруды .
 Прилежный , мирный плугъ , взрывающій бразды ,
 Почщеніе меча ; полезный въ скромной долѣ ,
 Хочу воздѣлывать ошеческое поле .
 Орашай , вешихъ дней досшигшій надъ сохой ,
 Въ забошахъ сладостныхъ насшавникъ будешь мой ;
 Мнѣ дряхлаго опца сыны шрудолюбивы
 Помогуть упучнишь наслѣдшвенныя нивы .
 А ты , мой старый другъ , мой вѣрный доброхопъ ,
 Усердный песшунъ мой , ты , первый огородъ
 На ошческихъ поляхъ разведшій въ дни былые !
 Ты поведешь меня въ сады свои гусшыя ,
 Деревьевъ и цвѣшовъ расскажешь имена ;
 Я самъ , когда съ небесъ роскошная весна

Повѣшь нѣгою воскреснувшей природѣ ,
 Съ тяжелымъ заспуномъ явлюся въ огородѣ ;
 Приду съ побойъ садишь коренья и цвѣшы .
 О подвигъ благосшнй! не щепенъ будешь шы :
 Богиня пажиней признашельнѣй форшуны !
 Для нихъ безвѣсшнй вѣкъ , для нихъ свирѣль испруны ;
 Онѣ доспуны всѣмъ , и мнѣ за легкйи шрудъ
 Плодами сочными обильно воздадушъ .
 Ошъ грядъ и засшупа сшшшу къ полямъ и плугу ;
 А шамъ , гдѣ ручеекъ по бархашному лугу
 Кашишь задумчиво пусшынныя сшруи ,
 Въ весенній ясный день , я самъ , друзья мои ,
 У берега насажу лѣсокъ уединенный ,
 И лицу свѣжую и шополь осребренный ;
 Въ шѣни ихъ ошдохнешъ мой правнукъ молодой ;
 Тамъ дружба нѣкогда сокроешь пепель мой ,
 И вмѣсто мрамора , положишь на гробницу
 И мирный засшупъ мой и мирную цѣвницу .

V.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
 Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
 Къ нѣмымъ развалинамъ швоимъ
 Подходишь съ грустію ихъ чуждый навѣститель.

За что ушрашилъ ты величье прежнихъ дней?
 За что, державный Римъ! себя забыли боги?
 Градъ пышный, гдѣ швои черсоги,
 Гдѣ сильные швои? о родина мужей!

Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный Геній?
 Ты-ль на распушіи время
 Споишь въ позорище племень,
 Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?

Кому еще грозишь съ швоихъ семи холмовъ?
 Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
 Или, какъ призракъ—обвинитель,
 Печальный предстоишь очамъ швоихъ сыновъ?

VI.

О счастіи съ младенчества поскоя,
 Все счастьемъ бѣдень я,
 Или во вѣкъ его не обрѣшу я
 Въ пусшынѣ бытія?

Младые сны ошъ сердца оплешѣли,
 Не узнаю я свѣшъ;
 Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,
 А новой цѣли нѣшъ.

Безумень шы и всѣ швои желанья:
 Миѣ шайный голось рекъ;
 И лучшія мечшы моей созданья
 Ошвергнуль я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
 Свершилось не вполнѣ?
 Зачѣмъ-же въ ней слѣбое сожалѣнье
 Живешь о спаринѣ?

Такъ нѣкогда обдумываль съ ропшаньемъ
 Я шяжкій жребій свой ,
 Вдругъ Истину (по не было мечпаньемъ)
 Узрѣлъ передъ собой.

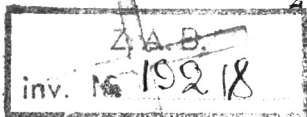
« Свѣшильникъ мой укажешъ пушь ко счастью !
 (Вѣщала) захочу
 И спрасшнаго опрадному безспраспью
 Тебя я научу.

« Пускай со мной шы сердца жарь погубишь ,
 Пускай, узнавъ людей,
 Ты , можешъ бышь, испуганный разлюбишь
 И ближнихъ и друзей.

« Я бышя всѣ прелести разрушу ,
 Но умъ наставлю швой ,
 Я оболую суровымъ хладомъ душу ,
 Но дамъ душѣ покой. »

Я шрепешаль, словамъ ея внимаю ,
 И горешно въ опшвѣшъ
 Промолвилъ ей : о гопшня не-земная !
 Печалень швой привѣшъ.

Ч. II.

Свѣшильникъ твой—свѣшильникъ погребальный

Послѣднихъ благъ моихъ !

Твой миръ, увы ! могилы миръ печальный,

И страшень для живыхъ.

Нѣшь, я не твой ! въ швоей наукѣ спрогой

Я счастья не найду;

Покни меня : кой-какъ моей дорогой

Одинъ я побреду.

Проси ! иль нѣшь : когда мое свѣшило

Во звѣздной вышинѣ

Начнешъ блѣднѣшь и все , что сердцу мило ,

Забышь придется мнѣ ,

Явись тогда ! раскрой тогда мнѣ очи ,

Мой разумъ просвѣши :

Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи

Безропотно сойдши.

VII.

Наслаждайшесь : все проходишь!
То благой , по спрогой къ намъ ,
Своенравно рокъ приводишь
Нась къ ушѣхамъ и къ бѣдамъ.
Чуждъ онъ долгаго приспрасья :
Вы , чья жизнь полна красы ,
На ленту ловише счастья
Ненадежные часы.

Не ропщише: все проходишь,
И ко счастью иногда
Не ожиданно приводишь
Нась суровая бѣда.
И веселью , и печали ,
На измѣнчивой землѣ ,
Боги праведные дали
Одинакіе крылѣ.

VIII.

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными :
О ! въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣпшися !
И если прекрасная
Съ любовію помною
На миломъ покоишь ихъ ,
Онъ мирно блаженствуетъ ,
Во вѣкъ не смупишь его
Сомнѣнье мяшее.
И кто не довѣришь
Сіянью ихъ чистому ,
Эфирной ихъ прелести ,
Небесной души ея
Небесному знаменью ?

Спрашна мнѣ, друзья мои,
Краса черноокая ;

За темной завѣсою
Душа ея кроется ,
Любовникъ пылаешь къ ней
Любовью шревножною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣешь довѣриться.
Какой-шо недобрый духъ
Качалъ колыбель ея :
Одѣлася шьмою она ,
Вспылала причудою ,
Закралоя въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго.

IX.

ЛЕТА.

Душь холодныхъ упованье ,
Непріязненный ручей ,
Чье докучное журчанье
Улыпляешь Элизей !
Такъ ! досмотришь ты укора :
Для чего въ швоихъ водахъ
Погибаешь безъ разбора
Памянь горестей и благъ ?
Прочь съ нещаднымъ ушѣшеньемъ !
Я минувшее люблю
И во вѣкъ ушѣхъ забвеньемъ ,
Муку забвенья не куплю.

X.

Разстались мы ; на мигъ очарованьемъ ,
На крашкѣй мигъ была мнѣ жизнь моя ;
Словамъ любви внимаешь не буду я ,
Не буду я дышатьъ любви дыханьемъ !
Я все имѣлъ , лишился вдругъ всего ;
Лишь началъ сонъ исчезло сновидѣнье !
Одно теперь унылое смущенье
Осшалось мнѣ опъ счастья моего .

XII.

Къ чему невольнику мечшанія свободы?
 Взгляни: безропошно шекушь рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
 Ель величавая споишь гдѣ возрасла,
 Невласпная сойдши. Небесныя свѣшила,
 Назначеннымъ пушемъ, невѣдомая сила
 Влечешь. Бродячій вѣпръ неволень, и законъ
 Его лешучему дыханью положень.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
 Мяшежныя мечшы смпримъ пль позабудемъ;
 Рабы разумныя, послушно согласимъ
 Свои желанія со жребіемъ своимъ,
 И будешь счастлива, спокойна наша доля.
 Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
 Даруетъ спрасши намъ?
 О, шягосшна для насъ.
 Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною,
 И въ грани узкія вшѣсенная судьбою.

XII.

Разсѣиваетъ грусть веселый шумъ пировъ ;
 Вчера, за чашей круговою ,
 Въ семействѣ дружескомъ сорашныхъ шалуновъ
 Мечшаль воскреснушь я душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегаль ,
 Шапры надъ озеромъ дремали ,
 Лишь мы не знали сна—и пѣнисный фіаль
 Съ весельемъ буйнымъ осушала.

Но что-же? вѣ себя я щещно жишь хошѣль :
 Вино и Вакха мы хвалили ;
 Но я безрадосно съ друзьями радосъ пѣль :
 Восшорги ихъ мнѣ чужды были.

Того не приобрѣшь , что сердцемъ не дано ,
 Всесильнымъ собшвенною силою ;
 Одну печаль свою , уныніе одно
 Способень чувшвовашь унылой !

XIII.

ШЪСНЯ.

Спрашно воешь , завываешь
Въшрь осенній ;
По поднебесью далече
Тучи гонишь .

На часахъ спомнишь печалень
Юный рапникъ ;
Онъ уносится за ними
Грусною думой .

О , куда , куда вась , шучи ,
Въшерь гонишь ?
О , куда ведешь судьбина
Горемьку ?

Тошно жишь мнѣ: мать родную

Я покинулъ !

Тошно жишь мнѣ: съ милой сердцу

Я распался.

« Не грусти ! » душа дѣвица

Мнѣ сказала.

« За себя молишься будешь

Другъ швой вѣрный. »

Чшо въ молишвахъ ? я въ чужбинѣ

Дни скончаю.

Возвращусь-ли ? взоръ швой друга

Не признаешь.

Не видашь въ лицо мнѣ счастья :

Жишь на чшо мнѣ ?

Дай приюшь, земля сырая ,

Разступися.

Онъ поешь ; никто не слышишь

Словъ печальныхъ. . . .

Ихъ разносишь , заглушаешь

Вѣшеръ бурный.

XIV.

/Приманкой ласковыхъ рѣчей
 Вамъ не лишшея меня разсудка!
 Конечно, многихъ вы милѣй,
 Но васъ любите плохая шушка!

Вамъ не нужна любовь моя,
 Не слишкомъ заняты вы мною,
 Не нѣжность, приходите вашу я
 Признаньемъ спраснымъ успокою.

Вамъ дорогъ я, швердше вы,
 Но лишній плѣнникъ вамъ дороже,
 Вамъ очень миль я, но увы!
 Вамъ и другіе мильы шоже.

Съ шолпой соперниковъ моихъ
 Я состязашься не дерзаю,
 И превосходной силѣ ихъ
 Безъ бившы поле уступаю.

XV.

ПАДЕНЬЕ ЛИСТЬЕВЪ.

Желшѣль печально знакъ полей ,
 Брега взрываль испочникъ мушной ,
 И голосистый соловей
 Умолкнуль въ роцѣ безпріюшной .
 На преждевременный конецъ
 Суровымъ рокомъ обреченный ,
 Прощался шакъ молодой пѣвецъ
 Съ дубравой сердцу драгоцѣнной :

« Судьба исполнилась моя ,
 « Проси, убѣжище драгое !
 « О прорицанье роковое !
 « Твой страшный голосъ помню я : »
 — Готовься , юноша несчастной !
 Во мракъ осени ненастной
 Глубокій мракъ шебѣ грозить ;
 Ужь онъ зіяешь изъ Эрева ,

Послѣдній листь падеть со древа ,
 Твой часъ послѣдній прозвучишь !
 « И вяну я : лучи дневные
 « Вседневно шягче для очей ;
 « Вы улешѣли , сны злашые ,
 « Минушной юности моей !
 « Покину , все что сердцу мило .
 « Ужь мглою небо обложило ,
 « Ужь позднихъ въспровъ слышенъ свисъ !
 « Что медлишь ? время наступило :
 « Вались , вались поблекшый листь !
 « Судьбѣ прошивишься бесплный ,
 « Я жажду ночи гробовой ,
 « Вались , вались ! мой холмъ могильный ,
 « Ошь грушной машери сокрой !
 « Когда-жь вечернею порою
 « Къ нему пусынною шропою ,
 « Вдоль незабвеннаго ручья ,
 « Придешь поплакашь надо мною
 « Подруга нѣжная моя :
 « Твой легкій шорохъ въ чупкой сѣни ,
 « На берегахъ Спигійскихъ водъ ,
 « Моей обрадованной шѣни ,
 « Да возвѣспишь ея приходъ ! »

Сбылось ! Увы ! судьбины гнѣва
Покоршвомъ бѣдный не смягчилъ ,
Послѣдній листь упаль со древа ,
Послѣдній часъ его пробилъ .
Близъ роуци шой его могила !
Съ кручиной шяжкой своей ,
Къ ней часшо машерь приходила
Не приходила дѣва къ ней !

XVI.

Любви примѣшы
Я не забыль ,
Я ей служиль
Въ былыя лѣшы !
Въ ней говоришь
И жарь ланишь
И вздохъ случайной
О ! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови пайной !
Въ душѣ швоей
Ужь нѣшь покоя ;
Давнымъ давно я
Чишаю въ ней :
Любви примѣшы
Я не забыль ,
Я ей служиль
Въ былыя лѣшы !

XVII.

Зачѣмъ, о Делія! сердца младя, шы
 Игрой любви и сладоспращья
 Исполнишь силнисья мучительной мечшы
 Недосягаемаго счастья?
 Я видѣлъ вокругъ себя поклонниковъ швоихъ,
 Полуиссохшихъ въ спрасси жадной:
 Досстигнувъ ихъ любви, любовнымъ кляшвамъ ихъ
 Внимаешь шы съ улыбкой хладной.
 Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ:
 Теперь душа швоя въ покоѣ;
 Придется нѣкогда, извѣдашь и шебѣ
 Очарованье роковое!
 Не опасайся насмѣшливыхъ сѣшей,
 Бышь можешь, избранный побою
 Уже не ввѣрнися огню любви швоей,
 Не пронешся ея поскою.
 Когда-жь пора придешь, и розы красомы,
 Вседневно свѣжесью бѣднѣя,

Погибнуть , опивъчай: къ чему прибѣгнешь ты,
Къ чему безчарная Цирцея ?
Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь ,
Худыя щеки нарумянишь ,
Дипя крылашее захочешь , какъ нибудь ,
Вновь приманишь Но не приманишь !
Въ замѣну сновъ молодыхъ себѣ не обрѣспи
Покоя , позднихъ лѣтъ опрады ,
Куда-бы ни пошла , взроясь на пуши
Самолюбивыя досады !
Немирнаго душой , на мирномъ ложѣ сна ,
Такъ убѣгаешь усыпленье ,
И гдѣ для каждаго доступна шишина ,
Сспрадальца ждешь одно волненье .

XVIII.

Когда-бъ избрашъ возможно было мнѣ
Любой удѣлъ , любое счастье въ мѣрѣ,
Я-бъ не хошѣлъ бышь славнымъ на войнѣ ,
Я-бъ не хошѣлъ играшь на громкой лирѣ ,
Я злата-бы себѣ не пожелалъ ;
Но блага всѣ единымъ именуя,
То , дайше мнѣ , Богамъ-бы я сказалъ ,
Чѣмъ Д. понравиться могу я .

XIX.

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
 Товарищъ радостей минувшихъ,
 Товарищъ ясныхъ дней, не давно надо мной
 Мечшой веселою мелькнувшихъ?

Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
 Другъ отлученный, другъ далекой,
 На Финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
 Бродящій съ грустью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
 Лишь мнѣ чувствительна утрата,
 Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
 Судьбой оппорженнаго брата?

Ты помнишь-ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
 Пылая жаждой сладострасья,
 Мы жизни ввѣрились и общю пропой
 Помчались за мечшою часъ лян?

«Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!»

За полной чашей мы пвердили ,
И весело въ спруяхъ блестящаго вина ,
Забвенье сладостное пили.

И вошь сгуспилась ночь и все въ глубокомъ снѣ —
Лишь дышеть влажная прохлада ;
На спогнахъ шишина ! сіяють при лунѣ
Дворцы и башни Петрограда.

Къ знакомцу доброму спучишся Куцдонъ ,
Пусть дремлетъ шруженикъ усшай !
« Проснися , юноша , опвергни » шепчетъ онъ ,
« Покой безчувственнѣй и вяльей . »

« Взгляни ! ты видишь-ли : покпнувъ ложе сна ,
« Передъ окномъ , полу-одѣша ,
« Томленья спрашнаго въ душѣ своей полна ,
« Счастливица ждешъ моя Лплеша ? »

Толпа безумная ! напрасно рощешъ ты !
Блажень , кто легкою рукою
Весной умѣль срывашъ весеннѣ цвѣпы
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою ;

Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ

И равнодушіемъ богатыи ,

За царство не опдасъ покоя сладкій мигъ

И наслажденя мигъ крылатый !

Давно румяный Фебъ прогналь ночную тѣнь ,

Давно проснулся забошы ,

А баловня забавъ еще покоишь лѣнь

На ложъ нѣги и дремошы.

И Лила спишь еще : любовію горяшь

Младя свѣжія ланшы ,

И мнишья поцѣлуй сквозъ шонкій сонъ маяшь

Ея уста полу-ошкрышы.

И гдѣ-жь берега Невы? гдѣ чашъ веселый спукъ?

Забышь друзьями другъ заочной ,

Псчезли радости, какъ въ вихрь слабый звукъ ,

Какъ блескъ зарницы полуночной !

И я , пѣвецъ ушѣхъ , пою ушрапу ихъ ,

И вокругъ меня скалы суровы

И воды чуждыя шумяшь у ногъ моихъ

И на погахъ моихъ оковы.

XX.

Желанье счастья въ меня вдохнули боги :
Я пребрывалъ его ошь неба и земли ,
И въ слѣдъ за призракомъ , манящимъ издали ,
Жизнь перешель до поль-дороги ;
Но приходямъ судьбы я боль не служу :
Счастливыи опдыхомъ , на счастье похожимъ ,
Ошнынъ съ рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожимъ .

XXI.

Мнѣ съ упоеніемъ замѣннымъ
 Глаза поднѣшь на васъ бѣда:
 Вы ихъ встрѣчаете всегда
 Съ лицомъ сердишымъ, непривѣснымъ.
 Я полонъ спрасшною шоской,
 Но нѣшь! разсудка не забуду
 И на нескромный пламень мой
 Ошвѣна пребовашъ не буду.
 Не шерпншь Богъ младыхъ проказъ,
 Ланишь увядшихъ, впалыхъ глазъ:
 Надежды были-бы напрасны
 И къ вамъ не ими я влекомъ.
 Любуюсь вами какъ цвѣшкомъ,
 И счастливь шѣмъ что вы прекрасны.
 Когда я въ очи вамъ гляжу,
 Предавшнсь нѣжному шомленью,
 Слегка о прошломъ я шужу,
 Но радъ что сердце нахожу

Еще способнымъ къ упоеню.
 Межь мудрецами былъ чудакъ :
 « Я мыслю » пишешъ онъ , « и шакъ
 Я несомнѣнно сущесвую. »
 Нѣшь ! любишь шы , и пошому
 Ты сущесвуетъ : я пойму
 Скорѣ истину шакую.
 Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
 Япешовъ сынъ , гласишь преданье ,
 Одушевилъ свое созданье ,
 И наказаль его Зевесъ.
 Неумолимый , Прометей
 Къ скаламъ Кавказа приковаль ,
 И сердце врань ему клеваль ;
 Но что-жь ? несчастнаго жалѣя ,
 Кшо на Зевеса не ропсаль !
 Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
 Я заняль сердца бышье :
 Вашъ гнѣвъ достойнѣе укоръвъ ,
 Чѣмъ дерзновеніе мое ;
 Но нѣшь , ушѣшьшесь , шушка водишь
 Моимъ проказливымъ перомъ :
 Я захожу въ вашъ милый домъ ,
 Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходишь.

Душою праздный съ давнихъ поръ,
Еще швержу любовный вздоръ,
Еще беру прельщенья мѣры,
Какъ по привычкѣ прежнихъ дней,
Онъ ароматы сжешь безъ вѣры
Богамъ чужимъ душѣ своей.

XXII.

ЦВѢТОКЪ.

Съ восходомъ солнечнымъ Людмила
 Сорвавъ себѣ цвѣшокъ ,
 Куда-то шла, и говорила
 « Кому отдамъ цвѣшокъ ?

« Что порошится ? мнѣ-ль наскучишь
 Лелеяшь свой цвѣшокъ ?
 Нѣшь ! недостойный не получишь
 Душистый мой цвѣшокъ. »

И говорилъ ей каждый встрѣчный :
 Прекрасенъ швой цвѣшокъ !
 Мой милый другъ, мой другъ сердечный ,
 Отдай мнѣ швой цвѣшокъ.

Она въ опвѣшь: « сама я знаю ,
 Прекрасень мой цвѣшокъ ;
 Но не тебѣ, и эшо знаю ,
 Другому мой цвѣшокъ. »

Красою яркой день сіяешь :
 У дѣвушки цвѣшокъ ;
 Вошь полдень, вечеръ наступаешь:
 У дѣвушки цвѣшокъ !

Идешь. Услава повспрѣчала :
 Онъ прелесью цвѣшокъ.
 « Ты милъ !— она ему сказала, —
 Возми-же мой цвѣшокъ ! »

Онъ чшо-же дѣвѣ ? Онъ спесиво :
 На чшо мнѣ швой цвѣшокъ ?
 Ты мнѣ даришь его; не диво :
 Увянуль швой цвѣшокъ.

XXIII.

Чшо пользы вамъ онъ шумныхъ вашихъ преній ?
 Кишишь война ; но чшо же ? никому
 Побѣды нѣшь ! Сказашь-и почему ?
 Ни у кого ни мысли нѣшь , ни мнѣній.
 Хопише-ли , чшобы народный гласъ
 Могъ увѣнчать кого нибудь изъ васъ ?
 Чѣмъ холосшой словесной переспрѣлкой
 Морочишь свѣшь и множишь пусьяки ,
 Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой :
 Благословясь , схващешесь за виски .

XXIV.

Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ
 Я искашалъ ее сначала :
 Она словамъ моимъ внимала
 Съ шупымъ безмысленнымъ лицомъ.
 Въ ней разбудилъ огонь желаній
 Еще надежду я хранилъ
 И сладоспрасныхъ лобызаній
 Языкъ живой упошребилъ. . . .
 Она глядѣла шакже шупо ,
 Пошомъ разгнѣвалася глупо.
 Бѣги за нею модный свѣтъ,
 Пльняйся дѣвой идсальной ,
 Владѣю шайной я печальной:
 Ни сердца въ ней, ни пола нѣшь.

XXV.

ЯЗЫКОВУ.

Бывало , свѣшь позабывая
 Съ побою счастливымъ пѣвцомъ ,
 Твоя Камена молодая
 Вѣнчалась гроздемъ и плющемъ
 И пѣсни вѣтренныя пѣла ,
 И къ ней , безумна и слѣпа ,
 То , увлекаясь пламенѣла
 Любовью грубою шолпа,
 То , на свободные напѣвы
 Сердяся въ ханжешвѣ шупомъ ,
 Она ругалась чудной дѣвы
 Ей непоняшнымъ Божешвомъ.
 Во взорахъ пламень вдохновенья ,
 Огонь восшорга на щекахъ ,
 Быль жарь хмѣльной въ ея глазахъ

Или румянецъ вожделеня.
Она высоко рождена ,
Ей много славы подобаешь :
Лишь для любовника она
Нарядъ Менады надѣваешь ;
Яви-жь, яви ее скорѣй
Пѣвецъ, въ достойномъ блескѣ міру :
Наперсницѣ души швоей
Дай діадиму и порфиру ;
Державный санъ ея ошкрой ,
Да изумишь своею красой ,
Да величавый взоръ смущаешь
Ея злословнаго судью ,
Да въ ней хулишель твой познаешь
Мою царицу и свою.

XXVI.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи: воспоргомъ ожиданья,
Чшо-жь не прешещь грудь моя?
Не мнѣ рошашь; но дни печали,
Бышь можешь, поздно миновали:
Съ поскою на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнишся, счастливъ я ошибкой
И не къ лицу веселье мнѣ.

XXVII.

Перелетай къ веселью опъ веселья ,
Какъ опъ цвѣшка бѣжишь къ цвѣшку дитя ;
Не успѣвай , за суешой бездѣля ,
Задумашься , подумашь и шуя .
Пускай себя къ Коринамъ не причисляшь ,
Играй , мой другъ , играй , и вѣрь мнѣ въ помъ ,
Чшо многіе о милой Лизѣ мысляшь ,
Когда она не мыслишь ни о чемъ .

XXVIII.

И пакъ, мой милый, не шузя,
 Сказавъ просни домашней нѣгѣ,
 Ты усь мечшательный крузя,
 На шипко-скачущей шѣлегѣ,
 Опъ насъ увы! далеко прочь
 О насъ, увы! не сожалѣя,
 Лепишь курьеромъ день и ночь
 Туда, шуда, къ шашрамъ Арея!
 И пакъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
 Ты скоро спанешь въ рашномъ спроѣ
 Межь удалцами удалцомъ!
 О милый мой! согласенъ въ помъ:
 Завидно счасшіе шакое!
 Не приобщуся не впопадъ
 Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
 Иди! воиншвенный нарядъ
 Приличенъ юношамъ опважнымъ.
 Люблю я бранные шашры,

Люблю безопасность полковую ,
Люблю красивые смокры ,
Люблю тревогу боевую ,
Люблю я храбрыхъ , воинъ мой ,
Люблю ихъ видѣшь въ бпшвѣ шумной
Лепящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной !
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зовешъ , любовникъ брани ;
Спупай , служи богинѣ бѣдъ
И къ ней шрепещущія длани
Съ мольбой подымешъ швой поэтъ .

XXIX.

Мила какъ Грація, скромна
 Какъ Сандрильона ,
Подобно ей, красой она
 Достойна прона.
Пріяшна лира ей моя ;
 Но что мнѣ въ эшомъ ?
Бышь Королемъ желаль-бы я,
 А не Поэшомъ.

XXX.

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ , безумцевъ насъ ,
Сновъ золошыхъ судьба благая
'Даешъ извѣспный намъ запасъ :
Насъ быспро годы почшове
Съ кормчы довозяшъ до кормчы
И снами шѣми пушевые
Прогоны жизни плашимъ мы.

XXXI.

Глупцы не чужды вдохновенья ;
Имъ также пылкія мгновенья
Оно какъ геніямъ дарить ;
Слепая съ неба, всѣ расшени
Равно весна живошворишь.
Что-жь эшо сходство знаменуетъ ?
Что имъ глупецъ пріобрѣнешъ ?
Его капустою раздуютъ,
А лавромъ онъ не расцвѣнешъ.

XXXII.

Когда неопытенъ я былъ ,
У красоты самолюбивой ,
Мечшашель слишкомъ прихотливой ,
Я за любовь любви молилъ ;
Я прешала въ поскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ:
Но щещно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ опвѣща и узнанья !
Огонь ушихъ въ моей крови ;
Покинувъ службу купидона ,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ безплодный Гелкона.
Но свѣшлый мѣръ унылъ и пущь
Когда душѣ ничшо не мило :
Руки пожашье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ усь.

XXXIII.

Г-ЧУ.

Врагъ суешныхъ ушѣхъ и врагъ ушѣхъ позорныхъ,
 Не уважаешь ты бездѣлокъ спихопворныхъ ;
 Не угодить тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
 Развращенной прелесью изнѣженныхъ спиховъ :
 Возвышенную цѣль поэтъ избраться обязанъ.

Къ блестящимъ шалоспямъ, какъ прежде, не привязанъ
 Я правиламъ швоимъ послѣдовать-бы могъ ;
 Но ты-ли мнѣ велишь оставишь мирный слогъ
 И, ѣдкой желчію напишывая спроки,
 Сапирою возшаешь на глупость и пороки ?
 Миролюбивый нравъ дала судьбина мнѣ
 И счастья моего искалъ я въ пишинѣ ;
 Зачѣмъ я удалюсь ошь споль разумной цѣли ?

И звуки легкіе зашѣлливой свирѣли
 Въ неугомонный лай пеловко превращаи ,
 Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шуши ?
 Спрашусь ихъ множества и злобы ихъ опасной .

Полезень обществу сапирикъ безпристрастной ;
 Дыша любовію къ согражданамъ своимъ ,
 На ихъ дурачества онъ жалуется имъ :
 То укоризнами возставъ на злодѣянье ,
 Его приводишь онъ въ благое содрагашье ,
 То ѣдкой слою забавнаго словца
 Смиряешь попыхи надушаго глупца ;
 Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воишь .

Все шакъ ; но кшо владѣшь перомъ его доспоишь !
 Оспрошь зашѣлливыхъ , насмѣшекъ ѣдкихъ дарь ,
 Язвишельныхъ сшиховъ , какой-шо злобный жарь
 И ихъ спарашельно подобранные звуки ,
 За безпристрастіе забавные поруки !
 Но если полную свободу мнѣ дадушъ ,
 Того-ль я успрашу , кому неспрашенъ судъ ,
 Кшо въ сердцѣ должнаго укора не находишь ,
 Кого и Божій гнѣвъ въ забошу не приводишь ,
 Кого не оскорбишь язвишельный языкъ !

Онъ совѣспь усыпиль, къ позору онъ привыкъ.

Но слушай: челоуѣкъ, всегда корысти жадный ,
 Берешся-ли за шрудъ навѣрно безнаградный ?
 Купецъ разсчешливый изъ добрыхъ барышей
 Вѣтряешь корабли случайносшямъ морей ,
 Изъ плашы, опогнавъ сладчайшую дремошу ,
 Поденьщикъ до зари выходипь на рабошу ;
 На славу громкую надеждою согрѣшь ,
 Въ шрудахъ возвышенныхъ , возвышенный поэшъ ;
 Но рвенью моему, что будешь воздаянемъ :
 Не слава-ль громкая ? я бѣденъ дарованьемъ .
 Сшараясь въ нѣкій умъ соощичей привесшь ,
 Я благодарность ихъ мечшалъ-бы приобрѣсшь ,
 Но право смысла нѣшь во словѣ: благодарность ,
 Хоть намъ и нравился его высокопарность .
 Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинь ,
 Ошь вѣка сихъ вельможъ оспавшійся одинъ ,
 Но смѣло духъ его хранившій въ вѣкъ новомъ ,
 Общпрный разумомъ и сильный, громкій словомъ ,
 Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя ,
 Въ совѣсахъ не робѣлъ оспоривашъ Царя ,
 Когда прекрасному влеченію послушный ,
 Внимашъ ему любилъ Монархъ великодушный ,

Изъ благодарности, о немъ у пѣхъ и пѣхъ
 Какія шолки шли? — «Кричишь онъ громче всѣхъ,
 О благѣ общества какъ будшо-бы хлопчешь,
 А право рипорспвомъ похвасташь больше хочешь;
 Капономъ смопришь онъ, но понкаго льспеца
 Ошъ насъ не ушайшь подъ спрогоспью лица. —
 Такъ, лучшимъ подвигамъ людское развращенье
 Придумашь силшся дурное побужденье;
 Такъ исключштельно посредспвенность любя,
 Спѣшишь высокое унизишь до себя;
 Такъ самыхъ доблесней завпспшлво препенещь,
 И чшобъ не вѣришь имъ, на оныя клеветчешь!

 Нѣшь, нѣшь! разумный мужъ идешь пушемъ инымъ,
 И спнсходштельный къ дурачеспвамъ людскимъ,
 Не высшавляешь ихъ, но сносишь благошравно;
 Онъ не пышашся, увѣренный забавно
 Во всемогущеспвѣ болшанья своего,
 Имъ въ людяхъ измѣнишь людское еспспшво.
 Изъ насъ, я думаю, не скажешь ни единой
 Оспнѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиною;
 Межь шѣмъ, какъ спранны мы! межь шѣмъ любой изъ насъ
 Переиначишь свѣшь задумывалъ не разъ.

XXXIV.

Непзвинишельной ошпбкой ,
 Скажише, долго-ль будешъ вамъ
 Внимашь съ холодною улыбкай
 Любви укорамаъ и мольбамаъ ?
 Однѣ побѣды вамъ извѣспны ;
 Любовь нечаянно узнавъ,
 Какпхъ лишпшеся вы правъ
 И меньше-ль будеше прелеспны ?
 Ко мнѣ примѣрно нѣжной спавъ ,
 Бы наслажденья лишены-ли:
 Дурачпшь плѣнниковъ другпхъ
 И гордой бышь, какъ прежде были,
 Къ шолпѣ соперниковъ мопхъ ?
 Еще-же нужно размышленье !
 Любви просное упоенье
 Васъ не довольствуешъ вплонѣ ;
 Но съ упоеньемъ поклоненье
 Соедпнпшь не шрудно мнѣ ;

И вашъ угодникъ посполной
Попеременно я-бы могъ—
Бышь съ вами запросно въ диванной ,
Въ гостинной бышь у вашихъ ногъ.

XXXV.

Дало двѣ доли Провидѣніе
 На выборъ мудросши людской:
 Или надежду и волненіе,
 Иль безнадежность и покой.

Вѣрь шопъ надеждѣ обольщающей,
 Кто бодръ неопышнымъ умомъ,
 Лишь по молвѣ разновѣщающей
 Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйшесь, юноши кипящіе!
 Лепше: крылья вамъ даны;
 Для васъ и замыслы блестящіе
 И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испышавшіе,
 Тщешу ушѣхъ, печали власть,

Вы, знанье бытія пріявшіе ,
 Себѣ на шягоспную часпъ !

Гонште прочь ихъ рой прельспительный ;
 Такъ! доживайште жизнь въ пиши ,
 И берегите хладъ спасительный
 Своей бездѣйспвенной души.

Своимъ безчувспвіемъ блаженные
 Какъ шрупы мершвыхъ изъ гробовъ ,
 Волхва словами пробужденные ,
 Вспаюшъ со скрежешомъ зубовъ ;

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанья ,
 Безумно вдавшисъ въ ихъ обманъ ,
 Проснешесъ только для спраданія ,
 Для боли новой прежнихъ ранъ.

XXXVI.

Одинъ, и пасмурный душою ,
 Я предъ окномъ сидѣлъ ;
 Свисшѣла буря надо мною
 И глухо дождь шумѣлъ.

Ужь поздно было, ночь сгустилась ;
 Но сонъ бѣжалъ очей ,
 О дняхъ минувшихъ пробудилась
 Тоска въ душѣ моей.

« Увижу-ль васъ , поля родныя ,
 « Увижу-ль васъ , друзья ?
 « Губя печалью дни молодые ,
 « Примѣшно вяну я . !

« Дни пролепающъ, годы поже ;
 « Межь шѣмъ бѣднѣешъ свѣшъ !

« Давно-ль покинулъ васъ—и что-же?

« Двоихъ ужъ въ міръ пѣшь !

« И мнѣ назначена могила!

« Умру въ чужой спранѣ,

« Умру и въпренная Лила

« Не вспомнишь обо мнѣ ! »

Душа спѣснилася шоскою ;

Я грусно онѣмѣль ,

Склонился на руку главою ,

Въ окно не зря глядѣль.

Очнулся я ; румянь и свѣшель

Ужъ новый день сіяль,

И громкой пѣснью ранній пѣшель

Мнѣ ушро возвѣщаль.

XXXVII.

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой
Я только пѣлъ мои печали:
Спихи холодные дышали
Души холодною шоской;
Когда-бъ тогда вы мнѣ предстали,
Быть можешь, грустный мой удѣлъ
Вы облегчили-бъ. Нѣшь ! едва-ли !
Но я-бы пламеннѣе пѣлъ.

XXXVIII.**ЛУТКОВСКОМУ**

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ швои военные рассказы;
Проказы жизни боевой
Ни какъ веселые проказы!
Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго льншая;
Но мнѣ война еще милѣй
И я люблю, себя внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей.
Какъ сердце жаждеть бранной славы,
Какъ духъ кипишь, когда порой,
Мнѣ хвалишь рашныя забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный видъ! въ весельи дикомъ,

Вы мчннесь грозно. дымъ и громъ !
 Бѣгунцѣй врагъ покрышь снѣдомъ
 И спрашный бой, съ побѣднымъ кликомъ ,
 Вы запиваете виномъ !
 А Епендорфскіе шрофен ?
 Проказникъ , счастливый вполне ,
 Съ веселымъ сыномъ Ципперен
 Ты дружно жилъ и на войнѣ !
 Спяшь враги шолною жадной
 Кругомъ окоповъ городскихъ ;
 Ты , воинъ мой , защитникъ ихъ :
 Съ побой семьею безошрадной
 Толпа красавицъ молодыхъ .
 Ты сна не знаешь : чупъ проглянуль
 День лучезарный сквозь шуманъ ,
 Ужь рыцарь мой на вражій спанъ
 Съ дружиной быспрою нагрязнуль :
 Врагамъ нль смершь , нль шрогій пльнѣ !
 Межь шѣмъ красавицы младыя
 Пришли шолной , съ высокнхъ шѣнѣ
 Глядѣшь на игры боевыя ;
 Сраженья видъ ужасенъ имъ ,
 Дивятся подвигамъ швоимъ ,
 Шлюшь къ небу шеплыя молишвы

Да возвратишия невредимъ
Любезный воинъ съ лютой битвы!
О! кто-бы жадно не купилъ
Молишвы сей покоемъ, кровью!
Но ты не разъ увѣнчанъ былъ
И бранной славой и любовью.
Когда-жь пѣвцу дозволишь рокъ
Узнать, какъ ты, веселье боя
И заслужишь хощя лишокъ
Изъ лавровъ милаго героя?

XXXIX.

Когда печалью вдохновенный
 Певѣць печаль свою поешъ,
 Скажише: опзывъ умленный
 Въ какомъ онъ сердцѣ не найдешъ?
 Кшо вѣковыхъ проклятій жаденъ
 Дерзнешъ осмѣивашъ ее?
 Но для припворсхва всякій кладенъ,
 Плачь подражательный досаденъ,
 Смѣшно жеманное вышье!
 Не напряженнаго мечпанья
 Огнемъ услужливымъ согрѣшъ,
 Постигнулъ шапсхва сшраданья
 Душешушительный поэшъ.
 Въ борьбѣ съ шяжекою судьбою
 Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
 Сердечныхъ судорогъ цѣною
 Онъ выраженье ихъ купилъ.
 И вошъ нешлѣнными лучами

Ликъ пѣснопѣвца окружонъ
И чшмъ земными племенами
Подобно мученику онъ,
А ваша муза площадная
Тоской заемною мечшая
Родитъ участіе въ сердцахъ ,
Подобна нищей развращенной
Молящей лепшы незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

XL.

Къ
Нѣшъ, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами
И надо мной свои права
Вы не ушрашили съ годами.
Другимъ курилъ я фиміамъ,
Но васъ посидѣ въ свяшынѣ сердца;
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ шаровѣрца.

XLI.

Повѣрь, мой милый! твой Поэти
 Тебѣ соперникъ неопасный!
 Онъ на закашѣ юныхъ лѣтъ,
 На утренней зарѣ ты юности прекрасной.
 Живаго чувства полный взглядъ,
 Уста цвѣщущія, румяныя ланины,
 Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говоришь
 Съ душой догадливой Хариты.
 Когда съ тобой наединѣ
 Порой красавица стихи мои похвалишь,
 Тебя напрасно опечалишь
 Ея вниманіе ко мнѣ:
 Она поропишь пробужденіе
 Младаго сердца своего
 И вынуждаешь у него
 Свидѣтельство любви, ревнивое мученье.
 Что добраго въ моей судьбѣ,
 И что я приобрѣлъ красавицъ воспѣвая?

Одно: моимъ спихомъ Хариша молодая,
Бышь можешъ, выразишь любовь свою къ шебъ!
Счастливыи баловень Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его вѣрнѣй,
И за пришворныя обиды
Лишь плашу требовашъ умѣй!
А мнѣ, мнѣ предосхавъ шапшь огонь бесплодный
Рожденный иногда воззрѣнемъ красоты,
Умомъ оспоривашъ сердечныя мечшы
И чувство прикрывашъ улыбкою холодной.

XLII.

Тебя изъ шьмы не изведу я
 О смерть! и дѣшскою мечшой
 Гробовый спань шебѣ даруя,
 Не ополчу шебя косою.

Ты дочь верховнаго Эфира,
 Ты свѣшозарная краса:
 Въ рукѣ швоей ошва мира,
 А не губящая коса.

Когда возникнуль мѣрь цвѣшущій
 Изъ равновѣсья дикихъ силъ,
 Въ швое храненье Всемогуцій
 Его усшройштво поручиль.

И шы лепашь надъ швореньемъ
 Согласье прямъ его лѣя
 И въ немъ, прахладнымъ духовеньемъ,
 Смиряя буйштво бышя.

Ты укрощаешь возстающій
 Въ безумной силѣ ураганъ,
 Ты, на брега свои бѣгущій,
 Вспять поворачиваешь Океанъ.

Дашь предѣлы ты распеню,
 Чтось не покрыль безмѣрный лѣсъ
 Земли губительною тѣнью,
 Злакъ не воспаль-бы до небесъ.

А человекъ! святая дѣва!
 Передъ шобой, съ его ланишь
 Мгновенно сходяшь пяшна гнѣва,
 Жарь любострассія бѣжишь.

Дружишься праведный шобою
 Людей недружная судьба:
 Ласкаешь шок-же рукою
 Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье
 Условье смущныхъ нашихъ дней:
 Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
 Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

XLIII.

Какъ много ты, въ немного дней
Прожилъ, прочувствовалъ успѣла!
Въ мясежномъ пламени спрасней
Какъ спрашно ты перегорѣла!
Раба помпильной мечпы!
Въ шоскѣ душевной пуспошы,
Чего еще душою хочешь?
.
И какъ русалка ты хохочешь.

XLIV.

Храни свое неопасенье,
Свою неопышность дельй;
Передъ шобою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣшникѣ своемъ,
И въ свѣшѣ, сердцу будь послушной
И монастыркой благодушной
Оспанься долго, долго въ немъ.
Пусть для себя преображаемъ
Игрой младенческой мечшы,
Онъ вѣкъ не рознишь съ шихимъ раемъ
Бъ кошоромъ разцвѣшала шы.

XLV.

Вчера ненастливая ночь
Меня заспала у Лилеши.
Оспашься-ль мнѣ, идши-ли прочь,
Межь нами долго шли совѣшы.

Но въ чашу свѣшлаго вина
Наливъ съ улыбкою лукавой,
Послушай, молвила она,
Вино совѣшникъ самый здравый.

Я пиль; на что-жь рѣшился
Благимъ внушеньемъ полной чаши?
Побрель по слякоши, друзья,
И до зари сидѣлъ у Паши.

XLVI.

Незнаю? милая, Не знаю!
Краса плѣнншельна швоя:
Не знаю, я предпочитаю
Всѣмъ шѣмъ, кошорыхъ знаю я.

XLVII.

БОГДАНОВИЧУ

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Лены,
 Гдѣ благоденствуютъ ожившіе поэмы,
 О Душенькинъ поэшь, прими мои стихи!
 Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи
 И надоѣвъ живымъ посланьями своимъ,
 Несчастливымъ мертвецамъ скучашъ рѣшаюсь имъ.
 Нѣшь нужды до того! хочу въ досужный часъ
 Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнасъ,
 Съ тобой, поэшь живой, зашѣливый и нѣжный,
 Всегда плѣнительный, хоть нѣсколько небрежный,
 Чершамъ замѣннѣйшимъ лукавой оспрошы
 Дающій милый видъ сердечной простоты,
 И часто нагошу рисуя намъ безчинно,
 Почши безсмыднымъ бышь умѣющій невинно.

Не хладной шалостью, но сердцем внушена,
 Веселость ясная въ стихахъ своихъ видна ;
 Мечшы игривыя побою были пѣшы;
 Въ печаль влюбцись мы. Новѣйшіе поэты
 Не улыбаются въ швореніяхъ своихъ,
 И на лицѣ земли все какъ шо не по нихъ.
 Ну чтожь? поклонъ, да вошь! увы? не въ эшомъ дѣло;
 Ни жишь имъ, ни писашь еще не надоѣло,
 И правду безъ зашѣй сказашь шебѣ пора:
 Приспала къ музамъ ихъ Нѣмецкихъ музъ Хандра.
 Жуковской виновашь: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
 И сшалъ передавашь, забывши Божій спрахъ,
 Жизнехуленья ихъ въ пѣнишельныхъ стихахъ.
 Проспи ему Господь!—Но что же! всѣ мараки
 Ударилсь пошомъ въ задумчивыя враки,
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увянула и сердце опщвѣло.
 Какъ шерпишь публика безуміе шакое?
 Ты спросишь. Публикѣ наскучило простое,
 Мудренное шеперь любезно для нее:
 У вѣка дряхлаго испоршилось чущье.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не сполько просвѣщенный,
 Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ не развращенный,

Вѣнцы свои дарилъ, безъ вычуръ полковникъ,
 Онъ только истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
 Но нѣтъ явленія безъ творческой причины:
 Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екашеринъ!
 Она любила музъ и шы-ли позабыла,
 Кто Душеньку свою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
 Я думаю въ садахъ, гдѣ свѣтъ безмершья блещеть,
 Понимѣ шѣнь своя отъ радости прещещеть,
 Воспоминанье день, сей день, когда пѣвца,
 Еще за милый трудъ не ждавшего вѣнца,
 Она, друзья ея, достойно наградила
 И скромнаго его такъ легко изумила
 Спраницы Душеньки читая наизусть.
 Сердца завѣшниковъ смѣшила злая грусть,
 И на другой-же день распросы о поэтѣ
 И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.

Кто вкуса божественномъ теперь служилъ-бы намъ?
 Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
 Провозглашая судъ разборчивый и правый,
 Завѣдывашъ-бы могъ Парнасскою управой?
 О, добрый нашъ народъ имѣешь для того
 Особенныхъ судей, которые его,
 Въ лпсахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ

Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ !
 Даруешь между насъ и славу и позоръ
 Торговой логики смысленой приговоръ.
 О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова,
 Но слушай, какъ чешяшь они одинъ другаго :
 Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
 Повѣришь надо имъ, хопя повѣришь жаль.

Какъ бышь писателю? въ пусшынѣ благодатной,
 Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,
 Какъ ты, Философъ мой, шаишься безъ грѣха,
 Избравъ въ совѣтники коша и пѣтуха,
 И въ пишинѣ прудясь для собсшвеннаго чувсшва,
 Въ искусствѣ находишь возмездіе искусствя!

Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ,
 Сладкопоющихъ лпръ порою слышенъ гласъ,
 Благоуханный дымъ ошъ жершвы безкорысшной !
 Такъ нѣжный Башюшковъ, Жуковской живописшой,
 Неподражаемый, и цѣлую орду
 Злыхъ подражашелей родившій на бѣду,
 Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣшреникъ блестящій
 Все подъ перомъ своимъ шушя живошворящій

Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
 Недавно опъ него поварищъ швой Назонъ
 Посланье получилъ) любимцы вдохновенья
 Не могушь побѣдишь сердечнаго влеченья
 И между насъ поюшь, какъ нѣкогда Орфей
 Между мохнашыхъ пѣль, по вѣрѣ сшарыхъ дней.
 Безмершіе въ вѣкахъ имъ будешъ воздаяньемъ!

А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
 Но рвеніемъ горя полезнымъ бышь и имъ,
 Я правды красону даю спихамъ моимъ,
 Желая доказашъ людскихъ суешъ ничпожностъ,
 И хладной мудрости высокую возожностъ,
 Чшо мыслю, шо пишу. Когда шо веселій
 Я славиль на зарѣ своихъ цвѣшущихъ дней
 Законы сладкіе любви и наслажденья:
 Другія времена, другія вдохновенья;
 Теперь важній мой умъ, зрѣлѣе мысль моя.
 Опяшь, когда умру повеселю я;
 Тогда, безпечныхъ музъ безпечнаго питомца,
 Прими, Философъ мой, какъ сшараго знаконца.

XLVIII.

Очарованье красоты

Въ тебѣ не спрашно намъ:

Не будишь насъ, какъ солнце, ты

Къ мятежнымъ суешамъ;

Опъ дольней жизни, какъ луна,

Манишь за край земной,

И три тебѣ душа полна

Священной тишиной.

LIХ.

Какъ сладить съ глупоснью глупца?
Ему въ попадь не скажешь слова ;
Другова проще онъ съ лица ,
Но мудренѣй въ жишь другова.
Онъ всѣмъ превращно пораженъ
И все на выворощ онъ видишь:
И безшолково любишь онъ,
И безшолково ненавидишь.

L.

Идилликъ новый на искусь
 Предсавлень былъ предъ Аполлона.
 «Какъ пишешь онъ?» спросилъ у Музь
 Богъ безприсрасшнй Геликона,
 «Никакъ негодный онъ поэшъ?» *
 Нельзя сказать. — «Съ паланшомъ?» — Нѣшь;
 Ошибокъ важныхъ, правда, мало;
 Да пишешь онъ довольно вяло.
 «Я понялъ васъ; въ судѣ моемъ
 Не озабочусь я ни сколько:
 Впередъ пислова мнѣ о немъ,
 Изъ списковъ выключишь—и шолько.»

ЛЛ.

Такъ ! опспавнаго шалуна
 Вы вновь шалишь не убѣждайше ,
 Иль золошья времена
 Младыхъ зашѣй ему опдайше !

Переменяюшь годы насъ
 И съ нами вмѣснѣ наши нравы :
 Опъ всей души люблю я васъ ;
 Но ваши чужды мнѣ забавы.

Ужь Вакхъ , увѣнчанный плющомъ ,
 Со мной по улицамъ не бродишь ,
 И къ вашимъ Нимфамъ , вечеркомъ
 Меня шаясь не заводишь.

Весельчакамъ я заперъ дверь ,
 Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счаспьемъ ,
 И замѣнилъ его шеперь
 Приспойнымъ , шихимъ сладоспращьемъ.

Въ пылу начальномъ дней молодыхъ
Неодолимы наши спрасши :
Проказимъ мы , но мы у нихъ,
Не у себя шогда во власши.

Въ своей опвагѣ молодой
Товариць вашъ блажилъ довольно ;
Не видишь онъ нужды большой
Вновь сумасбродишь добровольно.

LII.

По замѣчанью моему
 Альбомъ походишь на кладбище:
 И не подобно-ли ему
 Онъ всѣмъ открытое жилище?
 Не такъ-ли множеству имень
 Самолюбиво тщесрень?
 Увы! народъ добросердечной
 Равно шуда, или сюда,
 Несешь надежду жизни вѣчной
 И шрепешъ спрашнаго суда.
 Но я, смиренно признаюся,
 Я не надѣюсь, не спрашуся;
 Я въ вашихъ памятныхъ лиснахъ
 Спокойно имя помѣщаю:
 Философъ я; у васъ въ глазахъ
 Мое ничтожество я знаю.

LIII.

Шуми , шуми съ крушой вершины ,
 Не умолкай , пошокъ съдой !
 Соединяй пропяжный вой ,
 Съ пропяжнымъ ошзывомъ должны .

Я слышу : свищеть Аквилонъ ,
 Качаешь елію скрыпучей ,
 И съ не погодою ревучей
 Твой ревъ мяшежный соглашонъ .

За чѣмъ , съ безумнымъ ожиданьемъ ,
 Къ тебѣ прислушиваюсь я ?
 За чѣмъ препенещешь грудь моя
 Какимъ-шо вѣщимъ препенаньемъ ?

Какъ очарованный спою
 Надъ дымной бездною швоею ,
 И , мнишся , сердцемъ разумью
 Рѣчь безглагольную швою .

Шуми , шуми съ крушой вершины ,
Не умолкай , пошокъ съдой !
Соединяй пропяжный вой
Съ пропяжнымъ ошзывомъ долины ,

LIV.

Она придетъ ! къ ея ушамъ
Прижмусь устами я моими ;
Приюшъ укромный будешъ намъ
Подъ сими вязами гусными !
Волненьемъ спраснымъ я помимъ ;
Но близъ любезной укроемъ
Желаній пылкихъ нешерпѣнне :
Мы ими счасшю вредимъ,
И сокращаемъ наслажденье.

LV.

На крѣвы ближняго селенья
Исходишь вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рошу, гдѣ для насъ
Часы лешѣли какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда пзь ней
Случилось дѣвицѣ моей
Унесъ во взорахъ пламень помный,
Мечшу любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листовъ нескромный.

LVI.

ЕЛИЗИЙСКІЯ ПОЛЯ.

Бѣжишь невѣрное здоровье,
 И каждый часъ гошовлюсь я
 Свершишь послѣднее условье,
 Законъ послѣдній бытія;
 Ты не спасешь меня, Киприда!
 Пробьюшь урочные часы
 И низойдешь къ брегамъ Аида
 Пѣвецъ веселья и красы.

Просшите, вѣшренныя други,
 Съ кѣмъ беззабошно въ жизни сей
 Дѣлалъ я шумныя досуги
 Разгульной юности моей!

Я не спрашуся новоселья ;
 Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно :
 Тамъ-поже славишь опъ бездѣля
 Я спану дружбу и вино.
 Не измѣнясь въ подземномъ мѣрѣ,
 И шамъ, на шаловливой лирѣ,
 Превозносишь я буду вновь
 Покойной Дафнѣ и Темирѣ
 Неприхошливую любовь.

О Дельвигъ ! слезы мнѣ не пужны ;
 Вѣрь: въ закопшиной споронѣ
 Приемъ радушный будешь мнѣ :
 Со мною музы были дружны !
 Тамъ , въ очарованной шѣни ,
 Гдѣ благоденсшвуюшь поэшы ,
 Прочшу Кашулла и Парни
 Мои небрежные куплеты ,
 И улыбнуся мнѣ они.

Когда изъ шаинспвенной сѣни ,
 Опъ темныхъ Орковыхъ полей ,
 Здѣсь навѣщаешь своихъ друзей
 Порою могушь наши шѣни ,

Я навѣщу , о други , васъ ;
 Сыны забавы и веселья !
 Когда для шумнаго похмѣлья
 Вы соберешесь въ праздный часъ ,
 Приду я съ вами Вакха славить ;
 А къ вамъ молишва объ одномъ :
 Приборъ покойнику оставишь
 Не позабудьте за споломъ .

Межь шѣмъ за шайными бѣрами ,
 Друзей вина , друзей пировъ ,
 Веселыхъ добрыхъ мершвецовъ
 Я подружу заочно съ вами .
 И вамъ , чрезъ день или другой ,
 Законъ губительный Зевеса
 Велишь покинуть міръ земной ;
 Мы встрѣшимъ васъ у врагъ Айдеса
 Знакомой дружеской полпой ;
 Наполнимъ радостныя чаши ,
 Хвала свиданью возгремишь
 И огласяшь привѣшны наши
 Весь необъемлемый Аидъ !

LVII.

Сей поцѣлуй , дарованный побой ,
Преслѣдуешь мое воображенье :
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатанье !
Сойдетъ-ли сонъ и взоръ сомкнешь-ли мой ,
Мнѣ снишся ты , мнѣ снишся наслажденье ;
Обманъ исчезь , нѣшь счастья ! и со мной
Одна любовь , одно изнеможенье .

LVIII.

Тебѣ на память, въ книгѣ сей
 Спихи пишу я съ душой смушной.
 Увы! въ обихели швоей
 Я, можешь спашься, госпѣ минушной!
 Съ изнемогающей душой,
 На неизвѣстную разлуку
 Не разъ, шрепещущей рукой
 Друзьямъ своимъ сжималъ я руку.
 Ты помнишь милую спрану,
 Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
 Гдѣ зрѣли первую весну,
 Гдѣ первой спрасшю пылали?
 Покинулъ я предѣль родной!
 Такъ и съ шобою, другъ мой милый,
 Здѣсь проведу я день другой,
 И, какъ узнашь? въ спранѣ чужой
 Окончу я мой вѣкъ унылый;
 А шы прибудешь въ домъ ошцовъ,

А ты узришь поля родныя ,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспоманешь были золотыя.
Но гдѣ товарищъ , гдѣ поэтъ ,
Тобой съ младенчества любимый ?
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ ,
Судьбы враждебной , съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой !
Когда-жь стихи мои найдешь ,
Гдѣ складу нѣтъ , но чувство живо :
Ты ихъ задумчиво прочтешь ,
Глаза поупишь молчаливо . . .
И тихо лишь перевернешь .

LIX.

Когда взойдетъ денница золотая ,
 Горитъ эфиръ ,
 И ото сна всааетъ благоухая
 Цвѣшущій міръ ,
 И славитъ все сущесшвованья сладость ;
 Съ душой швоей
 Чшо въ пору шу ? скажи : живая радость ,
 Тоска-ли въ ней ?

Когда на дѣвъ цвѣшущихъ и привѣшныхъ ,
 Передъ шобой
 Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣшныхъ ,
 Глядишь порой ,
 Глядишь и пьешь ихъ шомныхъ взоровъ сладость ;
 Съ душой швоей ,
 Чшо въ пору шу ? скажи : живая радость ,
 Тоска-ли въ ней ?

Спрадаю я! Изъ-за дубравы дальной

Взойдешъ заря,

Мірѣ озарить, души моей печальной

Не озаря.

Будь новый день любимцу счастья въ сладость,

Душѣ моей

Прошивень онъ! что прежде было въ радость,

То въ муку ей.

Что красоны, почши всегда лукавой,

Мнѣ долгій взоръ?

Обманчивъ онъ! знакомъ съ его оправой

Я съ давнихъ поръ.

Обманчивъ онъ! его живая сладость

Душѣ моей

Спрашна шеперь! что прежде было въ радость,

То въ муку ей.

ЛХ.

Окогченная лешунья ,
Эпиграмма хохопунья ,
Эпиграмма егоза ,
Трепся , вьешся средь народа
И завидишь лишь уroda
Разомъ вцѣпишься въ глаза.

LXI.

И. И. ГНѢДИЧУ.

Такъ! для оспрадныхъ чувствъ еще я не погибъ,
 Я не забылъ себя, почтенный Арспинъ,
 И дружбу нѣжную, и Русскія Аѳины!
 Не Вакховыхъ ппровъ, не лобызаній Фрпны,
 Въ нескромной юности нескромно пѣпыхъ мной,
 Не шумной суешы, прославленной полпой,
 Лишенье ппжко мнѣ, въ краю гдѣ Фпнну нищу
 Опчизна мершвая едва даруешъ пищу,
 Нѣпъ, нѣпъ! мнѣ ппгоспно опсушспвие друзей,
 Лишенье ппгоспно бесѣды мнѣ пвоей,
 То наславительной, по сладоспно оспрадной:
 Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умою позна-
 ній жадной,
 И сердцу и уму я пищу находплъ.

Счастливецъ ! дни свои ты музамъ посвящилъ
 И бодро дѣйствуешь прекрасные полвѣка
 На полѣ умственныхъ усилій человека ;
 Искусства нѣжныя и дѣятельный трудъ ,
 Занявъ , украсили свободный твой приютъ.
 Живилъ сердца трудъ ; искусства наслажденья.

Еще не породивъ прямого просвѣщеня ,
 Избытокъ породилъ бездѣятельную лѣнь.
 На мѣрь сношворную она нагнала шѣнь
 И чадамъ роскоши , обремененнымъ скукой ,
 Довольство бѣдности шягчайшей было мукой ;
 Искусства низшли на помощь къ нимъ тогда :
 Уже ошвыкнувшихъ отъ грубаго труда ,
 Къ трудамъ возвышеннымъ они воспламенили
 И праздность упражняшь роскошно научили ;
 Бышь можешь , счастьемъ обязаны мы имъ.

Какъ бѣденъ спраждующій бездѣятельствомъ своимъ !
 Печальный , жалкій рабъ шупаго усыпленя ,
 Не постигаешь онъ души употребленя ,
 Въ дремолу грубую всечасно погружонъ ,
 Ошвыкнулъ чувствовать , ошвыкнулъ мыслить онъ ,

На собственнѣхъ пирахъ вздыхаетъ онъ украдкой,
 Чшо дѣлается для него мгновенья жизни крашкой.

Они въ углу моемъ не дѣлается для меня.
 Судьбу младенчески за спрогосшь не вина
 И взявъ съ себя примѣръ, поэзію ученье
 Призвалъ я украшать свое уединенье.
 Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
 Пришельца новаго пугающіе взоръ,
 Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
 Напѣвы грустные прощальныхъ пѣсень Финна,
 Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ
 Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.

Я побѣдилъ ее, и не убишь неволей,
 Еще я бышія владѣю лучшей долей,
 Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
 То вопрошаю я преданія вѣковъ,
 Всемирныхъ перемѣнъ чишаю въ нихъ причины,
 Наславленъ давнею превращенностью судьбины,
 Учусь покорствовашь судьбинѣ я своей;
 То занявъ свойствами и нравами людей,
 Послушковъ ихъ ищу прямые побужденья,
 Вникаю въ сердце ихъ, слѣжу его движенья,

И въ сердцѣ разуму ошчень спараюсь дашь !
 То вдохновеніе , парнаса благодашь ,
 Мнѣ душу радуешь воспоргами своими :
 На мигъ обворожень , на мигъ обманушь ими ,
 Дышу свободнѣе , и лиру взявъ свою ,
 И дружбу , и любовь и нѣгу я пою .

Осмѣливаясь пѣшь , я помню прешкновенья
 Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья ;
 Но всякому свое , и машь племень людскихъ ,
 Усердья полная ко благу чадъ своихъ ,
 Природа , каждого даря особой спрасью ,
 Намъ разные пуши прокладываетъ къ счастью :
 Кшо блескомъ почешей плѣнень въ душѣ своей ;
 Кшо созданъ для войны и любить спукъ мечей ;
 Любезны пѣсни мнѣ . Когда-шо для забавы ,
 Я , праздный , посѣщилъ Парнасскія дубравы
 И воды свѣшлыя Касшальскаго ручья ;
 Тамъ къ хорамъ чиспыхъ дѣвъ прислушиваюсь я ,
 Тамъ , очарованный , влюбился я въ искусство
 Другимъ передавашъ въ согласныхъ звукахъ чувство ,
 И не спрашася шолпы взыскашельныхъ судей ,
 Я умерешъ хочу съ любовію моею .

Такъ , скуку для себя счишая бѣдствомъ главнымъ ,
 Я духа предаюсъ порывамъ своенравнымъ ;
 Такъ , безъ усилія ведешь меня мой умъ
 Опъ чувсхва къ шалости , къ мечшамъ опъ важ-
 ныхъ думъ !

Но ни души моеѣ воспорги одиноки ,
 Ни любомудрїя полезные уроки ,
 Ни пѣсни мирныя , ни легкія мечшы ,
 Воображенїя случайные цвѣшы ,
 Среди глухихъ лѣсовъ и скаль моихъ унылыхъ ,
 Не замѣняюшь мнѣ людей для сердца милыхъ ,
 И часто груспїю невольною обьяпъ ,
 Увидѣшь-бы желаль я пышный Пешроградъ ,
 Весши желаль-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
 Въ кругу дѣшей искусхвъ и нѣги просвѣщенной ,
 Апелла , Фидїя желаль-бы навѣщашъ ,
 Съ шобой желаль-бы я бесѣдовашь опяпъ ,
 Мужъ , дарованьями , душою превосходный ,
 Въ спихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!
 За шо не въ первый разъ взываю я къ богамъ :
 Ошдайше мнѣ друзей: найду я счастье самъ !

LXII.

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣшь;
Но какъ на немъ былыхъ спрасшей
Еще замѣнешь слѣдъ!
Такъ ярый шокъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Упраздивъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

LXIII.

Прощай , опчизна непогоды ,
 Печальная спрана ,
 Гдѣ дочь любимая природы ,
 Безжизненна весна ;
 Гдѣ солнце не хоша сіяешь ,
 Гдѣ сосень вѣчный шумъ ,
 И моря ревъ , и все пишаешь
 Безумье мрачныхъ думъ ;
 Гдѣ оплученный опъ опчизны
 Враждебною судьбой ,
 Изнемогаль безъ укоризны
 Изгнанникъ молодой ;
 Гдѣ позабышь молвой гремучей ,
 Но все душой піишь ,
 Своею Музою лешучей
 Онъ не былъ позабышь !
 Теперь , для сладкаго свиданья
 Спѣшу къ спранѣ родной ;

Въ воображеньи край изгнанья
 Послѣдуешь за мной :
И камней мшистыя громады ,
 И видъ полей нагихъ ,
И вѣковые водопады ,
 И шумъ угрюмый ихъ !
Я вспомню съ пайнымъ сладоспращьемъ
 Пустынную страну ,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ шихимъ счасшьемъ
 Провель мою весну ,
Но гдѣ порою жишель неба ,
 На переکورь судьбѣ ,
Не измѣнилъ пишомецъ Феба
 Ни Музамъ , ни себѣ.

LXIV.

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни,
 Но искренно забылъ я Гелконъ
 И признаюсь: не прихотливой лѣни
 Мнѣ нравишься приманчивый законъ;
 Охоша пѣшь ужь не владѣешь мною:
 Она прошла, погасла, какъ любовь.
 Опянь любишь, играешь струнами вновь,
 Желалъ-бы я, но ушомлень душою.
 Иль жить нельзя ошрадою иною?
 Съ бездѣйствіемъ любезень мнѣ союзъ;
 Лелѣемый счастливымъ усыплениемъ,
 Я не хочу пришворнымъ изсуплениемъ
 Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

LXV.

Я поѣхалъ себя, пѣвническая сѣнь,
 Не въ дни веселые живительнаго Мая,
 Когда зелеными вѣтвями помавая,
 Маняшь ты пушица въ свою густую тѣнь ;
 Когда ты вѣешь ароматомъ
 Тобою бережно взлѣлянныхъ цвѣтѣвъ :
 Подъ очарованный твой кровь
 Замедлилъ я мой возвратомъ.
 Въ осенней наготѣ стояли дерева
 И непривѣжливо чернѣли ;
 Хрустѣла подъ ногой замерзлая трава
 И листья мертвые волнуясь шумѣли ;
 Съ прохладой рѣзкою дышала
 Въ лице мнѣ запахъ увяданья ;
 Но не весеняго убранства я искалъ,
 А прошлыхъ лѣтъ воспоминанья.
 Душей задумчивый, медлительно я шелъ
 Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами ;

Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ :

Увы ! рука его изглажена годами !

Спези заглохшія , мечпашь, пешеходъ

Случайно прощопшалъ. Сошелъ я въ доль завѣшный,

Доль, первыхъ думъ моихъ лелѣятель привѣшный!

Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,

Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памяшнѣй каскады;

Тамъ, думалъ я, къ душѣ моеѣ

Толпою полешашь видѣнья прежнихъ дней. . .

Вошше! лишенные хранишельнѣй преграды ,

Далече воды ушекли,

Ихъ ложе поросло шравою ,

Приюшъ хозяйшвенный въ немъ улья обрѣли

И легкая шропа исчезла предо мною :

Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣшалъ !

Но вошъ, по прежнему, лѣсисшымъ косогоромъ,

Дорожка смѣлая ведешъ меня. . . . обваль

Вдругъ поглотилъ ее. . . . я спалъ

И глубъ нежданную измѣрилъ грушнымъ взоромъ ;

Съ недоумѣніемъ искалъ другой шропы.

Иду я: гдѣ бесѣдка плѣшешъ

И въ прахѣ передъ ней лежашъ ея сполпы ,

Гдѣ ошовъ мосшика дряхлѣшешъ.

И шы, величешвенный грошъ,

Тяжело-каменный постигнушь разрушеньемъ

И угрожаешь ужъ паденьемъ

Бывало, въ лѣшній зной, прохлады полный сводъ !

Что-жь? пусть минувшее минуло сномъ лешучимъ !

Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,

И обаяніемъ могучимъ

Исполненъ для души моей.

Онъ не былъ мыслию, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,
день,

Топь, кшо глубокой нѣги жаденъ,

Ихъ своенравный бѣгъ пропамъ симъ указалъ ,

Кшо преклоня слухъ къ мечшашельному шуму

Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей пишалъ

Ему сочувшвенную думу.

Давно, кругомъ меня, о немъ умолкнулъ слухъ ,

Пріяла прахъ его далекая могила ,

Мнѣ памяшь образа его не сохранила,

Но здѣсь еще живешь его досступный духъ ;

Здѣсь, другъ мечшанья и природы,

Я познаю его вполнѣ :

Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,

Онъ славиль мнѣ велишь лѣса, долины, воды ;

Онъ убѣдительно пророчилъ мнѣ спрану,

Гдѣ я наслѣдую безмершную весну,

Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной сѣни невянущихъ дубровъ
 У нескудѣющихъ ручьевъ
 Я шѣнь священную мнѣ встрѣчу.

LXVI.

Когда исчезнешь омраченье
 Души болѣзненной моеѣ ?
 Когда увижу разрѣшенье
 Меня опухавшихъ сѣшей ?
 Когда сей демонъ наводящій
 На умъ мой сонъ его мерпящій,
 Ошудеть, чадный, ошь меня
 И я увижу лучъ блестящій
 Всеозаряющаго дня?
 Освобожусь воображеньемъ
 И крылья духа подыму
 И пробужденнымъ вдохновеньемъ
 Природу снова обниму ?

Вошще-ль мольбы ? напрасны-ль пѣни ?
 Увижу-ль снова ваши сѣни,
 Сады поэзіи святой ?
 Увижу-ль васъ, ея свѣшила ?

Вошце! я чувствую: могилы
Меня живаго приняла
И легкой дарь мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла.

LXVII.

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдши
 Въ сей жизни блаженство прямое ;
 Небесные боги не дѣляся имъ
 Съ земными дѣльми Промешен.

Похищенной искрой созданье свое
 Дерзнулъ оживишь безразсудный ;
 Безсмертныхъ онъ презрѣлъ и спрашная казнь
 Постигнула чадь свяпошашсшва.

Нашъ тягоспный жребій : положенный срокъ
 Пишашся болѣзненной жизнью ,
 Любишь и лелѣяшь недугъ бышя ,
 И смерти опрадной спрашишься.

Нужды непреклонной слѣпые рабы ,
 Рабы самовласнаго рока !
 Земнымъ ощущеньямъ насильственню насъ
 Случайная жизнь покоряешь.

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь ,
 Намъ памянно небо родное ,
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Спрремимся неяснымъ желаньемъ ! . . .

Вошце ! Мы надолго опровержены имъ !
 Сіаешь красою надъ нами ,
 На брениую землю , безопасно оно
 Торжественный сводъ опираешь

Но намъ недоспуно ! Какъ алчный Таншаль
 Сгараешь средь влаги прохладной :
 Такъ сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ ,
 Томимся мы жаждою счастья.

LXVIII.

О своенравная Аглая !
 Опъ всей души я васъ люблю ,
 Хоши другимъ не подражая ,
 Довольно рѣдко васъ хвалю .
 На вашихъ ужинахъ веселыхъ ,
 Гдѣ любяшь смѣхъ , и даже шумъ ,
 Гдѣ не кладушь оковъ тяжелыхъ
 Намъ ни на сердце , ни на умъ ,
 Гдѣ для глупца или невѣжды
 Словъ не размѣриваемъ мы ,
 Я основаль свои надежды
 И счастье нынѣшней зимы .
 Ни въ чемъ не слѣдуя приспращью ,
 Даете цѣну вы всему :
 И остроумью и уму ,
 И удовольствію и счастью .
 Свѣшь пренебрегши, въ добрый часъ ,
 И припѣснисьельную моду ,

Всему и всѣмъ забавишь васъ
Вы дали полную свободу ,
И потому далеко прочь
Опъ васъ бѣжишь причудницъ мука ,
Жеманства пасмурная дочь ,
Всегда зѣвающая скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пуснякамъ.
Просише мнѣ мои укору !
Не умъ одинъ дивишся вамъ ,
Опасны сердцу ваши взоры :
Они лукавы , я слыхаль ,
И щекошливѣе другаго,
Опъ упоенія слѣпаго
Спасши разсудокъ свой желаль.
Я въ немъ шеперь едвали воленъ
И часто пасмурный душой ,
За шо я вами не доволенъ ,
Чшо не доволенъ самъ собой.

LXIX.

Люблю деревню я и лѣто :
И говоръ водъ, и шѣнь дубровъ ,
• И благовоиѣ цвѣшовъ ;
Какой душѣ не мило это ?
Бышь шакъ, прощаю комаровъ ;
Но признаюсь — пусшынн жипель ,
Покой пусшынный въ ней любя ,
Комаръ двуногой, госшь мучишель ,
Нѣшь , не прощаю я шебя !

LXX.

Въ своихъ спихахъ онъ скукой дышеть ;
Жужжаньемъ ихъ наводишь сонъ.
Не говорю : за чѣмъ онъ пишеть ,
Но для чего чишаешь онъ ?

LXXI.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бышя ;
Но что ? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья !
Лишь перекресшокъ уллучили ,
Другъ другу молвили : просни !
Недолго розно побродили ,
Черезъ день сошлесь въ концѣ пуши !

LXXII.

Рѣшишельно , печальныхъ спрокъ моихъ
 Не хочешь ты ошвѣтомъ удоспоишь ;
 Не тронулась ты нѣжнымъ чувствомъ ихъ
 И презрѣла мнѣ сердце успокоишь !
 Не оживу я въ памяти швоей ,
 Не вымолю прощенья у жестокой !
 Виновень я : я былъ не вѣренъ ей ;
 Нѣтъ жалосши къ поскѣ моей глубокой !
 Виновень я : я славилъ женъ другихъ
 Такъ ! но когда ихъ слухъ предубѣжденной
 Я обольщала игрою струнь моихъ ,
 Къ тебѣ лепѣлъ я думой умиленной ,
 Тебя я пѣлъ подь именами ихъ .
 Виновень я : на балахъ городскихъ ,
 Среди толпы весельемъ оживленной ,
 При гулъ струнь , въ безумномъ вальсѣ мча ,
 То Делію , шо Дафну , шо Лилену ,
 И всѣмъ проимъ гошовый , сгоряча ,

Произнеси по спраспному объту;
 Касаяся душиспыхъ ихъ кудрей
 Лицомъ моимъ ; объемля жадной дланью
 Ихъ спройный спанъ ; шакъ ! въ памяши моеи
 Ужь не было подруги прежнихъ дней ,
 И преданъ былъ я новому мечпанью !
 Но къ нимъ ли я любовію пылалъ ?
 Нѣтъ, милая ! когда въ уединенни
 Себя пошомъ я шихо повѣрлалъ :
 Ихъ находя въ моемъ воображенни,
 Тебя одну я въ сердцѣ обрѣшалъ !
 Привѣшливыхъ, послушныхъ безъ ужимокъ,
 Улыбчивыхъ для шалоспи молодой ,
 Изъ-за угла Пафосскихъ пилигримокъ
 Я спорожилъ вечернею порой ;
 На мигъ одинъ ихъ своевольный плѣнникъ,
 Я шолько былъ шалунъ, а не измѣнникъ.
 Нѣтъ ! болѣе надменна , чѣмъ нѣжна ,
 Ты все еще обидь своихъ полна....
 Проспи-жь на вѣкъ ! но знай, что двухъ вивовныхъ,
 Не одного, найдушся имена
 Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ.

LXXIII.

Ты ропщешь, важный журналистъ,
На наше модное маранье :
Вся ша же пѣсня : « вѣпра свиспъ ,
Лисшовъ древесныхъ увяданье » . . .
Поняшно намъ швое спраданье :
И безъ шого освиспанъ шы ,
И шакъ подваловъ доспоянье ,
Родясь гніюшь швои лисшы .

LXXIV.

ДЕЛЬВИГУ.

Дай руку мнѣ , шоварищъ добрый мой ,
Пушемъ однимъ пойдемъ до двери гроба
И щещно намъ за грозною бѣдой
Бѣду грознѣй пошлешь судьбины злоба.
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ ?
Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ ?
Я погибалъ : ты духъ мой оживилъ
Надеждою возвышенной и новой:
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;
Дѣля досугъ межъ нами и тобою ,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унился душою ?

Ты самъ порой глубокую печаль
 Въ душѣ носилъ , но что ? не мнѣ ли ввѣришь
 Спѣшилъ ее ? И дружба не всегда-ль
 Хотя нѣсколько могла ее умѣришь ?
 Забытые фортуною слѣпой ,
 Мы ей на зло другъ въ другъ все имѣли
 И дружества швердя объшь свяшой,
 Безшрепешно въ глаза судьбѣ глядѣли.

О ! вѣрь мнѣ въ шомъ : чѣмъ жребій ни грозилъ,
 Упорствую въ шаршиной неприязни,
 Душа моя не вѣдаешь боязни,
 Души моей ничто не измѣнишь !
 Такъ , милой другъ ! позволять ли мнѣ боги
 Ярмо забонь сложить когда нибудь
 И весело на свѣшлый мѣръ взглянуть ,
 По прежнему-ль ко мнѣ пребудушь спроги ,
 Всегда я швой. Судьей души моей
 Ты долженъ бышь и въ ведро и въ ненастье,
 Удвоишь шы моихъ счастливыхъ дней,
 Не полное безъ раздѣленья счастье ;
 Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найши
 Учасшіе въ судьбѣ своей тяжелой :
 Чего-жь робѣшь на жизненномъ пуши ?
 Иду впередъ съ надеждою веселой.

Еще позволъ желаніе одно
Мнѣ произнеси : молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я спалъ хопя опнынѣ,
Чѣмъ для меня ты спалъ уже давно.

LXXV.

Мы пьемъ въ любви оправу сладкую;
 Но все оправу пьемъ мы въ ней,
И плашимъ мы за радость крашкую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
 Огонь любви, огонь живительный!
 Всѣ говоряшь; но что мы зримъ?
 Опустошаешь, разрушительный,
 Онъ душу обещаю имъ!
Кшо заглушишь воспомнанія
О дняхъ блаженства и спрдаанія,
О чудныхъ дняхъ швопхъ, любовь?
 Тогда я ожилъ бы для радости,
 Для сновъ злыхъ цвѣтущей младости,
 Тебѣ открылъ бы душу вновь.

LXXVI.

Пріѣшель спрогой, ты не правъ,
 Несправедливы полки злые :
 Друзья веселья и забавъ,
 Мы не повѣсы записные !
 По своеволю спрасшей
 Себѣ мы правилъ не слагали,
 Но пылкой жизнью юныхъ дней,
 Пока дышалось, дышали;
 Любили шумные пры ;
 Госпей веселыхъ шой поры ,
 Забавы, шалости любили
 И за роскошные дары
 Младую жизнь благодарили.
 Во имя лучшихъ изъ боговъ,
 Во имя Вакха и Киприды,
 Мы пѣли счастье шалуновъ ,
 Сердечно презря крикуновъ
 И ихъ ревнивыя обиды.

Мы пѣли счастье дней молодыхъ,
Межь тѣмъ лепѣла наша младость:
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ;
Въ душѣ больной ошъ пищи многой,
Въ душѣ успалой пламень гасъ,
И за спаканомъ, въ добый часъ
Заспалъ насъ какъ-по опышъ спрогой.
Наперсницъ нашихъ, спрасшныхъ дѣвъ
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Ушѣхи крылья опушпили.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не поемъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно дни свои ведемъ
И ждемъ ошъ свѣша доброй славы.
Теперь вопросъ я опдаю
Тебѣ на судъ. Подумай, мы ли
Перемѣнили жизнь свою,
Пль годы насъ перемѣнили ?

LXXVII.

К. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Изъ царства виста и зимы,
 Гдѣ подь управой ихъ двойкой,
 И атмосфери и умы
 Сжимаешь холодъ одинакой,
 Гдѣ жизнь какой-то пляжкой сонъ,
 Она спѣшишь на Югъ прекрасной,
 Подь Авзонійской небосклонъ
 Одушевленной, сладострастной,
 Гдѣ въ куцахъ, въ поршикахъ палашь
 Окшавы Тассовы звучашъ ;
 Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги жиғы,
 Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
 Рафаель дышешъ на холстѣ ;
 Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,

Но гдѣ не стыдно, можешь бышь,
Герои, міра власшелны,
Вашъ капишолій позабышь
Для капишолія Корины ;
Гдѣ жизнь? пгрива и легка,
Тамъ лучше ей, чего же болѣ ?
За чѣмъ же шяжкая шоска
Сжпмаешь сердце по неволѣ ?
Когда любимая краса
Послѣднимъ сномъ смыкаешь вѣжды,
Мы полны ласковой надежды,
Чшо ей опкрышы небеса,
Чшо лучшей мірь ей угошованъ,
Чшо славой вѣчною свѣшло
Тамъ заблещишь ея чело ;
Но скорбный духъ не уврачованъ,
Душѣ спѣсенной шяжело,
И неушѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшей край и лучшей мірь.

LXXVIII.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
 Но упоишьныхъ похвалъ :
 Не разь въ чаду ихъ мощный геній
 Сномъ разслабленья заеыпаль.

Когда довѣрять ихъ пзмѣнѣ,
 Уже гошовъ у моды шы
 Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
 Ея шафьяные цвѣшы ;

Просши : я громко негодую ;
 Просши, насшавникъ и пророкъ ,
 Я съ укоризной указую
 Тебѣ на лавровый вѣнокъ.

Когда по ребрамъ крѣпко спшснущь
 Пегась удалымъ сѣдокомъ,
 Не горе, ежели прихлыснущь
 Его крипическимъ хлысомъ.

LXXIX.

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынъ Венеры! посвятилъ;
Меня ты плохо наградишь,
Даль мало сердцу на разживу!
Подобно мнѣ любилъ ли кто?
И что-жь я вспомню не поскуя?
Два, при, чешыре поцѣлуя!...
Бышь шакъ; спасибо и за шо.

LXXX.

Поэшь Писцовъ въ списахъ сяжеловашъ ,
Но я люблю незлобнаго собрата :
Ей , ей ! не онъ предъ свѣшомъ виновашъ ,
А передъ нимъ природа виновата .

LXXXI.

Чшобъ очаровывашь сердца ,
 Чшобъ возбуждашь рукоплесканья,
 Я слышаль, будшо для пѣвца
 Всего нужнѣе дарованья.
 Пушей къ Париссу много ешь:
 Зѣвошу можно произвешь
 Поэмой длинной, громкой одой,
 И ввѣкъ шого не приобрѣшь,
 Чего намъ не дано природой.

Когда шарикъ Анакреонъ,
 Сынъ вѣрный нѣги и пролады,
 Веселый пѣль амфоровъ звонъ
 И сердцу памяшныя взгляды:
 Въ слѣдъ за шолпой младыхъ забавъ,
 Богини пѣсней, мшновавъ
 Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Элады,

Ему внимаешь изъ-подпыхка
 Съ вершины Пинда поспѣшали
 И балагура спарика
 Вънкомъ безсмертъя увѣнчали.

Такъ своеюравно Аполлонъ
 Намъ раздаешь свои награды;
 Другому богу Геликонъ
 Ошдашь хошѣлось-бы съ досады!
 Напрасно до цошу лица
 О славѣ Фофановъ хлопочешъ:
 Ему ошказанъ даръ пѣвца,
 Трудишься онъ, а Фебъ хохочешъ.
 Межь шѣмъ дая веселью дни,
 Едва ли Башюшковъ, Парни
 О прихотливой вспомнили,
 И что-жь? нечаянно они
 Ее въ Циперѣ повспрѣчали.

Плѣненъ ли Хлоей, Дафной ты,
 Возми Тибуллову цѣвницу,
 Воспой побѣды красомы,
 Воспой души своей царицу;
 Когда же любишь стукъ мечей,

Съ высокой музою Омира
Пускай поешь вражды царей
Твоя воинственная лира.
Равны всѣ музы красошой ;
Несходство ихъ въ одной одеждѣ.
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.

LXXXII.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

/ Не искушай меня безъ нужды
 Возвращомъ нѣжности своей :
 Разочарованному чужды
 Всѣ обольщенія прежнихъ дней !
 Ужь я не вѣрю увѣреньямъ ,
 Ужь я не вѣрую въ любовь ,
 И не могу предаться вновь
 Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ !
 Слѣпой поски моей не множь ,
 Не заводи о прежнемъ слова ,
 И другъ забормливыи, больнова
 Въ его дремошѣ не превожь !

Я сплю, мнѣ сладко усыпленье :
Забудь бывалыя мечты :
Въ душѣ моей одно волненье ,
А не любовь пробудишь ты.

LXXXIII.

А. А. Ф... Ой.

Вы дочеръ Евы какъ другая :
 Какъ передъ зеркаломъ своимъ
 Власы роскошныя вседневно убирая ,
 Ихъ блескомъ шелковымъ любуйся передъ нимъ ,
 Любуясь ясными очами ,
 Обворожительнымъ лицомъ
 Блестящей Граціи , предъ вами
 Живописуемой услужливымъ стекломъ ,
 Вы угадашь могли свое предозначенье ?
 Какъ вмѣсто женской суебы ,
 Въ душѣ довольной красоты
 Запрешало вдохновенье ?
 Прекрасный , дивный мигъ ! возликовалъ Парнасъ :
 Харити какъ сестру Камены окружили ,

Ошь міра мелочей вы взоры отвращили :

Открылся новый міръ для васъ.

Сей міръ свободаго мечшанья ,

Въ который входишь лишь поэшь ;

Гдѣ исполненіе находяшь всѣ желанья ,

Гдѣ сладки самыя спраданья

И гдѣ обмановъ сердцу нѣшь.

Мы вспрѣщились въ немъ. Блещущими спихами

Вы обольстительно привѣщили меня.

Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами

Мнѣ искра вашего огня.

Забуду-ли я васъ ? забуду-ль ваши звуки ?

Въ душѣ признапельной опозвались они.

Пусть бездну между насъ раскроешь духъ разлуки ,

Пускай лешань за днями дни :

Пребудешь не разлучна съ вами

Моя сердечная мечша,

Пока плѣняюся я лирными струнами,

Покуда радуешь мнѣ душу красоша.

LXXXIV.

Живи смѣлѣй, поварищъ мой ,
 Разнообразъ досугъ шушлывой !
 Люби, мечшай , пируй и пой ,
 Пренебреги молвы болшлывой
 И порицаньемъ и хвалой !
 О, какъ безумна жажда славы !
 Равно исчезнушь въ безднѣ лѣшъ ,
 И годы шумные побѣдъ,
 И мигъ незнаемый забавы !
 Всѣхъ смершныхъ ждешь судьба одна :
 Всѣхъ чередомъ поглотитъ Леша,
 И философа болшуна,
 И длинноусова корнеша,
 И въ молдаванкѣ шалуна
 И въ рубищѣ Анахореша.
 Познай-же цѣну срочныхъ дней,
 Лови пролешное мгновенье !

Изчезнешь жизни сновидѣнъе :
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй.
Будь друженъ съ Музою моею,
Оставимъ мудрость мудрецамъ;
На что чинишься съ жизнью намъ ,
Когда шумишь мы можемъ съ нею ?

LXXXV.

Не шрогайтше Парнаскаго пера,
Не шрогайтше, пригожія воспрушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія даль игрушки.
Любовь-ли вамъ оставишь въ забышии
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣюшся,
Уносятъ ихъ Лешійскія струи:
На пальчикахъ чернила остаюшся.

ЛХХХVІ.**СТАРИКЪ.**

Вънчали розы , розы Лея ,
Мой первый вѣкъ , мой вѣкъ молодой :
Я былъ счастливый пуспомеля
И дѣвамъ нравился порой .
Я помню ласки ихъ живыя ,
Лобзанья полныя огня
Но пролешѣли дни молодые ;
Онѣ не смошряшъ на меня !
Какъ бышь ? У яркаго камина
Въ укромной хижинѣ моей ,
Накрою сшоль , пошавлю вина
И соберу моихъ друзей .

Пускай вѣнокъ, сплешенный Лелемъ,
Не обновился никогда:
Года увѣнчанные хмѣлемъ,
Еще прекрасные года.

LXXXVII.

Хвала, масшійный нашъ Зопль!
 Когда-то Дмишріевъ бѣспль
 Тебя счаспавными стихами,
 Бѣспль Жуковскій вслѣдъ за нимъ,
 Вошь Пушкинъ бѣспль. Какъ любимъ,
 Какъ ошлпченъ ты небесами!
 Три поколѣнія пѣвцовъ
 Тебя красой своихъ вѣнцовъ
 Въ негодованье приводили:
 Пекись о здравіи своемъ,
 Чшобы подобно первымъ шремъ
 Другіе шри шебя бѣспли.

LXXXVIII.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАФАРУ.

Свободу давь поскѣ моей,
 Уединенный, я недавно
 О наслажденьяхъ прежнихъ дней
 Жалѣлъ и плакалъ своеюравно.
 Все обмануло, думалъ я,
 Чѣмъ сердце пламенное жило,
 Чшо восхищало, чшо томило,
 Чшо было цвѣшомъ бышя !
 Наспавлень испшиной угрюмой,
 Опшиныѣ съ праздною душой,
 Живыхъ восшорговъ легкій рой
 Я замѣню холодной думой
 И сердца мершвой шишиной !
 Тогда съ улыбкою коварной

Предспаль внезапно Купидонъ.

О чемъ вздыхаешь , молвилъ онъ ,

О чемъ грустишь , неблагодарной ?

Забудь печальныя мечты :

Я вѣчно юнъ , и я съ побою !

Воскреснуй сердцею можешь ты ;

Не вѣришь мнѣ ? взгляни на Хлою !

LXXXIX.

Я безразсудень—и не диво !
 Но разсудшелень-ли ты,
 Всегда преслѣдуя ревниво
 Мои любимыя мечты ?
 « Не для нее прямое чувство :
 « Одно коварное искусство
 « Я вижу въ Деліи швоей ;
 « Не вѣрь прелестницѣ лукавой !
 « Самолюбивою забавой
 « Твои восторги служашь ей.»
 Не обнаружу я досады,
 И проищасельность швоя
 Хвалы достойна, вѣрю я ;
 Но не находишь въ ней ошрады
 Душа смяшенная моя .

Я вспоминаю голосъ нѣжный
 Шалуны ласковой моей,

Рѣчей открытыхъ складъ небрежный,
 Огонь ланишь, огонь очей;
 Я вспоминая день разлуки,
 Послѣдній, долгій разговоръ,
 И полный нѣги, полный муки,
 На мнѣ покоившійся взоръ;
 Я перечисываю спроки,
 Гдѣ, увлеченія полна,
 Въ любви счастливые уроки
 Мнѣ самому даешь она,
 И говорю въ шокѣ глубокой:
 «Уже-ль обманушь я жестокой?
 «Или все, все въ безумномъ свѣ
 «Безумно чудилось мнѣ?
 «О, спрашно мнѣ разуверье,
 «И объ одномъ мольба моя:
 «Да вѣчнымъ будешь заблужденье,
 «Да вѣкъ безумцемъ буду я»...

Когда же съ вѣрою напрасной
 Взываю я къ судьбѣ глухой,
 И вскорѣ опышь роковой
 Очамъ дославивъ свѣтъ ужасной,
 Пойду я спранникомъ тогда

На край земли, шуда, шуда,
Гдѣ вѣчный холодъ обидаетъ,
Гдѣ по неволѣ спынешь кровь,
Гдѣ, можешь быть, сама любовь
Въ озябломъ сердцѣ пошухаетъ....
Иль нѣтъ: подумавши пушемъ,
Останусь я въ углу своемъ,
Скажу вздохнувъ: «Горюнь неловкой!
Грусть простодушная смѣшна;
Не лучше-ль плюшомъ быть съ плюшкой,
Шушишь любовью, какъ она?
Я объ обманщицѣ поскую:
Какъ здоровымъ смысломъ я убогъ!
Уже-ль обманщицу другую
Мнѣ не пошлешь въ опраду Богъ?»

XС.

Д. ДАВЫДОВУ.

Пока съ воспоргомъ я внимаю
 Повѣшвованью славныхъ дѣлъ,
 Ношу любовь къ родному краю
 И къ пѣснямъ Музь не охладѣлъ,
 Покуда Русскій я душою,
 Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
 Когда пріятельской рукою
 Пожалъ Давыдовъ руку мнѣ !
 О ты, копорый въ дымъ сраженій
 Полки лхіе бурно мчаль
 И гласомъ пылкихъ пѣснопѣннй
 Сердца шомплъ и волноваль !
 Такъ , такъ ! покуда сердце живо
 И шрепешать ему не лѣнь,

Въ воспоминанья, горделиво
Хранишь я буду оный день,
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ шомъ лирой Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народъ славной бородой!

XCI.

Твой дѣшскій вызовъ мнѣ пріятень,
 Но не желай моихъ стиховъ:
 Не многимъ избраннымъ понятень
 Языкъ поэшовъ и боговъ.
 Когда подь звонкіе напѣвы,
 Подь звукъ свирѣли плясовой,
 Среди полей, рука съ рукой,
 Кружашся юноши и дѣвы,
 Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ
 Харишсы, вѣшренній Эрощъ,
 Дріады, Фавны пляшуть съ ними
 И гоняшъ прочь толпу забощъ
 Воскликновеньямъ своими,
 Поодаль Музы между нѣмъ
 Таяся въ сумракъ дубравы,
 Глядяшъ незримыя никѣмъ,
 На ихъ невинныя забавы;
 Но ихъ соборъ въ шо время нѣмъ.

Пѣвцу-ли вѣшренно безславишь
Плоды возвышенныхъ шрудовъ,
И легкомыслие забавишь
Игрою гордою стиховъ ?
И той не рѣдко, чье воззрѣнье
Даруешь лирѣ вдохновенье,
Не повѣряешь онъ его :
Поешь одинъ, подобный въ эпосъ
Пчелѣ, котоя со цвѣшомъ
Не дѣлаетъ меда своего.

XCII.

Взгляните: свѣжестью молодой,
И въ осень лѣшь она плѣняешь ,
И у нея, лешунъ сѣдой,
Ланишныхъ розъ не похищаешь ;
Самъ побѣжденный красошой,
Глядишь—и пушь не продолжаетъ !

XСІІІ.

X Пришворной нѣжности не пребуѣ ошъ меня :
 Я сердца моего не скрою хладъ печальной.
 Ты права , въ немъ ужъ нѣшъ прекраснаго огня
 Моей любви первоначальной.
 Напрасно я себѣ на память приводилъ
 И милый образъ швой, и прежнія мечпанья :
 Безжизненны мои воспоминанья ,
 Я кляшвы даль, но даль ихъ выше силъ.

Я не плѣненъ красавицей другою,
 Мечшы ревнивыя ошъ сердца удали ;
 Но годы долгіе въ разлукѣ прошекли,
 Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
 Ужъ ты жила невѣрной шѣнью въ ней ;
 Уже къ тебѣ взываль я рѣдко, принужденно,
 И пламень мой, слабѣя постепенно,
 Собою самъ погасъ въ душѣ моей.

Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаешь ,
 Но я любить не буду вновь ;
 Вновь не забудусь я : вполне упоеваешь
 Насъ только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минуешь, знаменуя
 Судьбины полную побѣду надо мной :
 Кшо знаешь ? мнѣнемъ солюся я съ толпой ;
 Подругу, безъ любви, кшо знаешь ? изберу я.
 На бракъ обдуманнѣй я руку ей подамъ
 И въ храмъ спану рядомъ съ нею
 Невинной, преданной бышь можешь лучшимъ снамъ,
 И назову ее моею ,
 И вѣшь къ тебѣ придешь; но не завидуй намъ :
 Обмѣна шайныхъ думъ не будешь между нами ,
 Душевному прихошамъ мы воли не дадимъ :
 Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,
 Мы жребіи свои соединимъ.

Прощай. Мы долго шли дорогою одною :
 Пушь новѣй я избралъ , пушь новѣй избери ;
 Печаль безплодную разсудкомъ усмири
 И не всшупай, молю, въ напраснѣй судъ со мною.

Невластны мы въ самихъ себѣ,
И, въ молодя наши лѣшны,
Даемъ поспѣшныя обѣшны,
Смѣшныя можешъ бышь всевидящей судьбѣ.

XCIV.**АВРОРЪ Ш.**

Выдь, дохни намъ упоеньемъ ,
Соименница зарц;
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари !
Пылкій юноша не сводишь
Взоровъ съ милой, и порой
Мыслишь, съ шихою поской:
« Для кого она выводилъ
Солнце счастья за собой? »

XCV.

Чудный градъ порой сольется
Изъ лешучихъ облаковъ ;
Но лишь въспрь его коснешся,
Онъ исчезнешь безъ слѣдовъ :
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезающъ ошь дыханья
Посторонней суеши.

XCVI.

Я не любилъ ее , я зналъ,
 Чшо не она поймешь поэта,
 Чшо на языкъ души, душа въ ней безъ ошвѣта:
 Чего-жъ безумецъ въ ней искалъ?
 За чѣмъ стихи мои звучали
 Ея воспорженной хвалою,
 И малодушно возвѣщали
 Ея владычество и плѣнь пошвыднй мой?
 За чѣмъ ввѣрялъ я съ умиленьемъ
 Ей всѣ мечны души моей?...
 Туманъ упалъ съ моихъ очей:
 Ее бѣгу я съ ошвращеньемъ!
 Такъ, омраченные виномъ,
 Мы недостойному порою
 Жмемъ руку дружеской рукою,
 Привѣщсшвуемъ его съ ослабленнымъ лицомъ,
 Краснорѣчиво изливаемъ
 Всѣ думы сердца передъ нимъ;

Ошибки темное сознание хранимъ ;
Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
 Умомъ взволнованнымъ своимъ :
Очнувшись , странному забвенію дивимся ,
И незаконнаго наперсника спыдимся ,
И ошь прошивнаго лица его бѣжимъ .

XCVII.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Подъ бурю судебъ, унылый, часто я
 Скучая тягостной неволей бышя,
 Несши ярмо мое ушрачивая силу,
 Гляжу съ опрадою на близкую могилу,
 Привѣшствую ее, покой ея люблю
 И цѣпи отряхнушь я самъ себя молю.
 Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыла
 И помной слабости душа моя открыла:
 Страшна могила мнѣ; и ближніе, друзья;
 Мое грядущее и молодость моя
 И обѣщанія въ груди сокрышой музы,
 Все обольстительно скрѣпляешь жизни узы
 И далеко ищу, какъ жребій мой ни спрогъ,
 Я жишь и бѣдспованъ услужливый предлогъ.

XCVIII.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
 Въ безмолвіи nocturno
 Горитъ, блестящъ кругомъ луны,
 На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ
 Милѣ всѣхъ одна !
 За что-же? ранѣ всаешь,
 Ярчѣй горитъ она ?

Нѣтъ ! утѣшаешь свѣтъ ея
 Разсѣвшихся друзей :
 Ихъ взоры, въ синей вышинѣ ,
 Встрѣчающа на ней.

Она на небѣ чужь видна ;
 Но съ думою глядишь,

Но взору шлешь отвѣсный взоръ
И нѣжностью горшишь.

Съ нею въ лазоревую ночь
Не сводимъ мы очесъ,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.

Себѣ звѣзду избралъ-ли ты?
Въ безмолвіи nocturno,
Ихъ много блещешь и горшишь
На небѣ голубомъ.

Не первой вспавшей сердце ввѣрь,
И, суешный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови.

Ту назови своей звѣздой,
Чшо съ думою глядишь,
И взору шлешь отвѣсный взоръ,
И нѣжностью горшишь.

XСІХ.

Болящій духъ врачуешь пѣснопѣнье.
Гармоніи паннественная власть
Тяжелое искупишь заблужденье
И укропишь бунтующую спрасшь.
Душа пѣвца, согласно излишая,
Разрѣшена ошь всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту , поэзія свяшая,
И миръ ошдасшь причастницѣ своей.

Пора покинуть, мнѣй другъ,
 Знамена въспренней Киприды
 И неизбѣжныя обиды
 Предупредишь пока досугъ.
 Чьихъ ожидаешь увѣщаній!
 Мы лишены спартиныхъ правъ
 На своеволие забавъ,
 На своеволие желаній.
 Ужь ошлепаешь вѣкъ молодой,
 Ужь сердце опышнѣ спало:
 Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
 Намъ изсшупленье не приспало!
 Оспавимъ юнымъ шалунамъ
 Слѣпую жажду сладоспрасья;
 Не упоенія, а счастья
 Искать для сердца должно намъ.
 Пресышась буйнымъ наслажденьемъ,
 Пресышась ласками Цирцей,

Шепчу я часно съ умиленьемъ ,
 Въ поскѣ задумчивой моей :
 Нельзя-ль найдши подруги нѣжной ,
 Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши ,
 Предаться нѣгѣ безмятежной
 И чистымъ радостямъ души ;
 Въ чье неизмѣнное учасье
 Безпечно вѣровалъ-бы я ,
 Случится-ль ведро иль ненастье
 На перецушьѣ бышя ?
 Гдѣ-жь обреченная судьбою ?
 На чьей груди я успокою
 Свою усалую главу ?
 Или съ волненьемъ и поскою
 Ее напрасно я зову ?
 Или въ печали одинокой
 Я проведу оспашокъ дней ,
 И тихій свѣтъ ея очей
 Не озаритъ ихъ нѣмы глубокой ,
 Не озаритъ души моей !

СІ.

Не подражай : своеобразень геній
И собственнымъ величіемъ великъ ;
Дорашовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ ,
Досадень ты : не любяшь повпореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ :
Да не шворишь себѣ кумпра онъ !
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я засаю у Байроновыхъ ногъ ,
Я думаю : поклонникъ униженный !
Возшань, возшань и вспомни : самъ ты богъ !

СЦ.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ ,
 Другой страдаешь на престолѣ ;
 На высотѣ земныхъ судьбинъ ,
 И въ незамѣнной , низкой долѣ ,
 Всѣхъ благъ возможныхъ пошь достигъ ,
 Кто духъ судьбы своей достигъ .

Мы всѣ блаженствуемъ равно ,
 Но всѣ блаженствуемъ различно ;
 Удѣломъ нашимъ рѣшено ,
 Какъ наслаждаешься имъ прилично ,
 И кто намъ лучшей даль совѣшь ,
 Иль Эпикуръ , или Эпиктетъ ?

Меня шягчиль печалей грузъ ;
 Но не упаль я передъ рокомъ ,
 Нашель отраду въ пѣсняхъ музъ
 И въ равнодушїи высокомъ ,

И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородишь я умѣлъ.

Хвала вамъ , боги ! предо мной
Вы оправдалися ошнынъ !
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбиннъ ,
И никогда сей зирь гласъ
Не оскорбитъ рошаньемъ васъ !

СШЦ.

Повѣрь, мой милый другъ , спрдаанье нужно намъ ,
 Не испытавъ его , не лзя понять и счастья :

Живой испочникъ сладоспрасья

Даровапъ въ немъ его сынамъ.

Однѣ-ли радости ошрады и прелесны ?

Одно-ль веселье веселишь ?

Бездѣйсвенность души счастливецъ шагонишь ;

Имъ силы жизни неизвѣсны.

Не намъ завидовать лѣнливымъ чувсшвамъ ихъ :

Чшо въ дружбѣ вѣтренной, въ любви однообразной

И въ оцущеніяхъ слѣпыхъ

Души разсѣянной и праздноѣ ?

Счастливыцы мнимые , способны-ль вы понять

Учасья нѣжнаго сердечную услугу ?

Способны-ль чувсшвовашъ , какъ сладко повѣрять

Печаль души своей внимательному другу ?

Способны-ль чувсшвовашъ , какъ дорогъ, вѣрный другъ ?

Но кто постигнушь рокомъ гнѣвнымъ ,

Чью душу пягошишь мучительный недугъ ,
 Топь дорожишь врачомъ душевнымъ .
 Что, что даешь любовь веселымъ шалунамъ ?
 Забаву легкую, мнущное забвенье ;
 Въ ней благо лучшее дано богами намъ
 И нуждъ живѣйшихъ утоленье !
 Какъ будешь сладко , мпльй мой ,
 Повѣришь нѣжности чувствительной подруги ,
 Скажу-ль ? всѣ раны , всѣ недуги ,
 Все расслабленіе души пвоей больной ;
 Забывъ и свѣтъ и рокъ суровой ,
 Желанья смущныя въ одно желанье слышь
 И на устахъ ея, въ ея дыханьи слышь
 Цѣлебный воздухъ жизни новой !
 Хвала всевидящимъ богамъ !
 Пущь мнимымъ счащиємъ для свѣта мы убоги ,
 Счастливицы насъ бѣднѣй, и праведные боги
 Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ .

CIV.

На звукъ цѣвницы голосистой ,
 Толпой забавъ окружена ,
 Лешить прекрасная весна ;
 Благоухаетъ воздухъ чистой ,
 Земля воздвиглась ошо сна .

Ушикли вьюги и мятели ,
 Текуть потоками снѣга ;
 Опять въ горахъ шрубятъ рога ,
 Опять зефиры налетѣли
 На обновленные луга .

Надъ урной мшистою Няда
 Проснулась въ сумракъ вѣшвей ,
 Спрясаешь яней съ кудрей ,
 И разломавъ оковы хлада ,
 Заговорилъ ея ручей .

Воспорги духъ мой пробудили!
 Звучать и блещуть небеса;
 Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,
 Паспущьи пѣсни огласили
 Долины, горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
 Лишь ты въ печаль облечена,
 Весны не празднуешь одна!
 Тобою младости измѣна
 Еще судьбѣ не прощена!

Унынье въ грудь къ тебѣ шѣснися,
 Не видишь ты красы луговъ.
 О если-бъ щедростью боговъ
 Могла ко смершнымъ возвращишься
 Пора любви съ порой цвѣшовъ!

CV.

Не ослабленъ я музою моею :
 Красавицей ея не назовушь
 И юноши узрѣвъ ея , за нею
 Влюбленною толпой не побѣгушь .
 Приманивашъ изысканнымъ уборомъ ,
 Игрою глазъ , блестящимъ разговоромъ ,
 Ни склонности у ней , ни дара нѣтъ ;
 Но пораженъ бываешь мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ ,
 Ея рѣчей спокойной простотой ;
 И онъ , скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ ,
 Ея почишь небрежной похвалою .

СVІ.

ЧЕРЕПЪ.

Усопшій братъ ! кто сонъ швой возмушилъ ?
 Кто пренебрегъ свяшынею могильнойъ ?
 Въ разрыпый домъ къ шебъ я нисходилъ ,
 Я въ руки бралъ швой черепъ желшый, пыльной !

Еще носилъ волосъ оспашки онъ ;
 Я зрѣлъ на немъ ходъ посшепенный плѣнья :
 Ужасный видъ ! какъ сильно порагонъ
 Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья !

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
 Надъ ямою безумно хохопала :
 Когда-бъ шогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
 Глава швоя виезашно провѣщала !

Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
 И каждый часъ грозимымъ смершнымъ часомъ,
 Всѣ истины извѣсныя гробамъ
 Произнесла своимъ безспрашнымъ гласомъ !

Что говорю ? Спокрашно благъ законъ,
 Молчаньемъ ей уста запечатавшій ;
 Обычай правъ, усоншихъ важной сонъ
 Намъ почиташъ издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно плѣй мершвецъ !
 Всесильнаго ничшожное создание ,
 О человекъ ! увѣрься наконецъ
 Не для себя, ни мудрость, ни всезнанье !

Намъ надобны и спрасши и мечшы,
 Въ нихъ бышїя условїе и пища :
 Не подчинишь однимъ законамъ шы
 И свѣсна шумъ и пишину кладбища !

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушишь
 И ошь гробовъ ошвѣсна не получишь :
 Пусшь радосши живущимъ жизнь даршь ,
 А смершь сама ихъ умерешъ научишь.

GVII.

О мысль ! тебѣ удѣлъ цвѣтка:
 Онъ свѣжій манишь мошылка,
 Прельщаетъ пчелку золотую,
 Къ нему съ любовью мошка льнешь
 И шрекоза его поешь ;
 Упратилъ прелесшь молодую
 И чередой своей поблекъ —
 Гдѣ пчелка, мошка, мошылекъ?
 Забышь онъ роеть ихъ лешучимъ,
 И никому въ немъ нужды нѣтъ ;
 А шупъ, зерномъ своимъ падучимъ,
 Онъ зарождаетъ новый цѣтъ.

СVIII.

Судьбой наложенныя цѣпи
 Упали съ рукъ моихъ и вновь
 Я вижу васъ, родныя сшепи,
 Моя начальная любовь.

Сшепнова неба сводъ желанной,
 Сшепнова воздуха струи,
 На васъ я въ шѣгѣ бездыханной
 Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣшь было слаще
 Лѣсъ на покашѣ двухъ холмовъ
 И скромный домъ въ садовой чащѣ —
 Приюшь младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, злосное время!
 Съ шѣхъ поръ по свѣту я бродилъ

И наблюдалъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылокое стремленье
Ошь неба было мнѣ дано;
Но обрѣло-ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно? . . .

Я брашьевъ зналъ; но сны молодые
Соединили насъ на мигъ:
Далече спрансшвуюшь иные
И въ мѣръ нѣшь уже другихъ.

Я швой, родимая дуброва!
Но ошь насильсшвенныхъ судьбинъ
Молишь хранишельнаго крова,
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привель подь сѣнь швою свяшую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцомъ шихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней милой, бышь мой ушая,

Другихъ урочищѣй вселенной
Не буду помнишь бышія.

Пускай о свѣщѣхъ не поскобя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

СІХ.

Есть грошъ : Наяда тамъ въ полдневные часы
Дремошъ предаешъ усталыя красы ,
И часно вижу я, какъ нимфа молодая,
На ложѣ лисивенномъ покоишя нагая ,
На руку бѣлую, подъ говоръ ключевой ,
Склоняся челомъ вѣичаннымъ осокой.

СХІІ.

МАДОНА.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ)

Межь древнихъ развалинь спояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней спарушка.

Съ разсвѣта до ночи за шажкомъ прудомъ,
А все таки голодь имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала ;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога ропшала.

Не плачь, не крушися ты, солнце мое!
Тогда упѣшала спарушка ее.

Не плачь , перемѣнись доля крушая :
 Придетъ къ намъ на помощь Мадона свяшая .

Да ликъ ея вѣру въ шебѣ укрѣпишь :
 Смошри , какъ привѣсно съ холста онъ глядишь !

Сшарушка смиренная съ рѣчью шакою ,
 Бывало креспилась дрожащей рукою .

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ ,
 Она съ умиленнымъ и крошкимъ лицомъ ,

На живопись темную взоръ подымала ,
 Чшо уголь въ лачужкѣ безъ рамя занимала .

Но больше и больше нужда ихъ шѣснишь ,
 Дочь плачешь , сшарушка свое говоришь .

Съ ушра по рупнамъ бродилъ любопытный :
 Забылся красѣ ихъ дивясь ненасытный .

Кровь нуженъ ему опъ полдневныхъ лучей :
 Сшучишся къ сшарушкѣ и входишь онъ къ ней .

На лавку садился пришлец упомленный;
Но вспрянуль, каршиною вдругъ пораженный.

« Божественный образъ ! чья кисть это , чья ?
О, какъ не узнашь мнѣ ! Корреджій, швоя !

И въ хижинѣ этой шворенье шайшя ,
Копорымъ и Царской дворець возгордится !

Старушка, продай мнѣ каршину свою,
Тебѣ за нее я сто піастровъ даю. »

— Синьоръ , я бѣдна , но душой не торгую ;
Продашь не могу я икону свяшую. —

« Я двѣсти даю , согласися продашь. »
— Синьоръ , Синьоръ ! бѣднось грѣшно искушашь.

Упрямства не могъ побѣдипь онъ въ старушкѣ :
Осталась каршина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Ишаліи всей
Лешучая вѣсьнь разнеслася о ней.

Къ спарушкѣ моей гостѣ за гостемъ спучишся
И, дверь отворяя, спарушка дивишся.

За входъ она малую плашу берешъ
И съ дочкой своею безбѣдно живешъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона свяшая.

СХІІІ.

О, вѣрь : ты нѣжная дороже славы мнѣ.
Скажу-ль ? мнѣ иногда докучно вдохновенье :
 Мѣшаетъ мнѣ его волненье
 Дышашъ любовью въ пишинѣ!
Я сердце предаю сердечному союзу :
 Приди, мечты мои разсѣй,
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей!
И покори себѣ бунтующую музу.

СХІV.

Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ ,
Но я живу , и на земли мое
Кому нибудь любезно бытіе :
Его найдешь далекой мой пошомокъ
Въ моихъ спихахъ : какъ знашь ? душа моя
Окажешся съ душой его въ сношенъ ,
И какъ нашель я друга въ поколѣньи ,
Чипашеля найду въ попомсвѣ я .

СХV.

Мой неискусный карандаш
Набросилъ видъ суровый вашъ
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ , средь эсихъ голыхъ скалъ
Я дни весны моей опальной
Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ собою
Я самовольною мечпою
Скалы изгнанья оживилъ
И ихъ разсѣянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я :
Вошь гдѣ унылый я бродилъ ,
Гдѣ, на судьбину негодуя,
Я вѣру въ счастье отложилъ.

XCVI.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Ешь быше ; но пмянемъ какимъ
 Его назвашь ? Ни сонъ оно , ни бдѣнье ;
 Межь нихъ оно и въ человѣкѣ имъ
 Съ безуміемъ граничшь разумѣнье.
 Онъ въ полношѣ поняшь своего ,
 А между шѣмъ какъ волны на него
 Одни другихъ мятежнѣй , своенравнѣй,
 Видѣнія бѣгушь со всѣхъ сторонь :
 Какъ будшо бы своей опщизны давней
 Спихійному смяшенью опданъ онъ ;
 Но иногда, мечшой воспламененный ,
 Онъ видитъ свѣшь другимъ не ошкровенный.

Созданье-ли болѣзненной мечшы,
 Иль дерзкаго ума соображенъе ,

Во глубинѣ полночной шемношы
 Представшее очамъ моимъ видѣнье ?
 Не вѣдаю; но предо мной погда
 Разкрылися грядущіе года;
 Событія вставали, развивались,
 Волнуясь подобно облакамъ
 И полными эпохами являлись
 Ошь времени до времени очамъ,
 И наконецъ я видѣлъ безъ покова
 Последнюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
 Вездѣ искусствъ, обилія примѣшы;
 Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
 Вездѣ дворцы, шеапры, водомешы,
 Вездѣ народъ и хпшрый свой законъ
 Спихи и всѣ признашь заставиль онъ:
 Ужь онъ морей мяшежныя пучины
 На островахъ искусственныхъ селпль,
 Ужь разсѣкаль небесныя равнины
 По прихоти имъ вымышленныхъ крыль;
 Все на землѣ движеніемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будшо ликовало.

Изчезнули безплодные года,
 Орашан по волѣ призывали
 Вѣтра, дожди, жары и холода;
 И вѣрною спорицей воздавали
 Постыи имъ, и хищный звѣрь изчезъ
 Во шмѣ лѣсовъ и въ высотѣ небесъ
 И въ безднѣ водъ сраженный человекомъ,
 И царствоваль повсюду свѣпый мѣръ.
 Вошь, мыслиль я прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
 Вошь разума великолѣпный пиръ!
 Врагамъ его и въ спыдѣ и въ поученье,
 Вошь до чего достигло просвѣщенье!

Прошли вѣка. Ясныи очамъ моимъ
 Видѣніе другое начинало:
 Чшо человекъ? чшо вновь открышо имъ?
 Я гордо мнилъ, и чшо-же мнѣ предстало?
 Наспавшую эпоху я съ шрудомъ
 Поспигнушь могъ смущившимся умомъ.
 Глаза мои людей не узнавали;
 Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
 На все они спокойные взирали,
 Чшо суешы рождало въ ихъ ошцахъ,

Что мысли ихъ, что страсти ихъ бывало
Влеченіемъ всеильнымъ увлекало.

Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубова влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья
И въ полное владѣніе свое
Фаншазія взяла ихъ бышіе,
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они сгулали
И браки ихъ бесплодны пребывали.

Прошли вѣка, и плушь моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судибина.
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства измѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,

По пажиямъ загдохнувшимъ блуждали
Безъ пасшырей безумныя спада ;
Съ людьми для нихъ изчезло пропшанье :
Мнѣ слышалось ихъ гладное блѣянье.

И шишина глубокая во слѣдѣ
Торжешвенно повсюду воцарилась ,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣшь
Державная природа облачилась.
Величесшвенъ и грушненъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинь и горъ.
Но прежнему живошворя природу,
На небосклонъ свѣшило дня взошло ;
Но на землѣ ничто его возходу
Произнесши привѣша не могло :
Одинъ шуманъ надъ ней синѣя вился
И жершвою чисшительной дымился.

СХVII.

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

Въ небѣ нашемъ исчезаешь
И красой своей горда ,
На другое воспекаешь
Переходная звѣзда ;
Но на вѣкъ ли съ ней проспишься ?
Нѣшь , предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль ворошишься
На шаринный небосклонъ.

Небо наше покидая
Ты-ли , милая звѣзда ,
Небесамъ другога края
Передашья навсегда ?

Весела красой чудесной,
Пошеки въ желанный путь;
Только странницей небесной
Ворошись когда нибудь !

СХVІІІ.

Слыхаль я, добрые друзья,
 Чшо наши праѣды въ печали
 Бывало бѣса призывали:
 Имъ подражаю въ эшомъ я.
 Но не пугайшесь : подружился
 Я не съ прокляшымъ сашаной,
 Кому душою поклонился
 За деньги старой Громобой ;
 Узнайте : ласковый бѣсенокъ
 Меня младенцемъ навѣщаль
 И колыбель мою качаль
 Подъ шопошь легкихъ побасенокъ.
 Съ шѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
 Между мужами возмужаль,
 Но для него еще ребенокъ.
 Случишся-ль гере пль бѣда ,

Иль безопчетно иногда
 Сгруснешся мнѣ въ моей кануркѣ, —
 Махну рукой : по старинѣ
 На сѣромъ волкѣ, сивкѣ буркѣ
 Онъ мигомъ явишся ко мнѣ.
 Больному духу здравьемъ свиснешь ,
 Бобами думу разведешь,
 Живой водой веселье всприснешь,
 А горе мершвою залешь.
 Когда въ задумчивомъ свѣшѣ
 Съ самимъ собой, изъ-за-угла
 Гляжу на свѣшъ и видя въ свѣшѣ
 Свободу глупости и зла,
 Добра и разума прижимку ,
 Насильемъ сверженный законъ ,
 Я слабымъ сердцемъ возмущёнъ ;
 Проворно шапку невидимку
 На шаръ земной набросишь онъ ;
 Или, въ мгновеніе зеницы,
 Чудесный коврикъ самолешь
 Онъ подо мною развернешь
 И коврикъ шешъ въ сады жаръ-пищцы,
 Въ чершого дивной царь-дѣвицы
 Меня по воздуху несешь.

Прощай владѣнье грустной былл
Меня смущавшее досель :
Я ошь швоей бездушной пылл
Уже за придевять земель.

Я помню ясный, чистый прудъ ;
 Подъ стѣною березъ вѣшвиспыхъ,
 Среди мирныхъ водъ его при острова цвѣшущъ ;
 Свѣшплѣя нивами межъ рошъ своихъ волнистыхъ ,
 За нимъ всшасешъ гора, предъ нимъ въ кустахъ
 шумишь

И брызжешъ мѣльница. Деревня, лугъ широкой,
 А шамъ сшасшливый домъ. . . . шуда душа лешишь,
 Тамъ не хладѣль бы я и въ шаросши глубокой!
 Тамъ сердце шомное, больное обрѣло

Ошвѣшъ на все, что въ немъ горѣло

И снова для любви, для дружбы разцвѣло

И сшасшье вновь уразумѣло.

За чѣмъ же шомный вздохъ и слезы на глазахъ ?

Она, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ,

Она, кошорой нѣшъ , мелькнула предо мною.

Почй , почй легко подъ дерномъ гробовымъ :

Воспоминаніемъ живымъ

Не разлучимся мы съ побою!

Мы плачемъ.... но просши! Печаль любви сладка ,

Ошрачны слезы сожалѣнья !

Не шо холодная, суровая шоска ,

Сухая скорбь разувѣренья.

СХVІІІ.

ПРИ ПОСЫЛКѢ БАЛА С. Э.

Тебѣ-ль невинной и спокойной
 Я приношу въ нескромный даръ
 Разсказъ , гдѣ спрасши недоспойной
 Изображень прешупный жаръ ?

И безобразный, и мяшежной,
 Онъ не плѣнишь швоей мечшы ;
 Но чшо? на память дружбы нѣжной
 Его бышь можешь примешь шы.

Жилецъ семейшвеннаго круга ,
 Такъ въ даръ приемлешь домосѣдъ
 Опъ путешешшвенника друга
 Пущыни дальной дикой цвѣшь.

СХІХ.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала, и шарець великой смѣжилъ
 Орлиныя очи въ покоѣ ;
 Почилъ безмяшежно , зане совершилъ
 Въ предѣлѣ земномъ все земное !
 Надъ дивной могилой не плачь , не жалѣй,
 Чшо генія черепъ наслѣдье червей.

Погась ! но ничшо не оспавлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣша;
 На все опозвался онъ сердцемъ своимъ,
 Чшо просишь у сердца опвѣша:
 Крылашою мыслью онъ міръ облещѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашель ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ пишало: пруды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣшы минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣшущихъ времянь упованья.
 Мечшою по волѣ проникнушь онъ могъ
 И въ нищую хашу, и въ царской черпогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣль лепешанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ шравъ прозябанье,
 Была ему звѣздная книга ясна
 И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человекъ!
 И ежели жизнью земною
 Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
 И насъ за могильной доскою,
 За міромъ явленій не ждесть ничего:
 Творца оправдаешь могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
 Онъ здѣшней вполнѣ ошдышавшій

И въ звучныхъ глубокихъ ошывахъ, сполна

Все дольное долу ошдавшій,

Къ Предвѣчному легкой душой возлешить

И въ небѣ земное его не смушишь.

СХХ.

К. А. ТИМАШЕВОЙ.

Вамъ все дано съ щедрою пристрастной
Благоволишельной судьбой:

Владѣше вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красою.

Что-жь грусть поешъ блестящая пѣвица ?
Что-жь шомны взоры красомы ?

Печаль , печаль души ея царица,
Владычица ея мечшы.

Вамъ счастья нѣшь , иль на одно мгновенье
Блеснувши, лучь его погасъ ;

Но счастливь пошь, кто слышишь ваше пѣнье ,
Но счастливь пошь, кто видишь васъ.

СХХІ.

Не славь обмануемый Орфей,
Мнѣ Элизійскія селеня :
Элизій въ памяти моей
И не кропимъ водой забвенья.
Въ немъ міръ цвѣшущій старины
Умершихъ пѣни населяющъ,
Привычки жизни сохраняющъ
И чувствъ ея не лишены.
Тамъ живъ ты, Дельвигъ ! тамъ за чашей
Еще со мною шутишь ты ,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юныя мечшы.

СХХІІ.

Гдѣ сладкой шопошь
 Мопхъ лѣсовъ ?
 Попоковъ ропошь ,
 Цвѣшы луговъ ?
 Деревья голы;
 Коверъ зимы
 Покрыль холмы,
 Луга и доли.
 Подъ ледяной
 Своей корой
 Ручей нѣмѣеть;
 Все цѣпенѣеть ,
 Лишь вѣшеръ злой
 Бушуя воешъ
 И небо кроешъ
 Сѣдою мглой.

За чѣмъ поскуя
 Въ окно слѣжу я

Мятели лешь ?
Любимцу счастья
Кровь ошь ненашья
Оно даешь.
Огонь прескучій
Вь моей печи;
Его лучи
И пыль лешучій
Мнѣ веселяшъ
Безпечный взглядъ.
Вь шиши мечшаю
Передь живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О Провидѣнье
Благодаренье !
Забуду я
И дуновенье
Бурь бышя.
Скорбя душою,
Вь шоскъ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней

И подъ мяшежной
Мяшью бѣдъ,
Любовью нѣжной
Ея согрѣшь,
Забуду вскорѣ
Крушое горе,
Какъ въ эшошь мигъ
Забыль природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мяшежный крикъ.

СХХІІІ.

Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь !
На хлопопы всаваая до звѣзды ,
Какой нибудь да пакосьюзначишь
Ты каждой день безъ цѣли, безъ нужды !
Ты самъ себя, и просъ и поделъ
Иппимьей зашѣливой казнишь:
Забонливо полчешъ ты уголь въ спунъ
И полько что лице свое пылишь.

СХХIV.

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнушь уповаемъ :
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ ?
Что наконецъ подсмощрять очи зорки ?
Что наконецъ поймешь надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опышовъ и думъ ,
Что ? шочный смыслъ народной поговорки.

СХХV.

Весна, весна! какъ воздухъ чишь!
 Какъ ясенъ небосклонъ!
 Своей лазурію живою
 Слѣпишь мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко
 На крыльяхъ вѣперка,
 Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
 Лешаютъ облака!

Шумяшь ручьи! блестяшь ручьи!
 Взревѣвъ, рѣка несетъ
 На шоржеспвующемъ хребтѣ
 Подняшый ея ледь!

Еще древа обнажены,
 Но въ роцѣ вѣтхой листь,

Какъ прежде, подь моею ногой,
И шумень и душишшь.

Подь солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый, жавронокъ поешь
Заздравный гимнь веснѣ.

Чшо съ нею, чшо съ моею душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ пшичкой пшичка! съ нимъ журчипшь,
Лешаеть въ небѣ съ ней!

За чѣмъ шакъ радуешь ее
И солнце, и весна!
Ликуешь ли какъ дочь спихій
На пирѣ ихъ она?

Чшо нужды! счастливъ, кшо на немъ
Забвенье мысли пьешь,
Кого далеко опъ нее
Онъ дивный унесешь!

СХХVI.

Своенравное прозванье
 Даль я милой въ ласку ей :
 Безошчепное созданье
 Дѣшской нѣжности моей,
 Чуждо явнаго значенья,
 Для меня оно символъ
 Чувствъ, копорымъ выраженья
 Въ языкахъ я не нашёлъ.
 Вспыхнувъ полное любовью
 И любви посвящено,
 Не хочу, чшобъ суесловью
 Было вѣдомо оно:
 Чшо въ немъ свѣшу? Но сомнѣнье
 Если духъ ей возмушишь,
 О, его въ одно мгновенье
 Это имя побѣдишь ;
 Но въ шомъ мѣрѣ, за могилой,
 Гдѣ нѣшь образовъ, гдѣ нѣшь

Для узнанья, другъ мой милой,
Здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ,
Имъ безмерше я привѣчу,
Имъ къ тебѣ воскликну я
И душѣ моеѣ на встрѣчу
Полетитъ душа твоя.

СХХVII.

Хошя шы малой молодой ,
 Но пожилаю мудрость кажешь :
 Ты слова лишняго не скажешь
 Въ бесѣдѣ самой распашной;
 Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
 Ты съ горяча не заведешь ,
 Къ погамъ вершушки не падешь
 Ты паспушкомъ протосердечнымъ ;
 Воздержнымъ голосомъ швопмъ
 Никшо крикливо не хвалимъ ,
 Никшо сердино не осужень .
 Всѣмъ эшимъ хвасашь не спѣши :
 Не рѣдкой умъ на эшо нужень ,
 Довольно дюжинной души .

СХХVIII.

Дитя мое , она сказала,
 Возмешь иль нѣтъ мое кольцо ?
 И головою покачала ,
 Съ участьемъ глядя ей въ лицо.

Знай , друга дасть тебѣ , дѣвица ,
 Кольцо счастливое мое:
 Ты будешь думъ его царица ,
 Его второе быніе.

Но договоръ судьбой ревнивой
 Съ прекраснымъ даромъ сопряжонъ,
 И красотѣ самолюбивой
 Тяжелъ , я знаю , будешь онъ.

Свѣтъ , къ ней суровый , не примѣшитъ
 Ея привѣтливыхъ очей ,

Ея улыбку хладно вспрѣвшишь
И не поймешь ея рѣчей.

Вошце ей разумъ , дарованья ,
И чувствъ и мыслей прямоша:
Ихъ свѣшь оставишь безъ вниманья,
Обезобразишь клевета.

И долго , долго спрошою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдешь съ поникшей головою,
Одна съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманешь
Мое счастливое кольцо :
Ей судія ея предстанеть
И процвѣшетъ ея лицо.

Внимала дѣва молодая
Невиннымъ взоромъ весела
И тайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жь съ надеждою веселой!
Творецъ себя благослови
На подвигъ долгой и тяжелой
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ твои ненаспливые дни
Когда нужна тебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку прощани.

СХХІХ.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
 Въ дни необузданныхъ спрасей ,
 Со мною жилъ превращныйъ геній
 Наперсникъ юности моеѣ.
 Онъ жаръ воспорговъ несогласныхъ
 Во мнѣ ппшаль и раздуваль;
 Но соразмѣрностейъ прекрасныхъ
 Въ душѣ носилъ я идеаль :
 Когда лишь праздниковъ смяшенья
 Алкаль безумецъ молодой,
 Поэша мѣрныя шворенья
 Блиспали стройнойъ красой.

Спрасей порывы уппхающъ ,
 Спрасей мяшежныя мечшы
 Передо мной не зашмѣвающъ
 Законовъ вѣчнойъ красой;

И поэтического міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровашь, о лира!
Твое согласье захошѣлъ.

СХХХ.

ОТРЫВОКЪ.

ОНЪ.

Подъ этой липою гуспою
 Со мною сядь, мой милый другъ;
 Смощри: какъ живо все вокругъ!
 Какой зеленой пеленою
 Къ рѣкѣ низходитъ эшошь лугъ!
 Какая свѣжая дуброва
 Глядишся съ берега другова
 Въ ея веселое стекло!
 Какъ небо чисто и свѣшло!
 Все въ пишинѣ; едва смущасшь
 Живую сѣнь и чущкой шокъ
 Благоуханный вѣшерокъ:
 Онъ сердцу счастье навѣвасшь!
 Молчишь ты!

ОНА.

О любезный мой!

Всегда я счастлива съ тобой
И каждый мигъ равно ласкаю.

ОНЪ.

Я съ умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
Онь эшихъ водъ, лѣсовъ и горъ
Я на эфирную обихель,
На небеса подъемлю взоръ
И думаю: великъ Зиждихель,
Прекрасенъ мѣръ! Когда же я
Вспомню шюю же порою,
Чшо въ эшомъ мѣрѣ шы со мною,
Подруга милая моя. . . .
Нѣшь сладкимъ чувшвамъ выраженья
И не могу въ избыткѣ ихъ
Невольныхъ слезъ благодаренья
Ошановишь въ глазахъ моихъ.

ОНА.

Воздай шебѣ Создатель вѣчный!
О чемъ еще его молишь!

Ахъ ! объ одномъ : не переживишь
Тебя, другъ милый, другъ сердечный.

ОНЪ.

Ты грушной мыслию меня
Смушила. Такъ ! сегодня зрѣнье
Плѣняешь свѣшь веселый дня,
Плѣняешь Божіе шворенье;
Теперь въ рукѣ моей, швою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голосъ узнаю....
А завтра.... завтра.... какъ ужасно !
Мершвецъ незрящій и глухой,
Мершвецъ холодный !... Лучъ дневной
Въ глаза ударить мнѣ напрасно !
Вошце къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь:
Я не проснусь ! И что мы знаемъ ?
Не только завтра , сей же часъ
Меня не будешь ! Кшо изъ насъ

Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой ?

ОНА.

Что съ тобой ?
За чѣмъ швое воображенье
Предупреждаешь Провидѣнье ?
Богъ милосердъ, другъ милой мой !
Здоровы, молоды мы оба :
Еще далеко намъ до гроба.

ОНЪ.

Но все-жь умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

ОНА.

Что же, милой ?
Есть бышіе и за могилой,
Намъ общалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ : нѣшь сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будешь разлученья,

Гдѣ всѣ земныя опасенья
 Съ земною пылью опряхнемъ.
 Ахъ ! какъ любишь безъ этой вѣры.

ОНЪ.

Такъ, Всемогущій безъ нее
 Насъ искушалъ бы выше мѣры :
 Такъ, есть другое бышяе !
 Ужели нѣкогда погубишь
 Во мнѣ Онъ то, что мыслишь, любишь,
 Чѣмъ Онъ созданье довершилъ ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ ,
 Міръ повзорилъ Онъ отраженьемъ
 И самъ Себя изобразилъ ?
 Ужели Творческая сила
 Лукавымъ свѣтомъ бышяа
 Мнѣ ужасъ гроба озарила,
 И только ?... Нѣтъ, не вѣрю я.
 Что свѣтъ являєшь ? Пиръ нестройный !
 Презрѣнный властвуешь ; достойный
 Понижъ гонимую главою ;
 Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
 Какъ ! не терпящая смѣшенья
 Въ слѣпыхъ снѣжкахъ вещества,

На хаосъ нравственный возрѣнья
 Не бросишь мудрость Божества !
 Какъ ! между братьями своими
 Мы видимъ правыхъ и благихъ,
 И превзойдены дѣлами людскими,
 Не правъ, не благъ Создатель ихъ ? . . .
 Нѣтъ ! мы въ юдоли испытанья
 И есть обитель воздаянья :
 Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
 Сіяетъ день незаходимый,
 И оправдается Незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

ОНА.

Зачѣмъ въ такія размышленья
 Ты погружаешься душой ?
 Ужели нужны, милый мой,
 Для убѣжденныхъ убѣжденья ?
 Премудрость вышняго Творца
 Не намъ изслѣдовать и мѣрять :
 Въ смиреніи сердца надо вѣрять
 И терпѣливо ждаться конца.

Пойдемъ: грушна я въ самомъ дѣлѣ,
И опъ мяшежныхъ словъ швоцхъ,
Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
Сердечный шрепешъ не зашихъ.

СХХХІ.

Бывало, опрокъ, звонкимъ кликомъ
 Лѣсное эхо я будиль,
 И вѣрный откликъ въ лѣсѣ дикомъ
 Меня смяшенно веселилъ.
 Пора другая наступила
 И рифма юношу плѣнила
 Лѣсное эхо замѣня.
 Игра стиховъ, игра злая!
 Какъ звуки звукамъ ошвѣчая
 Бывало нѣжили меня!
 Но все проходишь. Осываю
 Я и къ гармоніи стиховъ
 И какъ дубровъ не окликаю,
 Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I.	Финляндія.....	5
II.	Порою ласковую Фею.....	9
III.	Завыла буря; хлябь морская.....	40
IV.	Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ ошцовъ....	42
V.	Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовласни- шель.....	45
VI.	О счастіи съ младенчества шоскуя.....	46
VII.	Наслаждайшесь: все проходишь.....	49
VIII.	Люблю я красавицу.....	20
IX.	Леша.....	22
X.	Разспались мы; на мигъ очарованьемъ.....	25
XI.	Къ чему невольнику мечпанія свободы?.....	24
XII.	Разсѣиваешь грусь веселый шумъ нировъ.....	25
XIII.	Пѣсня.....	26
XIV.	Приманкой ласковыхъ рѣчей.....	28
XV.	Паденіе липсьевъ.....	29
XVI.	Любви примѣшы.....	52
XVII.	Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, шы.....	35
XVIII.	Когда-бъ избрашъ возможно было мнѣ.....	35
XIX.	Гдѣ шы, безпечный другъ? гдѣ шы, о Дельвигъ мой.	36
XX.	Желанье счастія въ меня вдохнули боги.....	39
XXI.	Мнѣ съ упоеніемъ замѣшнымъ.....	40
XXII.	Цвѣшокъ.....	45
XXIII.	Что пользы вамъ ошъ шумныхъ вашихъ преній.	45
XXIV.	Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ.....	46
XXV.	Языкову.....	47
XXVI.	Онъ близокъ, близокъ день свиданья.....	49
XXVII.	Перелешай къ веселью ошъ веселья.....	50
XXVIII.	И шакъ, мой милый, не шушя.....	54

XXIX.	Мила какъ Грація, скромна.....	55
XXX.	Въ дорогу жизни снаряжая.....	54
XXXI.	Глупцы не чужды вдохновенья.....	55
XXXII.	Когда неопытенъ я былъ.....	56
XXXIII.	Г-чу.....	57
XXXIV.	Неизвинительной ошибкой.....	61
XXXV.	Дало двѣ доли Провидѣніе.....	65
XXXVI.	Одинъ, и пасмурный душою.....	65
XXXVII.	Въ борьбѣ съ тяжелой судьбой.....	67
XXXVIII.	Лужковскому.....	68
XXXIX.	Когда печалью вдохновенный.....	71
XL.	Нѣшъ, обманула васъ молва.....	75
XLI.	Повѣрь, мой милый! швой Поэшь.....	74
XLII.	Тебя изъ шьмы не изведу я.....	76
XLIII.	Какъ много шь, въ немного дней.....	78
XLIV.	Храни свое неопасенье.....	79
XLV.	Вчера ненашпалея ночь.....	80
XLVI.	Незнаю! милая, незнаю!.....	81
XLVII.	Богдановичу.....	82
XLVIII.	Очарованье красоты.....	87
XLIX.	Какъ сладись съ глупостью глупца.....	89
L.	Идилликъ новый на искусствъ.....	90
LI.	Такъ! ошшавнаго шалуна.....	90
LII.	По замѣчанью моему.....	92
LIII.	Шуми, шуми съ крушой вершины.....	95
LIV.	Она придешь! къ ея успамъ.....	95
LV.	На кровы ближняго селенья.....	96
LVI.	Елизійскія поля.....	97
LVII.	Сей поцѣлуй, дарованный шобой.....	100
LVIII.	Тебѣ на память, въ книгѣ сей.....	104
LIX.	Когда взойдешъ денница золошая.....	105
LX.	Окогченная лешунья.....	105
LXI.	И. И. Гнѣдичу.....	106
LXII.	Взгляни на ликъ холодный сей.....	111
LXIII.	Прощай, ошцизна непогоды.....	112
LXIV.	Чувшпвительны мивъ дружескія цѣни.....	114

LXV.	Я носѣшилъ шебя, пѣвнищельная сѣмь.....	415
LXVI.	Когда исчезнешь омраченье.....	419
LXVII.	Напрасно мы, Дельвигъ, мечшаемъ найдши....	424
LXVIII.	О своенравная Аглая!.....	425
LXIX.	Люблю деревню я и льшо.....	425
LXX.	Въ своихъ спихахъ онъ скукой дышетъ.....	426
LXXI.	Рука съ рукой Веселье, Горе.....	427
LXXII.	Рѣшищельно, печальныхъ спрокъ моихъ.....	428
LXXIII.	Ты ропщешь, важный журналистъ.....	430
LXIV.	Дельвигу.....	434
LXV.	Мы пьемъ въ любви отраву сладкую.....	434
LXXVI.	Пріяшель сурогой, шы не правъ.....	435
LXXVII.	К. З. А. Волконской.....	437
LXXVIII.	Не бойся ѣдкихъ осужденій.....	439
LXXIX.	Тебѣ я младосшь шаловливу.....	440
LXXX.	Поэшь Писцовъ въ спихахъ шяжеловашъ.....	444
LXXXI.	Чшобъ очаровывашъ сердца.....	442
LXXXII.	Разувѣреніе.....	445
LXXXIII.	А. А. Ф...ой.....	447
LXXXIV.	Живи смѣлѣй, шоварищъ мой.....	449
LXXXV.	Не шрогайше Парнаскаго пера.....	454
LXXXVI.	Сшарикъ.....	452
LXXXVII.	Хвала, масшиный нашъ Зонль!.....	454
LXXXVIII.	Подражаніе Лафару.....	455
LXXXIX.	Я безразсудень—и не диво!.....	457
XC.	Д. Давыдову.....	460
XCI.	Твой дѣшскій вызовъ миѣ пріяшенъ.....	462
XСII.	Взглянише: свѣжесшью молодой.....	464
XСIII.	Пришворной пѣжнوشي не шребуй отъ меня.....	465
XСIV.	Аврорѣ Ш.	468
XCV.	Чудный градъ порой сольешся.....	469
XCVI.	Я не любилъ ее, я зналъ.....	470
XCVII.	Изъ А. Шенье.....	472
XCVIII.	Взгляни на звѣзды: много звѣздъ.....	473
XCIX.	Болящій духъ врачуешъ пѣснопѣнье.....	475
C.	Пора покинушь, милый другъ.....	476

СІ.	Не подражай: своеобразень гений.....	178
СІІ.	Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ.....	179
СІІІ.	Поверхъ, мой милый другъ, спраданье нужно намъ.....	184
СІІІ.	На звукъ цѣвницы голосистой.....	185
СІV.	Не ослѣпленъ я музою моею:.....	185
СІVІ.	Черепъ.....	186
СІVІІ.	О мысль! шебѣ удѣль цвѣшка:.....	188
СІVІІІ.	Судьбой наложенныя цѣпи.....	189
СІХ.	Есть грошъ: Няяда шамъ въ полдневные часы.	192
СХІІ.	Мадона.....	193
СХІІІ.	О, вѣрь: шы нѣжная дороже славы мнѣ.....	197
СХІV.	Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ.....	198
СХV.	Мой неискусный карандашъ.....	199
СХVІ.	Послѣдняя смершь.....	200
СХVІІ.	К. А. Свербеевой.....	205
СХVІІІ.	Слыхалъ я, добрые друзья.....	207
СХVІІІ.	Есть милая спрана, есть уголь на землѣ.....	210
СХVІІІ.	При посылкѣ бала С. Э.....	212
СХІХ.	На смершь Геше.....	213
СХХ.	К. А. Тимашевой.....	216
СХХІ.	Не славь обманушый Орфей.....	217
СХХІІ.	Гдѣ сладкой шопощъ.....	218
СХХІІІ.	Какъ ревностно шы самъ себя дурачишь.....	224
СХХІV.	Шарашельно мы наблюдаемъ свѣшь.....	222
СХХV.	Весна, весна! какъ воздухъ чистъ.....	223
СХХVІ.	Своеправное прозванье.....	225
СХХVІІ.	Хотя шы малой молодой.....	227
СХХVІІІ.	Диша мое, она сказала.....	228
СХХІХ.	Въ дни безграничныхъ увлеченій.....	231
СХХХ.	Ошрывокъ.....	233
СХХХІ.	Бывало, ошрокъ, звонкимъ кликомъ.....	240

ПОГРѢШНОСТИ.

НАПЕЧАТАНО:

Читай.

Стр. Стих.

49	9	Не ропщише: все прохо-
дишь,	Не ропщите: все проходишь!
76	45	И въ немъ, прохладнымъ
духовеньемъ,	И въ немъ, прохладнымъ
дуновеньемъ,
148	2 и 3	Гдѣ въ сладосной шѣни не-
вянущихъ дубровъ
У нескудьющихъ ручьѣвъ	Гдѣ въ сладосной шѣни не-
вянущихъ дубровъ,
У нескудьющихъ ручьѣвъ,
224	5	Ты самъ себя, и проси
и поделъ	Ты самъ себя и проси
поделъ вкупъ,

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евгенія Баратынскаго.

Часть II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургичес. Академіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ , чпюбы по напечатаніи предспавлены были
въ Ценсурный Комисептъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 7 Марта, 1833 года.

Ценсоръ Никита Бутырскій.

Э Д А.

Чего робѣшь ты при мнѣ ,
Другъ милый мой, малюшка Эда ?
За что , за что наеднѣ
Тебѣ спрашна моя бесѣда ?
Вѣрь , не коварень я душой ;
Тамъ , далеко, въ спранѣ родной ,
Сеспру я добрую имѣю ,
Сеспру чудесной красоты :
Я иѣжно, иѣжно дружень съ нею
И на нее похожа ты.
Давно . . . что дѣлашь ? . . . но шакая
Ужь наша доля полковая !
Давно я , Эда , не видалъ
Роднаго счастливаго края ,
Сеспры моеѣ не цѣловаль !

Лицемъ она, будь сердцемъ ею ;
 Мечпъ моей не измѣни
 И мнѣ любовію швоею
 Ея любовь напомяни !
 Мила шы мнѣ. Веселье , муку,
 Все жажду я дѣлишь съ тобой :
 Не уходи, оставь мнѣ руку !
 Довѣрься мнѣ , другъ милый мой !

Съ улыбкой вкрадчивой и льстивой,
 Такъ говорилъ гусарь красивой
 Финляндкѣ Эдѣ. Русь была
 Ему опчизной. Въ горы Финна
 Его недавно завела
 Полковъ бродячая судьбина.
 Суровый край : его красамъ ,
 Пугаяся , дивятся взоры ;
 На горы каменные шамъ
 Поверглись каменные горы ;
 Синѣя , всходяшь до небесъ
 Ихъ своенравныя громады ;
 На нихъ шумишь сосновый лѣсъ ;
 Съ нихъ бурно льюшся водопады ;

Тамъ доль очей не веселишь ;
 Гранишной лавой онъ облишь ;
 Главу одѣвши въ мохъ печальныйъ ,
 Огромнымъ спорожемъ споншь
 На немъ гранить пирамидальныйъ ;
 По дряхлымъ скаламъ бродишь взглядъ ;
 Пришлецъ исполненъ смущной думы :
 Не міра-ль давняго лежатъ
 Предъ нимъ развалины угрюмы ?
 Въ досель счастливой глуши,
 Отца простаго дочь просая ,
 Красой лица, красой души
 Блишала Эда молодая.
 Прекраснѣй не было въ горахъ :
 Румянецъ нѣжный на щекахъ ,
 Лешучій спанъ, власы злашые
 Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ ,
 И очн блѣдно-голубые .
 Подобно Финскимъ небесамъ.

День гаснулъ, скалы позлащая.
 Предъ хижиной своей одна
 Сидѣла дѣва молодая ,
 Лицемъ спокойна и ясна.

Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной ,
 Завель онъ крошко съ нею рѣчь ;
 Ея не мыслила пресѣчь
 Она въ задумчивости томной ,
 Вынимала слабымъ сердцемъ ей :
 Такъ роза первыхъ вешнихъ дней
 Лучамъ невѣрнымъ довѣряешь :
 Почуя теплый вѣшерокъ ,
 Его лобзаньямъ открываешь
 Благоуханный свой шипокъ ,
 И не предвидишь хладъ суровый ,
 Мерзвѣщій хладъ дохнушь гошовый .
 Въ рукѣ гусара моего
 Давно рука ея лежала :
 Въ забвеньи сладкомъ у него
 Она ее не опинмала .
 Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ :
 Взоръ укоризны , даже гнѣва
 Тогда подняшь хошѣла дѣва ,
 Но гнѣва взоръ не выражалъ .
 Веселость ясная сіяла
 Въ ея младенческихъ очахъ ,
 И наконецъ въ шакихъ словахъ
 Ему Финляндка ошвѣчала :

« Ты мной давно уже любимъ :
 За чѣмъ же нѣшь ? Ты добродушень ,
 Всегда заботливо послушень
 Малѣйшимъ прихопямъ моимъ .
 Онѣ докучливы бывали ;
 Меня ты любишь , вижу я :
 Душа признапельна моя .
 Ты мнѣ любезень : не всегда ли
 Я угождашь тебѣ спѣшу ?
 Я съ каждымъ ушромъ приношу
 Тебѣ цвѣты ; я подарила
 Тебѣ кольцо ; всегда была
 Твоимъ весельемъ весела ;
 Съ побою грустнымъ я грустила .
 Чшо-жь ? Я и въ эшомъ погрѣшила :
 Намъ строго , строго не веляшь
 Дружиться съ вами . Говорашъ ,
 Чшо вѣроломны , злобны всѣ вы ;
 Чшо васъ бѣжашъ должны бы дѣвы ,
 Чшо какъ-шо губише вы насъ ,
 Чшо пропадешъ , когда полюбишь :
 И ты , я думала не разъ ,
 Ты , можешъ бышь , меня погубишь . »

« Я швой губишель, Эда ? я ?
 Тогда пускай мнѣ казнь любую
 Пошлешь Небесный Судія !
 Нѣшь, нѣшь ! я съ шѣмъ себя цѣлую ! »
 « На что ? за чѣмъ ? какой мнѣ спыдь ! »
 Младая дѣва говоритъ.
 Ужь поздно. Вспашь, бѣжашь гошова
 Съ негодованіемъ она.
 Но держишь онъ. « Поспой ! два слова !
 Поспой ! шы взорами сурова :
 Уже-ль шы мной оскорблена ?
 О, нѣшь, останься : мигъ забвенья ,
 Минушу шалости проси ! »

« Я не сержуся ; но пусши ! »

« Твой взоръ исполненъ оскорбленья
 И шы лицемъ не можешь лгать :
 Позволь, позволь для примиренья
 Тебя еще поцѣловашь. »

« Оспавь меня ! »

« Мой другъ прекрасной !

И за ребяческую блажь
 Ты неизвѣстности ужасной
 Меня безжалостно предашь !
 И не поймешь мое спраданье !
 И шакова любовь швоя !
 Другъ милый мой, одно лобзанье,
 Одно, иль ей не вѣрю я ! »

И дѣва бѣдная вздохнула,
 И милый ликъ свой, до того
 Ошвороченный ошъ него,
 Къ нему шихонько обернула.

Какъ онъ самимъ собой владѣль !
 Съ какою медленностью помной,
 И между шѣмъ какъ будшо скромной,
 Напечашлѣшь онъ ей умѣль
 Свой поцѣлуй ! Какое чувсшво
 Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ !
 И лобызаніемъ шакимъ
 Владѣешь хладное искусство !

Ахъ, Эда, Эда! Для чего
 Такое долгое мгновенье
 Во влажномъ пламени его
 Пила ты напрасное забвенье?
 Теперь полна въ душѣ своей
 Желанья смущающей заботой,
 Ты освѣжишь дремою
 Уже не сомкнешь своихъ очей;
 Слѣпая на ложѣ сновидѣнья,
 Тебѣ безвѣстная досель,
 Иль долго жаркая постель
 Тебѣ не дастъ покоенья.
 На камняхъ розовыхъ пьвицъ
 Весна игриво засвѣтѣла,
 И ярко зелень мохъ на нихъ,
 И птичка весело запѣла,
 И по гранитному одру
 Свѣтло бѣжитъ ручей серебристой,
 И лѣсъ прохладою душистой
 Съ востока вѣетъ поутру;
 Тамъ за горою доль шапша,
 Уже цвѣты неспрѣютъ шамъ;
 Уже черемухъ опшамъ
 Тамъ въ чистомъ воздухѣ спршшся:

Свою нѣгою спрашна
 Тебѣ волшебная весна.
 Не слушай пшички сладкогласной !
 Опъ сна возспавшая , съ крыльца
 Къ прохладѣ утренней лица
 Не обращай, и въ доль прекрасной
 Не приходи, а сверхъ всего,
 Бѣги гусара швоего !

Уже пустыня сношь обьяла ;
 Вспаль ясный мѣсяць надъ горой ,
 Сливая свѣтъ багряный свой
 Съ послѣднимъ пурпуромъ закаша ;
 Двойная, шрепешная шѣнь
 Опъ черныхъ сосень возлегашь,
 И ночь прозрачная смѣняешь
 Погасшій непримѣшно день.
 Ужъ поздно. Дѣва молодая
 Жарка ланишами, встаешь
 И молча, глазъ не подымая ,
 Въ свой уголь медленно идешь.

Была безпечна , весела
Когда-шо добренькая Эда ;
Одною Эдой и жила
Когда-шо дѣвичья бесѣда ;
Она привѣшно и свѣшло
Когда-шо всѣмъ глядѣла въ очи :
Что-жь измѣнить ее могло ?
Что-жь эшо ушро облекло
И шакъ внезапно въ сумракъ ночи ?
Она разсѣянна , грустна ;
Въ бесѣдахъ вовсе не слышна ;
Какъ прежде , яснаго привѣша
Ни для кого во взорахъ нѣшь ;
Вопросы долго ждуть опвѣша
И часто странень сей опвѣшь ;

То жарки щеки , по безцвѣсны ,
 И, тайной горести плоды,
 Нерѣдко свѣжіе слѣды
 Горючихъ слезъ на нихъ замѣсны.

Бывало, слишкомъ зашалить
 Неосторожный постоялецъ :
 Она къ устами приславитъ палецъ ,
 Ему съ улыбкой имъ грозитъ.
 Когда же ей онъ подаритъ
 Какой нибудь нарядъ дешевой ,
 Финляндка дивной ей обновой
 Похвастать къ махери бѣжитъ ,
 Межь шѣмъ его благодаритъ
 Веселымъ книксомъ. Шадовливо
 На друга соннаго порой
 Плещетъ холодною водою
 И убѣгаетъ шоропливо ,
 И долго слышенъ громкій смѣхъ.
 Ея шрудовъ , ея ушѣхъ
 Всегда въ погарищи малюпкой
 Бывалъ онъ призванъ съ милой шупкой.
 Взойдетъ ли ушро, ночи-ль шѣнь
 На усыпленны холмы ляжешь :

Ему красочка добрый день
И добру ночь привѣшно скажешь.

Гдѣ время то ? При немъ она
Какой-шо робостию нынѣ
Въ своихъ движеньяхъ смущена ;
Веселыхъ шушокъ и впомнѣ
Ужь нѣшь ; незначущихъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводишь ,
Какъ будто спалъ онъ недругъ ей ;
Зато порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводишь ,
Зато порой наединѣ
Къ груди гусара вся въ огнѣ
Бѣдняжка грудью припадаешь ,
И, сшрасши гибельной полна ,
Сама уста свои она
Къ его лобзаньямъ обращаетъ ;
А въ ночь бессонную одна ,
Одна съ раскаяньемъ напраснымъ ,
Сама волненіемъ ужаснымъ
Души своей устращена ,
Уныло шепчешь : что со мною ?
Мнѣ съ каждымъ днемъ грустинѣй , грустинѣй ;

Ахъ, гдѣ ны, миръ души моей !
 Куда пойду я за побою !
 И слезы дѣшскія у ней
 Невольно льются изъ очей.

Она была не безъ надзора.
 Отецъ ея, крушый шарикъ,
 Опчасши въ сердце къ ней проникъ.
 Онъ подозрительнаго взора
 Съ несчастной дѣвы не сводилъ ;
 За нею слѣдомъ онъ бродилъ :
 И подсморгнулъ ли что такое ,
 Но только молодой шалунъ
 Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
 Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
 Ходилъ сердито, какъ пошомъ
 Ударилъ сильно кулакомъ
 Онъ по столу, и Эдѣ бѣдной,
 Предъ нимъ препенущей и блѣдной ,
 Сказалъ рѣшительно : повѣрь ,
 Не одобровашь тебѣ съ гусаромъ!
 Вы за углами съ нимъ недаромъ
 Всегда встрѣчаешься. Теперь
 Ты рада слушать негодяя.

Худому выучишь. Бѣда
 Падешь на дуру. Миѣ тогда
 Забота будешь небольшая :
 Кшо мой обычай ни порочь,
 А пошаскушка миѣ не дочь.
 Тихонько слезы опирая
 У грустной Эды ; « чшо ворчашь ? »
 Сказала съ крошосшію машь ;
 « У насъ смиренная такая
 До сей поры была она.
 И въ чемъ теперь ея вина ?
 Грѣшишь , бѣдняжку обижаа . »
 Да , молвилъ онъ , ласкай ее ,
 А я сказалъ уже свое .

День послѣ, въ комнаткѣ своей
 Уже вечернею порою
 Одна съ привычною тоскою
 Сидѣла Эда. Передъ ней
 Свяшая Библія лежала.
 На длань склоненная челомъ,
 Она разсѣяннымъ перспомъ
 Разсѣянно перебирала
 Ея пзмяшые листы

И въ дни сердечной чистоты
 Невольной думой улешала.
 Взошелъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ,
 Въ молчаньи сѣлъ, въ молчаньи руки
 Сжалъ на груди своей крестомъ ;
 Примѣты скрышой, тяжкой муки
 Въ немъ все являло. Наконецъ :
 Долгъ ошъ меня, сказала хитрець,
 Съ шобою пребуешь разлуки.
 Теперь услышать милый гласъ ,
 Увидѣть мнѣ мнѣ очи
 Я прихожу въ послѣдній разъ:
 Покроешь землю сумракъ ночи
 И навсегда разлучишь насъ.
 Виною швой ошець суровой:
 Его укору слышала я ;
 Нѣшь , нѣшь , шебѣ любовь моя
 Не нанесетъ печали новой!
 Прости ! Чуть дышуца , блѣдна ,
 Гусара слушала она.
 « Чшо говоришь ? Возможно-ль ? Нынѣ ?
 И навсегда, любезный мой ! . . . »
 Бѣгу ошселъ ; но душой
 Ошанусь въ милой мнѣ пустынь.

Съ шобою видѣть я любилъ
 Пошоки тѣ же, тѣ же горы;
 Къ шому же небу возводилъ
 Съ небесной радостио взоры:
 Съ шобой въ разлукѣ свѣшу дня
 Уже не радовашь меня!
 Я волю даль любви несчастной
 И погубилъ, довѣрять ей,
 За мигъ лепящій, мигъ прекрасной
 Всю красоту грядущихъ дней.
 Но слушай! Срокъ остался крашкой:
 Пугаясь ревнивыхъ глазъ,
 Вездѣ преслѣдующихъ насъ,
 Доселѣ мелькомъ и украдкой
 Видались мы; моей мольбой
 Не оскорбись. На расставанье
 Позволь, позволь имѣть съ шобой
 Мнѣ безмяшежное свиданье!
 Лишь мраки ночи низойдушъ,
 И сномъ глубокимъ до денницы
 Ошяжелѣлая зеницы
 Твои домашніе сомкнушь,
 Приду я къ шихому приюшу
 Моей любезной: о, покинь

Дѣвичій страхъ и на минути
 Затвори досадный оподвину!
 Прильну въ безмолвнiи печальномъ
 Къ своимъ устамъ, о жизнь моя,
 И въ лобызанiи прощальномъ
 Тебѣ оставлю душу я.

Прискорбно дѣва поглядѣла
 На обольщившаго; не смѣла
 Сама не зная почему
 Она довѣршьяся ему:
 Бѣдою что-то ей грозило;
 Какой-то страхъ въ нее проникъ;
 Ей смущено сердце говорило,
 Что не былъ просишь его языкъ.
 Святая книга, какъ сначала,
 Еще лежавшая предъ ней,
 Ей долгъ ея напоминала.
 Ко груди шепетливой своей
 Прижавъ ее, «нѣтъ, нѣтъ», сказала,
 Зачѣмъ со злобою шакой
 Играешь моею простотой?
 Или мало было прегрѣшеній?

Еще-ль, еще-ль охотный слухъ
 Склоню на голосъ искушеній ?
 Оставь меня, лукавый духъ!
 Оставь , безъ новыхъ угрызений. »

Но вправду врагъ ему едва-ль
 Не помогаль : съ такою силой
 Излиль онъ ропоть свой , печаль
 Сшоль горько выразиль , что жаль
 Гусара спало дѣвѣ милой :
 И слезы падали у ней
 Въ шяжелыхъ капляхъ изъ очей.
 И въ то же время то моленья ,
 То пѣни распочаль хипрець.
 Что медлишь ? Дороги мгновенья !
 Къ ней присшупиль онъ наконецъ :
 Дай слово ! Всеѣ душой поскуя ,
 « Какое слово дашь могу я ,
 Сказала, сжался надо мной !
 Владѣю-ль я сама собой !
 И что я знаю ! » Пылко, живо
 Туть къ сердцу онъ ее прижалъ.
 Я буду , жди меня , сказалъ ,
 Сказалъ и скрылся шоропливо.

Уже и холмы и поля
 Покрышы мраками густыми.
 Смиранный ужинь раздѣля
 Съ неприхотливыми родными ,
 Вошла дѣвица въ уголь свой ;
 На дверь задумчиво взглянула :
 Повѣрь , опасень гость ночной ,
 Ей совѣсть робкая шепнула ,
 И дверь ея заложена.
 Въ бумажки мягкія она
 Злашые кудри завернула ,
 Сняшь поспѣшила какъ нибудь
 Дня одѣянiя неловки ,
 Тяжелодышущую грудь
 Освободила ошь шнуровки ,
 Легла и думала заснуть.
 Ужь поздно, полночь, но рѣсницы
 Сонь не смыкаешъ у дѣвицы :
 « Сшучашься будешъ онъ шеперь.
 Зачѣмъ задвинула я дверь ?
 Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
 Пущу его : вѣдь мигъ со мной
 Пробудешъ здѣсь любезный мой ,
 Пошомъ навѣкъ уйдешъ ошселѣ. »

Такъ мнишь ужь дѣвица и вошь
 Съ одра шихохонько встаёшь ,
 Ко двери съ препенемъ подходишь ,
 И вошь задвижки роковой
 Уже касается рукой ;
 Вошь руку медленно опводишь ,
 Вошь приближаетъ руку внозь ;
 Желѣзо двинулось : вся кровь
 Застыла въ дѣвущкѣ несчастной ,
 И сердце сжала ей шоска.
 Тогда же чуждая рука
 Дверь пошанинула : другъ прекрасной ,
 Не бойся , Эда , это я !
 И ошь смяшенья духъ шая ,
 Полна невѣдомаго жара ,
 Дѣвица бѣдная моя
 Уже въ объятіяхъ гусара .

Увы ! доспалась въ эту ночь
 Ему желанная побѣда :
 Чувствъ упоенныхъ превозмочь
 Ты не могла , бѣдняжка Эда !
 Заря багрянитъ сводъ небесъ .
 Воспоргъ обманчивый исчезъ ;

Съ нимъ улетѣль и призракъ счастья ;
 Открылась бездна нищеты :
 Слезами скорби плашишь ты
 Уже за слезы сладоспирасья !
 Спыдаясь пылающаго дня ,
 На краѣ ложа роковаго
 Сидишь ты, голову склоня.
 Взляни на друга молодаго !
 Внимай ему : нѣшь, нѣшь, съ шобой
 Онъ не снесетъ разлуки злой ;
 Тебѣ всѣ дни его и ночи ;
 Отецъ его не усрашишь :
 Онъ подозрѣнья усыпишь ,
 Обманешь бдишельныя очи ;
 Твой будешь онъ , покуда живъ. . . .
 Напрасно все ; она не внемлетъ ,
 Очей на друга не подъемлетъ ,
 Уста безмолвныя раскрывъ ,
 Пошупя въ землю взоръ незрящій ;
 Ей шо же друга разговоръ ,
 Что вѣшь безмысленно свлстящій
 Среди ущелинь Финскихъ горъ.

Не долго , дѣва красоты ,
Преданная чуждалась ты ,
Томяся грустью безотрадной !
Ты уступила сердцу вновь :
Простила нѣжная любовь
Любви коварной и нещадной .

Идешь поспѣшно день за днемъ .
Гусару дѣва молодая
Уже покоряешься во всемъ .
За нимъ она , какъ лань ручная ,
Повсюду ходишь . То чешой
Пріемлешь ихъ въ полдневный зной
Гусая сънь дубровы сонной ,
То заवेशь дремучій боръ ,

То приглашаютъ грошы горь
 Въ свой сумракъ нѣги благосклонной ;
 Но чаще сходяшся они
 Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ.
 Въ густой рябиновой стѣни
 Надъ быспро лющимся попокомъ
 Они сядяшся на праву. .
 Порой любовникъ въ томной лѣни
 Послушной дѣвѣ на колѣни
 Кладешъ безпечную главу
 И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Духъ пришаивъ , она внимаетъ
 Дыханью друга своего ;
 Древесной вѣшкой ошвѣваетъ
 Докучныхъ мошекъ ошъ него ;
 Его волнистыми власами
 Играешъ дѣшскими персами.
 Когда-жь подымешся луна
 И дикій край подь ней задремлетъ ,
 Въ пріюшъ укромный свой она
 Къ себѣ на одръ его пріемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
 Томишся шайною шоскою.

Разъ обыкновеню порою
 У водъ любимаго ручья
 Они сидѣли молчаливо.
 Любовникъ въ шихомъ забышья
 Глядѣлъ на свѣшлыя струи,
 Предъ нимъ бѣгущія игриво.
 Дорогой сорванный цвѣшокъ
 Онъ какъ-то бросилъ въ быспрый токъ.
 Вздохнула дѣва молодая;
 На друга голову склоня,
 « Такъ, прошепшала, и меня
 Мигъ полелѣя, полаская,
 Такъ на погибель бросишь ты ! »
 Уста незлобной красоны
 Улыбкой милой улынулись,
 Но скорбь взяла-таки свое:
 И на рѣсницахъ у нее
 Невольно слезы навернулись.
 Она косынкою своей
 Ихъ ошерла, и веселѣй
 Глядѣшь спараяся на друга:
 « Прости ! Безумная шоска !
 Сегодня жизнь моя сладка,
 Сегодня я швоя подруга,

И завтра будешь ты со мной ,
 И день еще , и , спашься можешь ,
 Я до разлуки роковой
 Не доживу , Господь поможешь ! »

Невинной нѣжностью не разъ
 Она любовника смущала ,
 И сожалѣнье въ немъ подь часъ
 И угрызенье пробуждала ;
 Но чаще , чаще онъ скучалъ
 Ея любовію посклпвой
 И мигъ разлуки призывалъ
 Ужь какъ свободы мигъ счастливой.
 Не щедно !

Буйный Шведъ опять

Не соблюдаешь договоровъ :
 Вновь хочешь съ Рускимъ испытать
 Неравный жребій брашныхъ споровъ.
 Ужь переходяшь за Кюмень
 Передовыя ополченья :
 Война , война ! Грядущій день
 День роковаго разлученья.

Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.
 Мертва лицомъ , мертва душой ,
 На суету походныхъ сборовъ .
 Глядишь она : всему конецъ !
 На ней встревоженный хипрець
 Остановишь не смѣешь взоровъ.
 Сгущилась ночь. Въ глубокой сонъ
 Все погрузилося. Унылой
 Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой.
 Ей ушѣшенья шепчетъ онъ ,
 Ее лобзаетъ онъ напрасно.
 Внимаетъ , чувства лишена ;
 Даетъ лобзашъ себя она ,
 Но безошвѣшно , безучастно !
 Мечшанья всѣ бѣжали прочь.
 Они поминшельную ночь
 Въ безмолвной горести проводяшь.
 Ужь въ пушь зовешъ сіянье дня ,
 Уже решиваго коня
 Младому воину подводяшь ,
 Ужь онъ садишся. У дверей
 Пустынной хижины своей
 Она стоишь , мушна очами.
 Дѣвица бѣдная , проси !

Ужь по далекому пуши
 Онъ поскакаль. Ужь за холмами
 Не видѣнь онъ швоимъ очамъ. . . .
 Согнувъ колѣна , къ небесамъ
 Она сперва воздѣла рукп ,
 За нимъ простерла ихъ попомъ
 И въ прахъ поверглася лицомъ
 Съ глухимъ шпенаньемъ смершной муки.

Сковаль пошоки зимній хладъ ,
 И надъ шремнинами своими
 Съ гранишныхъ горъ уже висяшь
 Они горами ледяными.
 Изъ-подъ одежды снѣговой
 Кой-гдѣ вставая головами ,
 Скалы чертѣюшь за скалами.
 Во мглѣ волнистой и сѣдой
 Исчезло небо. Зашумѣли ,
 Завыли зимнія мяшелп.
 Чшо съ бѣдной дѣвицей моей ?
 Пошухъ огонь ея очей ;
 Въ ней Эды прежней нѣшь и пѣня ;
 Изнемогаешь въ цвѣшѣ дней :
 Но чужды слезы ей и пѣни.

Какъ небо зимнее блѣдна ,
 Въ молчаньи грусти безнадежной
 Сидишь недвижно у окна.
 Сидишь , п бури вой мяшежной
 Уныло слушаешь она ,
 Мечшая : « нѣшь со мною друга ;
 Ты мнѣ посыль , печальный свѣтъ !
 Конца дождусь ли я , или нѣшь ?
 Когда , когда смешешь ты , выюга ,
 Съ лица земли мой легкой слѣдъ ?
 Когда , когда на сонъ глубокий
 Мнѣ дасшь могила свой приюшь ,
 И на нее сугробъ высокій
 Бушуйя вѣтры нанесушь ? »

Кладбище ешь . Тѣснясь тамъ
 Къ холмамъ холмы , кресты къ крестамъ
 Однообразные для взгляда ;
 Ихъ (межъ кустами чухъ видна ,
 Изъ круглыхъ камней сложена)
 Обходишь низкая ограда .
 Лежишь уже давно за ней
 Могила дѣвицы моей .

И кто теперь ее опыщеть ,
Кто съ нѣжной грустью навѣспитъ ?
Кругомъ все пусто , все молчитъ ;
Порою только вѣтеръ свищеть
И можжевельникъ шевелитъ.

П И Р Ы.

Друзья мои ! я видѣлъ свѣтъ ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ :
Душа полна была суеть
И долго плылъ я общимъ шокомъ
Безумству долгъ мой заплачонъ ,
Мнѣ что-то взоры прояснило ;
Но , какъ премудрый Соломонъ ,
Я не скажу : все въ мѣрѣ сонъ !
Не все мнѣ въ мѣрѣ измѣнило :
Бывалъ обманушь сердцемъ я ,
Бывалъ обманушь я разсудкомъ ;
Но никогда еще , друзья ,
Обманушь не былъ я желудкомъ .

Признайся каждый долженъ въ томъ ,
Любовникъ , или поэтъ , или воинъ :

Лишь беззаботный гастрономъ
 Названья мудраго достоинъ.
 Хвала и честь его уму!
 Дарами нужными ему
 Земля усѣяна роскошно.
 Пускай герою моему,
 Пускай, друзья, порою пошню,
 Зато не грустно: горя чуждъ
 Среди веселоспей всеневныхъ,
 Не знаешь онъ душевныхъ нуждъ,
 Не знаешь онъ и мукъ душевныхъ.

Трудясь надъ смѣсью рѣчъ и словъ,
 Поэты наши чужь не плачущъ;
 Своихъ почтительныхъ рабовъ
 Порой красавицы дурачущъ;
 Иной храбрець, въ опцовскій домъ
 Являсь уродомъ съ поля славы,
 Подозрѣвалъ себя глупцомъ:
 О богъ спола, о добрый Комъ,
 Въ твоихъ ушѣхахъ нѣтъ ошравы!
 Прекрасноiproю своей
 Добился памяти людей;
 Служишь любви еще прекраснѣй,

Пріятно драшься ; но ей ей .
Друзья , обѣдашь безопаснѣй !

Какъ не любить родной Москвы !
Но въ ней не градъ первопрешольной ,
Не золоченыя главы ,
Не гуль пошѣхи колокольной ,
Не спешни вѣспницы-молвы
Мой умъ плѣнили своевольной .
Я въ ней люблю весельчаковъ ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ ,
Богашой знаши хлѣбосольство
И дарованья поваровъ .
Тамъ прямо веселы бесѣды ;
Вполнѣ уважень хлѣбосоль ;
Вполнѣ шоржешвенны обѣды ;
Вполнѣ богашь и лакомъ споль .
Ужь онъ накрышь , ужь онъ рядами
Несчешныхъ блюдь ошягощенъ
И беззабошными госшями
Сь благоговѣньемъ окружень .
Еще не сѣли ; все въ молчаньи :
И каждый гощь вблизи спола

Съ веселой ясностью чела
 Сшопшь въ роскошномъ ожиданьи,
 И сквозь прозрачный, легкій парь
 Сіяюшь лакомья блюда,
 Злашихъ плодовъ, десерша груды....
 Зачѣмъ удѣлъ мой слабый дарь!
 Но шакъ весной ряды кургановъ
 При пробужденныхъ небесахъ
 Сіяюшь въ пурпурныхъ лучахъ
 Подъ дымомъ ушренныхъ шумановъ.
 Садяшся госши. Графъ и князь,
 Въ заспольномъ дѣлѣ всѣ удалы,
 И осушаюшь не лѣнясь
 Свои широкіе бокалы:
 Они веселье въ сердце лющъ,
 Они смягчаюшь злые толки;
 Друзья мои, гдѣ госши пющъ,
 Тамъ рѣчи вздорны, но не колки.
 И начался чудеса:
 Смѣшались быспро голоса;
 Собранье глухо зашумѣло;
 Своихъ собакъ, своихъ друзей,
 Пѣвцовъ, героевъ хваляшь смѣло;
 Вино разнѣжило гостей

И даже умъ ихъ разогрѣло.
 Туть все поржесшвенно всшасшь ,
 И каждый гощь, какъ мужъ полковой,
 Узнашь въ гощиную идешь ,
 Чему смѣлся онъ въ споловой.

Межь шѣмъ однимъ ли богачамъ
 Досшупны праздничныя чаши ?
 Не мудрены пирушки наши ,
 Но не устунишь ихъ пирамъ.
 Въ углу безвѣстномъ Петрограда,
 Въ шѣни дровесь , во мракѣ сада ,
 Тощь домикъ помнише-ль , друзья ,
 Гдѣ наша вѣрная семья ,
 Оставя скуку за порогомъ ,
 Соединялась въ шумный кругъ
 И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
 Дѣлала радосшный досугъ ?
 Вино ллось , вино сверкало ;
 Сверкали блесшки острыхъ словъ ,
 И вѣки сердце проживало
 Въ немного пламенныхъ часовъ.
 Сшоль покрывала шкань просшая ;
 Не восхищались на немъ

Мы ни фарфорами Кипая ,
 Ни драгоценнымъ хрушталемъ :
 И между пѣмъ сынамъ веселья
 Въ стекло простое богъ похмѣля
 Лилъ черезъ край , друзья мои ,
 Свое любимое Ап.
 Его звѣздящаяся влага
 Не даромъ взоры веселишь :
 Въ ней укрывается ошвага ,
 Какъ спрасть, какъ мысль она кипишь ;
 Въ игрѣ своей не шерпишь пѣна,
 Рвешь пробку рѣзвою волной ,
 И брызжешь радосная пѣна ,
 Подобье жизни молодой.
 Мы въ ней забошы пошопляли
 И средь воспорженныхъ зашѣй
 Пѣвцы ширують , восклицали :
 Слѣная чернь благоговѣй !

Любви слѣпой , любви безумной
 Тоску въ душѣ моей шая ,
 Наслау , милые друзья ,
 Дѣлишь воспоргъ бесѣды шумной
 Тогда осмѣливался я .

Чшо пошакать мечтѣ унылой ,
 Кричали вы , смѣлѣ пей !
 Развеселись , шоварщъ милой ,
 Для насъ живи , забудь о ней !
 Вздохнувъ , разсѣяннo послушной ,
 Я пилъ съ улыбкой равнодушной ;
 Свѣшлѣла мрачная мечта ,
 Толпой скрывалися печали ,
 И задрожавшія уста ,
 Богъ съ ней , невняшно лепетали .

И гдѣ-жъ измѣнница-любовь !
 Ахъ , въ ней и грусть очарованье !
 Я испышашъ желалъ бы вновь
 Ея знакомое спрдаанье !
 И гдѣ-жъ вы , рѣзвые друзья ,
 Вы , кѣмъ жила душа моя !
 Разлучены судьбою шпрогой :
 И каждый съ ропшомъ вздохнулъ
 И бращу руку прощянулъ
 И вдаль побрелъ своей дорогой ;
 И каждый въ гореспи нѣмой ,
 Бышь можешъ , праздною мечшой
 Теперь бывое пролешаешъ ,

Или за шрапезой чужой
Свои пиры воспоминаешь.

О если-бъ , теплою мольбой
Обезоруживъ гнѣвъ судьбины ,
Перенесшись ошъ скаль чужбины
Мнѣ можно было въ край родной !
(Мечшашъ позволено Поэту).

У водъ домашняго ручья
Друзей , разбросанныхъ по свѣшу ,
Соединилъ бы снова я .
Дубравой шемной остиненной ,
Родный ошцамъ моихъ ошцовъ ,
Мой домъ , свидѣшель двухъ вѣковъ ,
Поникнулъ кровлею смрпенной .
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами спучали ,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали
Мы , шѣже сердцемъ въ вѣкъ иной ,
Сберемшесь дружеской полной
Подъ мирный кровь домашней сѣни :
Ты , вѣрный мнѣ , пы , Д гь мой ,
Мой брапъ по музамъ и по лѣни ,

Ты, П нъ нашъ , кому дано
 Пѣшь и героевъ и вино
 И спрасши молодости пылкой
 Дано съ проказливомъ умомъ
 Бышь сердца вѣрнымъ знакокомъ ,
 И лучшимъ гостемъ за бушылкой.
 Вы всѣ , дѣлившіе со мной
 И наслажденья и мечпанья ,
 О , поспѣшите въ домикъ мой
 На сладкій пиръ , на пиръ свиданья !

Слѣпой владычицей суешь
 Отъ колыбели позабышій ,
 Чѣмъ угостишь анахоретъ ,
 Въ смртенной хижинѣ укрышій ?
 Его пустынничій обѣдъ
 Не будешь лакомый , по сышій.
 Вселый будешь ли , друзья ?
 Со дня разлуки , знаю я ,
 И дни и годы пролетѣли ,
 И разгадашь у бытія
 Мы много шайнаго успѣли :
 Чшо ни ласкало вспарину ,
 Чшо прежде сердцемъ ни владѣло ,

Подобно упренному сну,
 Все измѣнило, улещѣло!
 Увы! на память намъ придуть
 Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
 Чшо на Парнасъ берегуть
 Преданья молодости нашей:
 Собранье пламенныхъ замѣшь
 Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
 Плоды счастливаго забвенья,
 Гдѣ воплотишь умѣлъ поэтъ
 Свои живыя сновидѣнья. . . .
 Не обрѣси замѣны имъ!
 Чему же вѣру мы дадимъ?
 Пирамъ! Въ безжизненные лѣтъ
 Душа ошпылая согрѣтъ
 Ихъ ушѣшеніемъ живымъ.
 Пускай на вѣкъ изчезла младость,
 Пируйте, други: спужомъ чашъ
 Авось приманенная радость
 Еще заглянешь въ уголь нашъ.

Б А Л Ъ.

Глухая полночь. Спроемъ длиннымъ ,
Осеребренныя луной ,
Сстояшь кареты на Тверской
Предъ домомъ пышнымъ и стариннымъ.
Пылаешь тысячью огней
Обширный залъ ; съ высокихъ хоровъ
Ревушь смычки : полна гостей ;
Гуль шанца съ гуломъ разговоровъ.
Въ роскошныхъ перьяхъ и цвѣтахъ ,
Съ улыбкой мершвой на устахъ ,
Обыкновенной рамой бала ,
Старушки свѣтскія сядяшь
И на блестящій вихорь зала
Съ шупымъ вниманіемъ глядяшь .

Кружашся дамы молодя ,
 Не чувствуюшь себя самихъ :
 Драгими камнями у нихъ
 Горяшъ уборы головные ;
 По ихъ плечамъ полунагимъ
 Злапыя локоны лешають ;
 Одежды легкія , какъ дымъ ,
 Ихъ легкій спанъ обозначають .
 Вокругъ пѣнишельныхъ харишъ
 И суешишся и кпшишъ
 Толпа поклонниковъ ревнивыхъ ;
 Толкуешъ , ловишъ каждый взглядъ :
 Шушя , несчастныхъ и счастливыхъ
 Вершущи милья шворяшъ .

Въ движеніи все. Горя добитьсѣ
 Вниманья лесшнаго красы ,
 Гусаръ крушишъ свои усы ,
 Писатель чопорно оспришся
 И оба правы : говоряшъ ,
 Что въ шоже время можно дамамъ ,
 Мѣняя съ лѣва взглядъ на взглядъ ,
 Смѣяшся съ права эпиграммамъ .

Межь тѣмъ и въ лешахъ и въ звѣздахъ ,
 Порою , съ каршамп въ рукахъ ,
 Выходяшъ важные бояры ,
 Вславъ пзъ-за ломберныхъ столовъ ,
 Взглянушъ на мчащіяся пары
 Подъ гуль порывисшый смычковъ.

Но госпи глухо зашумѣли ,
 Вся зала шопшомъ полна :
 « Домой уѣхала она !
 Вдругъ сшало дурно ей. » Ужели ?
 — Въ кадрили весело вершась ,
 Вдругъ помершвѣла ! — Чшо причиной ?
 Ахъ , Боже мой ! Скажише , князь ,
 Скажише , чшо съ княгиней Ниной
 Женою вашею ? — Богъ вѣсшъ ,
 Мигрень конечно ! . . . въ сюрсахъ шесшъ.
 — Чшо съ ней , кузина ? шанцовали
 Вы въ ближней парѣ , видѣлъ я ? —
 « Въ кругу присшойномъ не всегда ли
 Она какъ будшо не своя ? »

Злословье правду говорило.

Въ Москвѣ межъ умницъ и межъ дуръ ,

Моей княгини́ черезъ чуръ
 Слышь Пенелопой шрудно было.
 Презрѣнья къ мнѣнію полна ,
 Надъ добродѣшelio женской
 Не насмѣхается-ль она,
 Какъ надъ ужимкой деревенской ?
 Кого въ свой домъ она манишь :
 Не записныхъ ли волокишь ,
 Не новичковъ ли мпловидныхъ ?
 Не упомянь ли слухъ людей
 Молвой побѣдъ ея безспыдныхъ
 И соблазнишельныхъ связей ?

Но какъ влекла къ себѣ всесильно
 Ея живая красота ?
 Чьи непорочныя уста
 Такъ улыбалися умильно !
 Какая бы Людмила ей
 Смирясь, лучей благочестивыхъ
 Своихъ лазоревыхъ очей
 И свѣжести ланишь спыдливыхъ ,
 Не ошдала бы сей же часъ
 За яркій глянecъ черныхъ глазъ ,

Облитыхъ влагой сладострастной ,
 За пламя жаркое ланишь ?
 Какая , феѣ самовластной ,
 Не уступила-бъ изъ харинь ?

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
 Была плѣнительна она !
 Какъ угодительно-нѣжна !
 Какая ласковость во взорахъ
 У ней сіяла ! Но порой
 Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя ,
 Какъ зла въ словахъ , спрашна собой ,
 Являлась новая Медея !
 Какія слезы изъ очей
 Пошомъ каплялися у ней !
 Терзая душу , проливали
 Въ нее шомленье слезы шѣ :
 Кшо-бъ не ошеръ ихъ у печали ,
 Кшо-бъ не осшавиль красощъ ?

Страшись прелестницы опасной ,
 Не подходи : обведена
 Волшебнымъ очеркомъ она ;
 Кругомъ ея заразы страстной

Исполненъ воздухъ ! Жалокъ шотъ ,
 Кто въ сладкій чадъ его вступаешь :
 Ладью пловца водоворошь
 Такъ на погибель увлекаешь !
 Бѣги ея : нѣшь сердца въ ней !
 Спрашися вкрадчивыхъ рѣчей
 Одурѣвающей приманки ;
 Влюбленныхъ взглядовъ не лови :
 Въ ней жаръ упившейся Вакханки ,
 Горячки жаръ — не жаръ любви .

Такъ , не сочувствія прямаго
 Могущесшвомъ увлечена ,
 На грудь роскошную , она
 Звала счастливаца молодого :
 Онъ пересозданъ былъ на мигъ
 Ея живымъ воображеньемъ ;
 Ей своенравный зрѣлся ликъ ,
 Она ласкала съ упоеньемъ
 Одно видѣнїе свое .
 И гасла вдругъ мечта ея :
 Она вдалась въ обманъ досадный ,
 Ея прельстишель ей смѣшонъ ,

И средь толпы, Лансъ холодной
Ужь не примѣнешь будешь оны.

Въ часы шумительные ночи,
Ушѣхъ естественныхъ чужда,
Такъ чародѣйка иногда
Себѣ волшебствомъ шѣшшь очи:
Надъ ней слышась изъ облаковъ
Велколѣпные чертоги;
Она на тронѣ изъ цвѣшовъ,
Ей угождаютъ полу-боги:
На мигъ одинъ восхищена
Живымъ видѣнiемъ она;
Но въ умъ приходишь съ изумленьемъ,
Смѣется сердца забышью
И съ шмой сливается мановеньемъ
Мечпу блестящую свою.

Чей образъ кисть нарисовала!
Увы! шѣ дни ужь далеко,
Когда княгиня шакъ легко
Возпламенялась, ошывала!
Когда питомицѣ прямой
И Эпикура и Ниноны,

Лешучей прихоши одной
 Ей были вѣдомы законы!
 Посланикъ рока ей предсхаль,
 Смущенный взоръ очароваль,
 Поработилъ воображенье,
 Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
 И пролилъ спрасшное мученье
 Въ глухую сердца глубинну.

Красой изнѣженной Арсеній
 Не привлекалъ къ себѣ очей:
 Слѣды мучительныхъ страсшей,
 Слѣды печальныхъ размышленій
 Носилъ онъ на челѣ: въ очахъ
 Безпечность мрачная дышала,
 И не улыбка на устахъ,
 Усмѣшка праздная блуждала.
 Онъ не задолго посѣщаль
 Края чужіе; шамъ искалъ,
 Какъ слышно было, развлеченья,
 И снова родину узрѣлъ;
 Но видно, сердцу изцѣленья
 Дать не возмогъ чужой предѣлъ.

Предсталъ онъ въ домъ моей Лапсы,
 И остряковъ задорный полкъ
 Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ —
 Главой поникли Адонисы.
 Онъ въ разговорѣ поражалъ
 Людей и свѣша знаьемъ рѣдкимъ,
 Глубоко въ сердце проникалъ
 Лукавой шушкой, словомъ ѣдкимъ,
 Судилъ разборчиво пѣвца,
 Зналъ цѣну киспи и рѣзца,
 И сколько ни былъ хладно-сжаемымъ
 Привычный складъ его рѣчей,
 Казался чувстввами богатымъ
 Онъ въ глубинѣ души своей.

Неодолимо какъ судьбина,
 Не знаю что, въ игрѣ лица,
 Въ движеніи каждомъ прищелца,
 Къ нему влекло тебя, о Нина!
 Съ него ты не сводила глазъ....
 Онъ былъ учпивъ, но хладенъ съ нею,
 Ее смущалъ онъ много разъ
 Улыбкой опытной своею;

Но, жрица давняя любви ,
 Она-ль не знала , какъ въ крови
 Родить мяшежное волненье ,
 Какъ въ чувства дикій жаръ вдохнуть....
 И всемогущее мгновенье
 Его повергло къ ней на грудь.

Мои любовники дышали
 Согласномъ счастьемъ два , при дни ;
 Чрезъ день , другой потомъ , они
 Несходство въ чувствахъ показали.
 Забвенья страстного полна ,
 Полна блаженства жизни новой ,
 Свободно , радостно , она
 Къ нему ласкалась ; но суровой,
 Унылой часто зрѣлся онъ :
 Предъ нимъ лепалъ мяшежный сонъ ;
 Всегда разсѣянный, судьбину,
 Казалось , въ чемъ-то онъ винилъ ,
 И прижимая къ сердцу Ницу ,
 Ошь Нины сердце онъ шайлъ.

Неблагодарный ! Имъ у Нины
 Всѣ мысли были заняты :

Его любимыя цвѣты,
 Его любимыя каршины
 У ней являлися. Не разъ
 Блискали новыя уборы
 Въ ея покояхъ, чшобъ на часъ
 Ему прельстивъ, пошѣшивъ взоры.
 Быль вшайнѣ убранѣ кабинешъ,
 Гдѣ сладострастный полу-свѣшъ,
 Богинь роскошныхъ изваянья,
 Куреній сладкихъ легкій паръ,
 Живошворило всё желанья,
 Вливало въ сердце шомный жаръ.

Вотще! Онъ преданъ былъ печали.
 Однажды (до того дошло)
 У Нины вспыхнуло чело
 И очи ярко заблнслали.
 Страстей прошивныхъ бѣглый споръ
 Лице явило. « Чшо съ тобою, »
 Она сказала: « чшо швой взоръ
 Все полнонь мрачною тоскою?
 Досаду давнюю мою
 Я болѣ въ сердце не шаю:

Печаль съ побою неразлучна ;
 Сшыжусь , но ясно вижу я :
 Тебѣ пѣжка , шебѣ докучна
 Любовь безумная моя !

« Скажи , за что швое презрѣнье ?
 Скажи , въ сердечной глубинѣ
 Ты не чувствившелешь ко мнѣ ,
 Иль недовѣрчивъ ? Подозрѣнье
 Я заслужила . Сшаршны
 Мнѣ шяжело воспомнанье :
 Тогда всечасшной новизны
 Алкало у меня мечтанье ;
 Одинъ кумиръ на долгій срокъ
 Поработишь его не могъ ;
 Любовь сегодняшняя , шрудно
 Жила до завшрашняго дня :
 Мнѣ ввѣришь сердце безразсудно ;
 Ты правъ , но выслушай меня .

« Бѣги со мной : земля велика !
 Чужбина скроешь насъ легко ,
 И тамъ безвѣшно , далеко ,
 Ты будешь полный мой владыка .

Ты мнѣ Италію порой
 Хвалишь съ блестящимъ увлеченьемъ;
 Страну любимую тобой
 Узнала я воображеньемъ:
 Тамъ солнце пышно, шамъ луна
 Восходишь сладости полна;
 Тамъ вьются лозы винограда,
 Шумяшь лавровые лѣса:
 Туда, шуда! съ тобой я рада
 Забышь родныя небеса.

«Бѣги со мной! Ты безопѣшенъ!
 Опѣшешъ, жребій мой рѣши:
 Пль нѣтъ! за чѣмъ? Твоей души
 Упорный холодъ мнѣ примѣшенъ:
 Молчи же! не нуждаюсь я
 Въ словахъ обманчивыхъ — довольно!
 Любовь несчастная моя
 Мнѣ свыше казнь... но больно, больно!...»
 И зарыдала. Возмушонъ
 Ея поской: «безумный сонъ
 Тебя увлекъ,» сказалъ Арсеній:
 «Невольный мракъ души моей —

Сладъ прежнихъ, жалкихъ заблужденій
 И прежнихъ гибельныхъ спрасшей.

« Его со временемъ разсѣешь
 Твоя волшебная любовь :
 Нѣшь, не превожся, если вновь
 Тобой сомнѣнье овладѣеть !
 Моей печали не вни. »
 День послѣ, мирною чешою
 Сидѣли на софѣ они.
 Княгиня шомною рукою
 Обняла друга своего
 И прилегла къ плечу его.
 На ближній сполникъ, въ думѣ скрышной
 Облокошась, Арсеній нашъ
 Межъ шѣмъ по каршочкѣ визитной
 Водилъ небрежный карандашъ.

Давно былъ вечеръ. Съ легкимъ прескомъ
 Горѣли свѣчи на сполѣ,
 Кумировъ мраморъ, въ дальней мглѣ
 Кой-гдѣ блискала невѣрнымъ блескомъ.
 Молчалъ Арсеній, Нина шожъ :
 Вдругъ шайнымъ чувствомъ увлеченный,

Онъ восклицаетъ : « Какъ похожь ! »
 Проснулась Нина. « Другъ безцѣнный ,
 Похожь ! Уже ли ? мой поршрешъ !
 Взглянушь позволъ чтожь это ? Нѣшь !
 Не мой : жеманная дѣвчонка
 Со сладкой глупостью въ глазахъ ,
 Въ кудряхъ мохнашыхъ , какъ болонка ,
 Съ улыбкой сонной на устахъ ! »

« Скажу , красавица шакая
 Меня зашмила бы совсѣмъ »
 Лице княгини между шѣмъ
 Покрыла блѣдность гробовая.
 Ея дыхаанье опошло ,
 Уша засшыли , посниѣли ;
 Увлажилъ хладный потъ чело ,
 Непомершвѣлые блесѣли
 Глаза одни. Вѣщашъ хошѣлъ
 Языкъ мяшежный , но косиѣлъ :
 Слова сливались въ лепешанье ;
 Мгновенье долгое прошло
 И наконецъ ея сшраданье
 Свободный голосъ обрѣло.

« Арсеній , вѣдишь , я мершвѣю ;
 Арсеній , дашь ли мнѣ опвѣшь !
 Знакомъ шы съ ревностію?... Нѣшь!...
 Такъ вѣдай , я знакома съ нею ,
 Я къ ней способна ! Вспарину ,
 Межь многихъ рѣдкосей воспока ,
 Себѣ я выбрала одну....
 Вошь персень.... съ нимъ я выше рока !
 Арсеній ! мнѣ въ зацщпу данъ
 Могучій эшошь палисманъ ;
 Знай , никакое злоключенье
 Меня при немъ не успрашишь .
 Въ глазахъ швоихъ недоумѣнье ,
 Дивишься шы ! Онъ ядь шаишь. »

У Нины руку взялъ Арсеній ;
 « Спокойна совѣсь у меня , »
 Сказаль , « но дожилъ я до дня
 Тяжелыхъ сердцу опкровеній .
 Внимай же мнѣ . Съ чего начну ?
 Не предавайся гнѣву , Нина !
 Другой дышаль я вспарину ,
 Хошѣла шо сама судьбина .

Росли мы вмѣстѣ. Какъ мила
 Малюшка Олпнька была !
 Ее мгновеньями пными
 Еще я вижу предъ собой,
 Съ очами шемно-голубыми ,
 Съ шемно-кудрявой головой.

« Я называль ее сеспрою ,
 Съ ней игры дѣшсшва я дѣлилъ ;
 Но годъ за годомъ уходилъ
 Обыкновенной чередою.
 Исчезло дѣшсство. Пришекли
 Дни непоняшнаго волненья
 И другъ на друга возвели
 Мы взоры полные шомленья.
 Обманчивъ разговоръ очей.
 И руку Олпньки моей
 Сжимаю робкою рукою ,
 Скажи , шепшалъ я пногда ,
 Скажи , любимъ ли я шобою ?
 И слышалъ сладостное да.

« Въ шасшпливый домъ , себѣ на горе ,
 Тогда я друга ввелъ. Лицомъ

Онъ былъ пріяшень , живъ умомъ ;
 Обворожилъ онъ Ольгу вскорѣ.
 Всегда вспрѣчались взоры ихъ ,
 Всегда велся межъ ними шопошъ .
 Я мукъ язвительныхъ моихъ
 Не снесъ : излилъ ревнивый ропошъ .
 Какой же ждалъ меня успѣхъ ?
 Миѣ былъ ошвѣшомъ дѣшскій смѣхъ !
 Ее покпнулъ я съ презрѣньемъ ,
 Всю боль души въ душѣ пая .
 Сказаль просши всему ; но мщеньемъ
 Сопернику поклялся я .

« Всечасно , колкими словами
 Скучаль я , досаждалъ ему ,
 И по желанью моему
 Вскипѣла ссора между нами :
 Спрѣлялись мы . Въ крови упавъ ,
 На вѣкъ я думаль мѣрь оставишь ;
 Съ одра возспаль я шѣломъ здравъ ,
 Но сердцемъ боленъ . Чшо прибавишь ?
 Бѣжалъ я въ дальніе края :
 Увы ! подъ чуждымъ небомъ я

Томплася шою же шоскою.
 Родимый край узрѣвъ опяшь,
 Я шолько съ милою шобою
 Душою началъ оживашь.»

Умолкъ. Безмысленно глядѣла
 Она на друга своего,
 Какъ будшо повѣсни его
 Еще вполнѣ не разумѣла;
 Но ошь руки его пошомъ
 Освободивъ шихонько руку,
 Вдругъ содрогнулася лицомъ
 И все въ немъ выразило муку,
 И обезсиленна, шомна,
 Главой поникнула она.
 « Чшо, чшо съ шобою, другъ безцѣнный!»
 Вскричала Арсеній. Слухъ его
 Внялъ шолько вздохъ полусѣсенный.
 « Другъ милый, чшо шы?» — « Ничего.»

Еще на крыльяхъ шоропливыхъ
 Промчалось нѣсколько недѣль
 Въ размолвкахъ бурныхъ, какъ досель
 И въ примиреньяхъ несчастливыхъ.

Но что же, что же напоследъ ?
 Сегодня друга нѣтъ у Нины,
 И завтра, послѣ завтра нѣтъ !
 Напрасно полная кручины
 Она съ дверей не сводишь глазъ
 И мнишь : онъ будетъ черезъ часъ.
 Онъ позабылъ о Нинѣ страшнѣйшій ;
 Онъ не вошелъ, вошелъ слуга,
 Письмо ей подалъ.... мигъ ужасный !
 Сомнѣнья нѣтъ : его рука !

« Что медлишь, » къ ней писалъ Арсеній,
 « Открыться должно.... небо ! въ чемъ ?
 Едва владѣю я перомъ,
 Пищу напрасно выраженій.
 О Нина ! Ольгу встрѣшилъ я ;
 Она понынѣ дышетъ мною
 И ревность прежняя моя
 Была неправой и смѣшною.
 Удѣлъ рѣшенъ. По старинѣ
 Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
 Проси ! швое воспоминанье
 Я сохраню до позднихъ дней :

Въ немъ понесу я наказанье
Ошибокъ юности моей.»

Для своего и для чужова
Незрима Пина : всѣмъ одно
Твердишь швейцаръ ея давно :
Не принимаешь , нездорова !
Ей нужды нѣтъ ни въ комъ , ни въ чемъ ;
Питье и пищу забывая ,
Въ покоѣ дальнемъ и глухомъ
Она недвижная , нѣмая
Сидишь и съ мѣста одного
Не сводишь взора своего.
Глубокой муки сонъ печальный !
Но двери пашушь разтворясь :
Мужъ , не весьма сеншменшальный ,
Сморкаясь громко , входишь князь.

И вошь садится. Въ размышление
Сначала молча погружонъ ,
Ногой попряхиваешь онъ ;
И наконецъ : «Съ шобой мученье !
Безъ всякой грусти ты грустишь ;
Какъ погляжу , совсѣмъ больна ты :

Ей, ей! съ шрудомъ вообразить,
 Какъ вы причудами богашы!
 Опомнишься шебъ пора.
 Сегодня балъ у князь-Пешра;
 Забудь фаншазіи пусшыя
 И ошь людей не опсшавай:
 Тамъ будушь наши молодые,
 Арсеній съ Ольгой. Поѣзжай.

« Ну что, поѣдешь ли? » — « Поѣду, »
 Сказала, спранно оживясь
 Княгиня. « Дѣло, » молвилъ князь,
 « Прощай, спѣшу я въ клобъ къ обѣду. »
 Чшо Нина бѣдная съ шобой?
 Какое чувшво овладѣло
 Твоей болѣзненной душой?
 Чшо оживишь ее умѣло,
 Уже-ль надежда? Торопись
 Часы лешяшь; уѣхаль князь;
 Пора гошовишься княгинѣ.
 Нарядами окружена
 Давно не бывшими въ поминѣ,
 Передъ шрюмо споишь она.

Ужь газъ на ней , спруясь , блиспаешь ;
 Роскошно , сладосно очамъ
 Рисуешь грудь , пошомъ къ ногамъ
 Съ гирляндой яркой упадаешь .
 Алмазь мелькающихъ серегъ
 Горншь за черными кудрями ;
 Жемчугъ чело ея облеги
 И межъ обильными косами
 Рукой искусной пропушонъ ,
 То видимъ , шо невдимъ онъ .
 Надъ головою перья вбюшь ;
 По шомной прихоши своей ,
 То ей лице они лелбюшь ,
 То дремлюшь въ локонахъ у ней .

Межъ шбмъ — (къ какому разрушенью
 Ведешь сердечная гроза) !
 Ея поухшіе глаза
 Окружены широкой шбнью
 И на щемахъ румянца нбшь !
 Чушь видбнь въ образъ прекрасномъ
 Красы бывалой слабый слбдь !
 Въ сшкль живомъ и безприсрасшномъ

Княгиня бѣдная моя
 Глядяся, мнишь: «и эшо я!
 Но пусть на страшное видѣнье
 Онъ взоръ смущенный возведешь:
 Пускай узришь свое шворенье
 И всю вину свою поймешь.»

Другое шаяжкое мечпанье
 Пошомъ волнуешь душу ей:
 «Уже-ль соперницѣ моей
 Ошдамся я на поруганье!
 Уже-ль спокойно я снесу,
 Какъ поржешевуя надо мною,
 Свою цвѣшущую красу
 Съ моей увядшею красою
 Сравнишь насмѣшливо она!
 Надежда ешь еще одна:
 Слѣды печали я сокрою
 Хошь въ половицу, хошь на чась....»
 И Ница шрепешной рукою
 Лице румянишь въ первый разъ.

Она явилася на балъ.

Чшо-жь возмушило душу ей?

Толпы ли въпреныхъ гостей
 Въ ярко-блещящей , пышной залѣ ,
 Безпечный лепетъ , мирный смѣхъ ?
 Порывы-ль музыки веселой ,
 И словомъ , эшошь вихрь ушѣхъ ,
 Большимъ душою споль шяжелой ?
 Или двусмысленно взглянушь
 Посмѣль на Нину кто нибудь ?
 Иль лишнимъ счащиємъ блисало
 Лице у Ольги молодой ?
 Чшобъ ни было , ей дурно спало ,
 Она уѣхала домой .

Глухая ночь . У Нины въ спальной ,
 Лѣниво споря съ шемношой ,
 Передъ иконой золошой
 Лампада шочинь свѣшь печальной .
 То пропадешъ во мракѣ онъ ,
 То заиграешъ на окладѣ ;
 Кругомъ глубокой , мершвый сонъ !
 Межь шѣмъ въ блисшательномъ нарядѣ ,
 Въ богашыхъ перьяхъ , жемчугахъ ,
 Съ румянцемъ спраннымъ на щекахъ ,

Ты-ль это, Нина, мною зрима?
 Въ переплывающей мглѣ,
 Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
 Съ недвижной думой на челѣ?

Дверь заскрипѣла: слышишь ухо
 Походку чью-то на полу;
 Передъ иконою, въ углу,
 Спаль и закашлялъ кто-то глухо.
 Сухая, дряхлая рука
 Изъ шьмы къ лампадѣ пошнупалась;
 Свѣшильню шронула слегка,
 Свѣшильня сонная очнупалась
 И свѣшь неожиданный и живой
 Вдругъ озаряешь весь покой:
 Книгини мамушка сѣдая
 Передъ иконою спопшь,
 И вошь ужъ набожно вздыхая,
 Земной поклонъ она шворишь.

Вошь поднялась, перекрестилась;
 Вошь поплелась было домой:
 Вдругъ видишь Нину предъ собой,
 На пол-пуши остановилась.

Глядишь печально на нее ,
 Качаешь старой головою :
 « Ты-ль эшо , дидяшко мое ,
 Такою позднюю порою?...
 И не смыкаешь очи сномъ
 Горюя , Богъ знаешь , о чемъ !
 Вошь такъ-шо , ты свой вѣкъ проводишь ,
 Хошь опъ ума , да не умно :
 Ну , право , ты себя уходишь ,
 А вѣдь грѣшно , куда грѣшно !

« И что въ судьбѣ швоей худаго ?
 Какъ погляжу я , излонъ домъ
 Не перечесъ какимъ добромъ ;
 Ты роду - званія большаго ;
 Твой князь пріяшнаго лица ,
 Душа въ немъ крошкая шакая :
 Всечасно Вышняго Творца
 Благословляла бы другая !
 Ты позабыла Бога.... да ,
 Не ходишь въ церковь никогда :
 Повѣрь , кшо Господа оставишь ,
 Того оставишь и Господь ;

А Онъ-шо духомъ нашимъ правишь ,
Онъ охраняешъ нашу плошь !

« Не осердись , моя родная ;
Ты знаешь , мало ли о чемъ
Мелю я спарымъ языкомъ :
Просши , дай ручку мнѣ. » Вздыхая,
Къ рукѣ княгининой она
Ушами вешхими прильнула :
Рука ледяно-холодна.
Въ лице ей съ шрепешомъ взглянула :
На немъ поспѣшный смерши ходъ ;
Глаза спояшь и въ пѣнѣ рошь
Судьбина Нины совершилась ,
Нѣшь Нины ! ну шакъ что же ? нѣшь !
Какъ видно , ядомъ справилась ,
Сдержала спрашний свой обѣшь !

Уже билешы роковые ,
Билешы съ черною каймой ,
На копхъ брениности людской ,
Трофей , модой приняшые ,
Печально поражаюшь взглядъ ;
Гдѣ сухощавые Сашурны

Съ косами грозными сидяшь ,
 Склонясь на праурныя урны ;
 Гдѣ кости мершвыя крестомъ
 Лежашъ разишельнымъ гербомъ
 Подъ гробовыми головами , —
 О смерти Нины должну вѣспъ
 Узаконенными словами
 Спѣшашъ по городу разнести .

Въ урочный день , на выносъ шѣла ,
 Со всѣхъ концевъ Москвы большой ,
 Одна кареша за другою
 Къ хоромамъ князя полешѣла .
 Обсѣвъ гостиную кругомъ ,
 Сначала важное молчанье
 Толпа хранила ; но потомъ
 Возникло томное жужжанье :
 Оно росло , росло , росло ,
 И въ шумный говоръ перешло .
 Объяшый счастливымъ забвеньемъ ,
 Самъ князь за дѣло принялся
 И жаркимъ богословскимъ преньемъ
 Съ ханжой какимъ-шо занялся .

Богащый гробъ несчастной Нины
Священствомъ пышнымъ окружень,
Быль въ землю мирно опущень ;
Свѣшь не узналь ея судьбины.
Князь , безъ особаго шруда ,
Свой жребій Вышней волю предаль.
Поэшь , который завсегда
По чешвергамъ у нихъ обѣдалъ ,
Никакъ съ желудочной поскп
Скропаль на смерть ея спшшки.
Обильна слухами сполнца ;
Молва какая-шо была ,
Чшо ихъ законная спраница
Въ журналъ дамскомъ приняла.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

Непостоянна , своевольна ,
Ни чѣмъ Телема не довольна ;
Всегда душа ея полна
Младенческаго безпокойства ;
Любила шолспяка она
Совсѣмъ пнаго съ нею свойства :
Макаръ не шужипшь ни о чемъ ,
Ему покой всего дороже :
Съ весельемъ шумнымъ незнакомъ ,
Онъ незнакомъ со скукой шоже ;
Заснешь онъ ночью крѣпкимъ сномъ ,
Едва глаза свои зажмурипшь ;
По ушру вспанешь молодцомъ ,
День цѣлый послѣ балагурипшь.

Въ любви причудливой своей
 Къ Макару, часто нестерпимой
 Была Телема : милымъ ей
 Хошѣлось бышь богошворимой.
 Однажды чѣмъ-шо оскорбься ,
 Увлекшись живостью сердечной ,
 Въ упрекахъ горькихъ излилась .
 Предъ нимъ она. Макаръ безпечной
 Покинулъ бѣдную смѣясь.
 Безъ друга скучно и уныло
 Тянулись дни. Изъ края въ край
 За нимъ бѣжашъ она давай :
 Жить безъ Макара шошно было.

Надежды въшренной полна
 Приходишь ко Двору она.
 Того-ли встрѣшишь иль другаго :
 « Не здѣсь-ли милый мой дружокъ ?
 Макара нѣтъ-ли дорогаго ? »
 Никшо безъ хохота не могъ
 Услышашъ имени шакаго.
 — Какой Макаръ шобой любимъ ?
 Какъ разлучилася ты съ нимъ ?

Что онъ , голубушка , за диво ? —
 Она въ отвѣтъ неперцѣливо :
 « Нѣтъ лучше друга моего ;
 Онъ добродушенъ , доброхошенъ ,
 Веселонравенъ , беззабошенъ ,
 Не ненавидишь никого
 И самъ ни къмъ не ненавидимъ. »
 — Спупай , отвѣтснвовали ей ,
 Здѣсь нѣтъ его : такихъ людей
 Мы при Дворѣ совсѣмъ не видимъ. —

Рѣшилась далѣе идти
 Моя бѣглянка молодая ;
 Зашла въ обишель по пуши ,
 Макара мирнаго найдши
 Въ сей мирной пристани мечшая.
 Игумень ей : « Сказашь-ли вамъ ?
 Его мы долго поджидали ;
 Но , признаюсь , по пусыкамъ !
 Приюшь ошь бурь жишейскихъ намъ
 Въ замѣну спѣны наши дали. »
 Одинъ задумчивый чернецъ
 Сказаль вершукѣ наконецъ :
 « О чемъ вы слѣпо возмечтали ?

Найдется-ль полно вашъ бѣглець ?
 На помъ онъ свѣшъ , мы слыхалц. »

Телему набожный мудрецъ
 Чуть не взбѣсилъ шакимъ привѣшомъ.
 « Его найду я , мой ошець ,
 Не безпокойшеса объ эшомъ.
 Нѣшъ ! о Макарь дорогомъ
 Не по напрасну я шоскую :
 Одна я жизнь ему дарую ;
 Не можешъ бышь онъ въ мѣрѣ помъ ,
 Когда я въ эшомъ сущесшвую ! »

« Но гдѣ-же встрѣчу друга я ? »
 Мечшаешъ шранница моя.
 « Въ шполиць ? чшо-же ? не чудесно :
 Между пѣвцами вѣрно онъ ,
 Кошорыми шзображонъ
 Онъ шшоль искусно и прелесшно. »
 Одинъ изъ нихъ ей молвилъ шакъ :
 « Вы обманулиса никакъ :
 Не появляса , къ сожалѣнью ,
 И между нами вашъ чудакъ ;

Его поемъ мы кое-какъ
По одному воображенью !

Вошь магиспрашь : она предъ нимъ
Глаза зажмурила и далъ.
« О нѣшь ! съ возлюбленнымъ моимъ
Не встрѣчусь я въ судейской залѣ !
Тамъ нѣшь его. Не спорю въ шомъ :
Прельсшишься могъ-бы онъ дворомъ :
Дворъ полонъ чуднаго угара ;
Но за присущственнымъ споломъ
Въ вѣкъ не увижу я Макара ! »
Надѣясь друга повстрѣчашь,
Телема спала навѣщашь
Гулянья , зрѣлица споллицы ,
Ко всѣмъ заглядывала въ лица —
По пусшыкамъ ! Приглашена
Въ дома блестящіе она ,
Гдѣ шѣ счастливыцы предсѣдаюшь ,
Кошорыхъ свѣшскимъ языкомъ
Людьми съ ушонченнымъ умомъ ,
Людьми со вкусомъ называюшь :
Они привѣшливы лицомъ ,
Рѣчами веселы , свободны ,

И съ мплымъ сердцу бѣглецомъ
 Ей показались очень сходны.
 Но чѣмъ съ Макаромъ дорогимъ
 Похожей бышь они спарались,
 Тѣмъ ошь прямаго сходства съ нимъ
 Они замѣшнѣй удалялись !

Тоска , печаль ее взяла ;
 Наскуча бѣгашь по пустому
 Изъ мѣсша въ мѣсто , побрела
 Она шихохонько до дому.
 Въ давно покинутый пріюшь
 Приходишь спранница , и чшо-же ?
 Уже Макарь съ улыбкой шупь
 Подругу ждалъ на брачномъ ложѣ :
 « Со мною въ мирѣ и любви , »
 Онъ молвилъ , « съ эшихъ поръ живи ;
 Живи , о лишнемъ не шоскуя ,
 И коль распашься вновь со мной
 Не хочешъ , нрава пишиной
 Себѣ пріязнь мою даруя ,
 Ошь угожденья моего
 Не шребуй боль шого ,
 Чшо я даю , чшо дашь могу я . »

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШЪ.

Зевесь , любя семью людскую ,
Попарно души сошворилъ
И напередь одну мужскую
Съ одною женскою согласилъ .
Хвала всевышней благостынѣ !
Но въ ней намъ мало пользы нынѣ :
Глядише ! нынѣ родъ людской
Размножась , облилъ шаръ земной :
Куда пойду ? мечшаешь съ горемъ ,
На хладный Сѣверъ , знойный Югъ ?
За Бѣлымъ , или за Чернымъ моремъ
Блуждаешь ты ; желанный другъ ?
Не все. Задача есть другая.
Шашаясь по свѣшу , порой

Сполкнешься съ родспвенной душой
 И радъ ; но вошь бѣда какая :
 Душа родная — носъ чужой
 И постороній подбородокъ !...
 Враждуюшь чувсшва межъ собой :
 Признашься , способъ мировой
 Находкойъ былъ бы изъ находокъ !
 Но онъ пошерянь между насъ ,
 О немъ живешь одинъ разсказъ .

Въ землѣ , о коей справедливо
 Намъ чудеса вѣщаешь шаръ ,
 Въ Египшѣ , жилъ-былъ славный Царь ,
 Имѣлъ онъ дочь — шворенья диво ,
 Красошъ подсолнечныхъ алмазъ ,
 Любовь души , веселье глазъ :
 Челомъ бѣлѣе лплій Нила ;
 Коралла пышнаго морей
 Устами свѣжими алѣй ;
 Ясиѣе дневнаго свѣшила
 Улыбкой ясною своей .
 Въ предѣлахъ самыхъ ошдаленныхъ
 Носилася ея хвала

И женихамъ привела
 Къ ней полкъ царей иноплеменныхъ.
 И Мемфисъ градъ заливала !
 Въ немъ пиръ за пиромъ возсавала :
 Свѣшла , прелесна возсѣдая
 Въ кругу любовниковъ своихъ ,
 Моя Царевна молодая
 Совсѣмъ съ ума сводила ихъ.
 И все бы ладно шло ; но что же ?
 Всегда веселая , она
 Вдругъ спала пасмурна , грушна ,
 Такъ что на дѣло не похоже.
 Къ своимъ высокимъ женихамъ
 Вниманье вовсе прекратила
 И кромѣ колкихъ эпиграммъ
 Имъ ничего не говорила.

Какая же была вина ,
 Что измѣнилась такъ она ?
 Любовь. Случайною судьбою ,
 Державный пиръ ея отца
 Украсишь лирною игрою ,
 Призвали юнаго пѣвца :
 Не возхваляя онъ Озирида ,

Не славиль Аписа быка ,
 Любовь онъ пѣлъ , о Зорапта !
 И пѣснь его была сладка ,
 Какъ водъ согласное журчанье ,
 Какъ нѣжныхъ горлицъ воркованье ,
 Какъ помный ропоть вѣшерка ,
 Когда , въ полудень возпаленный ,
 Лобзаешъ онъ изъ подшишка
 Цвѣшокъ , роскошно усыпленный .
 Свершился вышній приговоръ ,
 Свершился ! никакою силой
 Неошразимый , съ эшихъ поръ
 Предъ ней носился образъ милой ;
 Съ шѣхъ поръ въ душѣ ея звучаль ,
 Звучаль всечасно голосъ нѣжной ,
 Ее пипаль , упоеваль
 Тоскою сладкой и мяшежной !
 Какъ глупы эши дикари ,
 Разноплеменные Цари !
 И какъ прелесненъ онъ ! вздыхая ,
 Мечшала дѣва молодая .

Но между шѣмъ лешѣли дни ;
 Рѣшенья госши ожидали ,

Рѣшенья не было. Они
 Уже сердиться начинали.
 Самъ Царь досадою вспыхнулъ ;
 Онъ не охотникъ былъ до шушокъ
 И жениха , чрезъ шрое сушокъ ,
 Избрашь Царевнѣ повелѣлъ.

Была какъ громомъ рѣчью гнѣвной
 Младая дочь поражена.
 На чтожь , въ судьбѣ своей плачевной ,
 Рѣшилась бѣдная она !
 Рыдала долго Зораида ,
 Взрывала сердце ей обида ,
 Взрывала сердце ей печаль ;
 Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась :
 Лицемъ Царевна прояснилась
 И шепчешь : « ахъ , едва-ль едва-ль
 Но что мы знаемъ ? спашься можешь ,
 Онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ поможетъ . »

Вамъ рассказать я позабылъ
 Что въ эшу пору , мой чипашель ,

Споуѣшній магъ въ Мемфисѣ былъ ,
 Изиды вѣщій шолковашель.
 Онъ , если не лгала молва ,
 Проникъ всѣ шайны ешества.
 На шо и жилъ почпенный дядя ;
 Ошвергнувъ міра суешу ,
 Не пиль , не ѣль , не спаль онъ , глядя
 Въ глаза священному кошу.
 И въ немъ-шо было упованье ;
 Къ нему-шо , милые друзья ,
 Рѣшилася на совѣщанье
 Ишши красавица моя.

Едва рѣдѣешь мгла ночная
 И пробуждаешься начиная ,
 Едва румянишся воспокъ ;
 Еще великой Мемфисѣ дремлешь
 И утро не хоша приемлешь ,
 А ужъ покинувъ свой черпогъ ,
 Въ проспой и чуждой ей одеждѣ ,
 Но спраха шайнаго полна ,
 Довѣрясь вѣшренной надеждѣ ,
 Выходишь за городъ она.
 Передъ очами Зораиды

Пустыня ша , гдѣ пирамиды ,
 За пирамидами встаюшь
 И (величавыя гробницы)
 Гигантскимъ кладбищемъ ведущь
 Къ стопамъ огромной ихъ Царицы.
 Себѣ чудакомъ успроилъ пушью
 Философическій пріюстъ.
 Блуждаетъ двѣя молодая
 Среди столицы гробовой :
 И вошь примѣшенъ кровь жилой ,
 Надъ коимъ пальма вѣковая
 Споишь , роскошно помавая
 Широколиственной главой.
 Царевна видишь предъ собой
 Обишель шарца. Для чего же
 Остановилася она ,
 Внезапно взоромъ смущена
 И чушкимъ ухомъ на спорожѣ ?
 Что дланью препешной своей
 Объемлешь сердце ? что шакъ пынешь
 Ея лице ? и грудь у ней ,
 Что шакъ неровно , сильно дынешь ?
 Приносишь пѣснь издалика
 Ей дуновенье вѣшерка .

П ъ с н я.

За чѣмъ ось ранняго разсвѣта
 До поздней ночи я пою ,
 Безумной пицей , о Нїэша !
 Красу жестокою своєю ?

Чужда , чужда шы сожалѣнья :
 Звѣзда взойдешъ , звѣзда зайдешъ ;
 Сурова шы , а мнѣ забвенья
 Бесильный лопось не даешъ.

Люблю , любя въ могилу сиду ;
 Не сокрушима цѣпь моя :
 Я видѣлъ диво Зорапду
 И не забылъ Нїэшы я.

Чей эшо голось ? Вседержишель !
 Она-ль его не узнаешъ !
 Пѣвецъ , души ея плѣнишель ,
 Другую пламенно поешъ !
 И вошь чшо боги ей судили !
 Ужъ ей колѣна измѣнили ,
 Ужъ меркнешъ свѣшь въ ея очахъ ,
 Безъ чувствъ упала бы во прахъ ;

Но нашей дѣвѣ въ по мгновенье
 Предсало чудное видѣнье.
 Глядишь : въ одеждѣ шушовской
 Бредеть къ ней спарець гробовой.
 Паясь поржешвенной и дикой ,
 Бѣлобородой , желтоликой ,
 Въ какой-то оспрой шапкѣ онъ ,
 Песпрѣшь множешвомъ каракуль
 На немъ широкій балахонъ :
 То былъ почщенный нашъ Оракуль.
 Къ Царевнѣ прещешной моей
 Подходишь онъ ; на шея ей
 Привѣшно руку налагаешь ,
 Глядишь съ улыбкою въ лицо ,
 И ободришельно вѣщаешь :
 « Прими чудесное кольцо :
 Ты имъ , о дѣва ! уничпожишь
 Хипросплененный узель швой ;
 Кому на перспь его возложишь ,
 Съ шѣмъ помѣняешься звѣздой .
 Пди , и мудрось Озирида
 Насшавишь свыше мысль швою .
 Я даромъ симъ , о Зорапда ,
 Тебѣ за вѣру воздаю . »

Возвращена въ свои чертоги ,
 Душою полная тревоги
 Царевна думаетъ : « во снѣ
 Все эшо чудилось мнѣ ?
 Но нѣтъ , не сновидѣнье эшо !
 Кольцо на палецъ мой надѣшо
 Почтеннымъ шарцемъ : вошь оно.
 Какую-жь пользу въ немъ найду я ?
 Онъ говорилъ , его даруя ,
 Такъ безполково , такъ темно. »
 Опять Царевна унываетъ
 Недоумѣнія полна ;
 Но вошь невольницъ призываетъ
 И опыскашь повелѣваетъ
 Свою соперницу она .

По повелѣнію другому ,
 Какъ будшо къ празднику большему ,
 Ея чертоги убраны ;
 Вездѣ легли ковры богашы
 И дорогіе аромашы
 Во всѣхъ кадилахъ возжены ,
 Всѣ водомешы пущены ;

Блистають рѣдкими цвѣтами
 Ряды узорчатыхъ кошиць
 И полонъ воздухъ голосами
 Дальноземельныхъ, чудныхъ пищъ ;
 Все нѣгой сладостною дышеть ,
 Все дивной роскошю пышетъ.
 На шронѣ , радостнымъ вѣнцомъ ,
 Порфирой свѣтлою блистая ,
 Сидишь Царевна молодая ,
 Окружена своимъ дворомъ.
 Вошце прилежно наблюдаешь
 Ея глаза смущенный дворъ ,
 И угадашь по нимъ желаешь ,
 Чшо знаменуешь сей позоръ :
 Она въ безмолвіи глубокомъ ,
 Какъ сномъ объятая , сидишь
 И неподвижнымъ , мушнымъ окомъ
 На двери дальнія глядишь.
 Придворные безмолвны поже.
 Дверь ошворилась : « Вошь она ! »
 Лицемъ блѣднѣе полотна ,
 Царевна вскрикнула. Кого-же
 Узрѣла , скорбная душой ,
 Въ толпѣ невольницъ предъ собой ?

Кого ? пашушку молодую
 Собой довольно не дурную
 Но очень смуглую лицомъ ,
 Глазами бойкую и злую ,
 Съ нахмуреннымъ , упрямымъ лбомъ.
 Царевна смотришь и мечшаешь :
 « Она-ли мнѣ предпочтена ! »
 Но вошь придворныхъ высылаешь
 И остаешься съ ней одна.

Царевна перваго привѣща
 Искала долго , наконецъ
 Печально молвила : « Нїэша !
 Ты видишь : пышенъ мой дворець ,
 Въ жемчугъ и злашо я одѣша ,
 На мнѣ порфира и вѣнецъ ;
 Я красошою диво свѣща ,
 Очарованіе сердець !
 Я всею славою земною
 Надѣлена моею звѣздою :
 Чего желашь могла бы я ?
 И чшо-жь , Нїэша , въ скорби чудной ,
 Милѣ мнѣ швой жребій скудной ,
 Милѣ мнѣ звѣзда шволя.

Ніэша , хочеш-ли , съ побою
 Я помѣняюся звѣздою ? »
 Мудрень Царевнинь былъ привѣшь ,
 Но не заспѣчива природно :
 « Какъ вашей милости угодно , »
 Ніэша молвила въ отвѣшь .
 Тогда на палець ей надѣла
 Царевна дивное кольцо :
 Закрышь смущенное лицо
 Руками бѣдная хохѣла ;
 Но что-же ? въ мигъ волшебный сей
 Моя Царевна оживилась
 Душой Ніэшиной ; а въ ней
 Душа Царевны очутилась .
 И быспрымъ чудомъ бышіе
 Перемѣнивъ , лице свое
 Закрыла дурочка степная ,
 Царевна-же на оборощь
 Спустила руки на живощь ,
 Ротъ удивленный разъвая .
 Гдѣ Зоранда , гдѣ она ?
 Осталась шѣнь ея одна .
 Когда-жь лице свое явила
 Ніэша , руки опушта ,

(О какъ обѣихъ ихъ шутя
 Одна минуша измѣнила !),
 Блестало дивной красотою
 Лице пастушки молодой :
 Во взорахъ чувствено выражалось ,
 Горѣла нѣжная мечта ,
 Для слова милаго , казалось ,
 Сей часъ откроюся успа ,
 Нѣша шаже , да не ша.
 Такъ изъ за тучь луна выходилъ ,
 Вдругъ озаря небеса :
 Такъ зелень свѣжую наводилъ
 На рощи пыльные , роса.

Съ главою поникшею Нѣша ,
 Съ невольнымъ пламенемъ лица ,
 Тихонько вышла изъ дворца
 И о судьбѣ ея до свѣта ,
 Не доходилъ ужь слухъ пошомъ.
 Такъ что-жь ? о счастьи прямо
 Провѣдать людямъ не удобно ;
 Мы знаемъ , свойственно ему
 Любить хранительную тѣму ,
 И драгоценное подобно

Въ шомъ драгоцѣнному всему.
 Гдѣ искромешные рубины,
 Гдѣ перлы свѣшные нашли?
 Въ глубокихъ пропастяхъ земли,
 На шемномъ днѣ морской пучины.

А что съ Царевною моею?
 Она съ плошнѣйшимъ изъ Князей
 Великолѣпно обвѣнчалась.
 Онъ съ нею ладно жилъ, хошя
 Въ иное время не шупя
 Его супруга завиралась,
 И даже подъ сердшый часъ,
 Она возвыся бойкою гласъ
 Совсѣмъ ругашельски ругалась:
 Онъ не ропшалъ на то ничушь
 Любилъ живье-бышье прорское,
 И самъ, гдѣ надо, завернушь
 Не забывалъ слово лихое.
 По своему до позднихъ дней,
 Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

Чшо я прибавлю, другъ мой нѣжной!
 Жизнь непогодою мяшежною,

Ты знаешь , встрѣшила меня ;
За бѣдствомъ бѣдство подымалось ;
Ввѣкъ надъ головой моею , казалось ,
Не взыдешь радостнаго дня.
Порой смиряль я пѣснопѣньемъ
Порывъ болѣзненныхъ спраспей ;
Но мнѣ тяжелымъ вдохновеньемъ
Была печаль души моею.
Явилась ты, мой другъ безцѣнный ,
И прояснилась жизнь моя :
Веселой музой вдохновенный ,
Веселый вздоръ болшаю я.
Прими мой шрудъ непринужденный !
Счастливымъ свѣтомъ озаренный
Души , свободной ошь забошь ,
Онъ швой досшапокъ справедливой :
Онъ первый плодь мечшы игривой ,
Онъ новой жизни первый плодь .

ЦЫГАНКА.

Алексыю Андреевичу

ЕЛАГИНУ.

Прощай, Елецкой; ты не весель
И разсвѣшаешь ужь давно;
Пошло мнѣ въ прокъ швое вино:
Ухъ! я встаю наслу съ кресель!
Не правда-ль, брашцы, по домамъ!
— Нѣтъ! пусть попляшешь прежде намъ
Его цыганка. Ангель Сара,
Ну что? пошѣшишь насъ не мѣля-ль?
Сступай, я сяду за роль.
— Могу сказать, васъ будешь нара:
Хмель разобралъ тебя свѣсьмъ,
Она съ дремоны поблѣдила.
«Ты, Сара, спать поди! Зачѣмъ
До ушомленья ты сидѣла?»

Въ другое время , господа !
 Прощайше.» — Буйная орда
 Восколебалася. Гуляки
 Встають , шашаясь на ногахъ ;
 Беруть на спульяхъ , на столахъ ,
 Свои разбросанные фракы ,
 Свои мундиры , сюршукы ,
 Но доброй волей вопреки
 Не споры сборы. Шляпу на лобъ
 Надвинувъ , держишь предъ собой
 Стаканъ недописый иной ,
 И разсуждаешь : надлежалобъ
 Докончишь дѣло ! — Недвижимъ
 Онъ долго просноишь надъ нимъ.
 Другой предъ зеркаломъ на шею
 Свой галсрухъ вяжеть ; но рука
 Его паячка и неловка :
 Всѣ какъ-шо врозь идушь подъ нею
 Концы прокляшаго плашка.
 Къ свѣчѣ пристава шрубку задомъ ,
 Ждешь третій пасмурный чудакъ ,
 Когда закуришься табакъ.
 Лихія шутки сыпляшь градомъ ; —
 Но полно : вонъ ваишь кабакъ.

« Прощай , Елецкой , до свиданья ! »
 Прощайте , брашцы , добрый путь !
 И сокращая провожанья ,
 Дверь поспѣшаетъ онъ замкнуть .

Одинъ оставшися , Елецкой
 Брюзгливымъ окомъ обозрѣлъ
 Покой , гдѣ праздникъ молодецкой ,
 Порой недавнею гремѣлъ .
 Онъ чувство возбуждалъ двойное :
 Великолѣпье опжглое ,
 Шпофъ полинялой на стѣнахъ ;
 Межь оконъ зеркала большія ,
 Но всѣ и въ пяпнахъ и въ лучахъ ;
 Въ пыли завѣсы дорогія ;
 Давно нечищенный паркешъ ;
 Къ пому-же , буйнаго разгуля
 Всегдашній , безобразный слѣдъ :
 Вошь опрокинушые спуля ,
 Табачный пепель шуть и шамъ ,
 Стекло по окнамъ , по споламъ
 Съ оспашками задорной влаги ;
 Тарелки жирныя кругомъ ;

И вопшь, на выпускѣ печномъ,
 Спрой догорѣвшихъ до бумаги
 И въ блескѣ ушренныхъ лучей
 Уже блѣднѣющихъ свѣчей.

Елецкой съ думою нѣмою,
 Поникъ печально головою,
 Но вдругъ, огнувшись, поднялъ взоръ:
 « Гей! закричалъ онъ, Черноморъ! »
 Явился карликъ. Понемногу.
 Туманъ, кошорый покрываль
 Лице Елецкаго, пропаль.
 « Ну что сосѣди? » Слава Богу!
 Знакомъ мнѣ въ домѣ спарь и маль.
 « Вошь, мой красавецъ, эшо славно;
 Смощри-жь шеперь, когда, куда
 Пойдушъ, поѣдушъ господа,
 Чшо скажущъ, все ты знай исправно »
 Объ вась-шо былъ ужъ разговоръ.
 « Прекрасно! Чшо-же говорили? »
 Чшо говорили! Всякой вздоръ;
 А молвишь правду, не хвалили.

Покой оставилъ Черноморь ;
 Открывъ разсыпной рукою
 Окно , межъ шѣмъ уставилъ взоръ
 Елецкой прямо предъ собою.
 Предъ нимъ свѣшло озарена
 Наславшимъ упромъ , ошо сна
 Москва торжественно вславала.
 Подъ раннею лазурной мглой ,
 Блещущей влагой блескъ дневной
 Рѣка мѣстами ошражала :
 Аркада длиннаго мосша
 Бѣлѣла ярко. Чудень , пышнѣ ,
 Московскихъ зданій красота ,
 Надъ всѣми зданьями возвышенъ ,
 Огнемъ воспока Кремль алѣлъ.
 Зажгли лучи его живые
 Соборовъ главы золотыя ;
 Межъ ними царственно горѣлъ
 Иванъ Великой. Садъ красивой ,
 Кругомъ швердыни горделивой
 Вѣся , живо зеленѣлъ.
 Но онъ на пышную столицу
 Глядѣлъ съ душевною враждой ;
 За что ? О шомъ въ главѣ другой

Найдушь особую страницу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой;
Минувшихъ дней воспоминанья,
И дней грядущихъ упованья,
Все заключалъ онъ въ ней одной;
Но странной доли несъ онъ бремя,
И былъ ей чуждымъ въ по-же время,
И чуждымъ больше чѣмъ другой.

Опца и матери Елецкой
Лишился въ годы шѣ , когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ наступаешь череда.
Въ нее всступилъ онъ , и сначала
Являлся въ вечеръ на шри бала ;
Съ визитной карточкой порой
Лешѣль на въѣздъ городской.
Согласно съ общимъ заведеньемъ ,
Къ дядямъ и шешкамъ съ поздравленьемъ
И въ Рождество и въ Новый годъ ,
Скакалъ съ прихода на приходъ.
У нихъ въ бесѣдахъ самыхъ чинныхъ
Безъ нешерпѣнья застѣдалъ ,

И на обѣдахъ пменннхъ
Приборъ всегдашнй занималь.

Но волей полной насладнсья
Алкаль безумець молодой ,
И вскорѣ началъ онъ шомнсья
Предѣловъ свѣшскнхъ шѣсношй.
Ему въ госпннхъ спало душно ;
Ему досадно и смѣшно
Въ ннхъ показалося одно ,
Другое глупо , прешье скучно.
Изъ ннхъ Елецкой мой исchezь ,
И на желанномъ нмъ просторѣ ,
Между буяновъ и повѣсь
Жншьемъ онъ новымъ зажнль вскорѣ ,
Товарищъ скромный нхъ сперва ,
Потомъ рѣшншельный глава.

Онъ и уму (чшо вдвое хуже).
Даль со спрасннми волю шуже.
Одушевленъ въ рѣчахъ свопхъ
Враждюю къ мннмымъ предразсудкамъ ,
Подвергнуль дерзновеннымъ шупшкамъ
Онъ все свншее для другихъ.

Развратныхъ , своевольныхъ правилъ
 Несчастный кодексъ онъ составилъ :
 Всегда ссылалось на него
 Его блажное болшеводство.
 Имъ проповѣдуемыхъ мнѣній ,
 Пль половины ихъ большой ,
 Наверно чуждъ онъ былъ душой ,
 Причастной лучшихъ вдохновеній ;
 Но самъ не вѣдая о томъ ,
 Онъ былъ въ развратѣ хвасуномъ.
 Его пословицъ вольнодумныхъ
 Ни чушь не новый впрочемъ родъ ,
 Имъ въ свѣтѣ даль обширный ходъ ,
 И ось людей благоразумныхъ
 Чудовищемъ со всѣхъ сторонъ
 Елецкой былъ провозглашонъ .

Съ Москвой и Русью онъ разстался ,
 Края чужіе посѣшилъ ;
 Тамъ промотался , проигрался ,
 И въ пупъ обратный посѣшилъ .
 Своимъ пенашамъ возвращенный ,
 Всему рѣшишельнымъ вѣнцомъ

Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ ,
 И общимъ мнѣниемъ пораженный ,
 Самъ рупиль онъ , надъ нимъ смѣясь ,
 Со свѣтомъ оспальную связь .

Тушь нашей повѣсти начало .
 Недѣля Свѣшлая была
 И подъ Новинское звала
 Гражданъ Московскихъ . Все бѣжало ,
 Все шоропилось : спарь и младъ ,
 Жильцы лачугъ , жильцы палашъ ,
 Живою , смѣшанной полною
 Туда , гдѣ , словно самъ собою ,
 На крашкѣй срокъ , въ единый мигъ ,
 Блишная песшрыми дворцами ,
 Шумя цвѣшными флюгерами ,
 Средь града новый градъ возникъ :
 Столица легкая бездѣля
 И безчпновнаго веселья ,
 Народной живости кумиръ .
 Тамъ цѣлый день разгульный пиръ ;
 Тамъ раздаются звуки шрубны ,
 Звеняшь , гремятъ лшавры , бубны ;

Наясы съ зыбкихъ галлерей
 Зовушь , маняшь къ себѣ гостей.
 Тамъ клеперъ чуешь чѣсть и нѣчешь ;
 Ножи проворные вѣнцомъ
 Кругомъ себя Индѣецъ мечешь
 И бисеръ нижешь языкомъ.
 Гордясь лихими сѣдоками ,
 Тамъ одноколки заспучавъ ,
 Съ пошѣшныхъ горъ лешяшь спремглавъ.
 Своими длинными шесшами
 Качели крашенныя шамъ
 Людей уносяшь къ небесамъ.
 Волшебный праздникъ довершая ,
 Межь шѣмъ , съ веселымъ шоржесшвомъ ,
 Карешь блестящихъ цѣвъ шройная
 Кашишься медленно кругомъ.

Межь балагановъ оживленныхъ ,
 Ежеминушно осажденныхъ
 Нешерцѣлливою толпой ,
 Къ забавамъ шумнымъ спрасши полонъ ,
 Съ ушра бродилъ Елецкой мой ,
 И вошь въ одинъ пзъ нихъ вошѣлъ онъ.

На по имѣль онъ всѣ права ,
 И подь Новинскимъ часъ и два ,
 Съ полудня начиная , мода ,
 По снисхожденью своему ,
 Дѣлишь веселости народа
 Не запрещаетъ никому .
 Окнувъ взорами собранье ,
 Остановилъ свое вниманье
 Онъ на дѣвицѣ молодой :
 Своими чистыми очами ,
 Своими дѣтскими ушами ,
 Своей спокойной красотой ,
 Сполъ благороднымъ выраженьемъ
 Сей драгоценной пишины ,
 Она сходна была съ видѣньемъ
 Его разборчивой весны .
 Давно онъ зналъ ее заочно .
 Съ его глазами ненарочно
 Глазами встрѣтилась она ;
 Ихъ выраженьемъ смущена ,
 Покрылась краскою живою ,
 И отвела шихонько взоръ .
 Елецкой пронулся душою ;
 Не зрѣлъ Елецкой съ давнихъ поръ

Румянца эшаго свяшаго !
 Какъ бодрось въ пупника ночнаго ,
 На небѣ ушреннемъ горя ,
 Влываешь алая заря , —
 Такъ почно , жизнью обновленной ,
 Спрасшиями долго омраченной
 Душѣ егодохнуль тогда
 Румянецъ нѣжнаго сшыда.
 Онъ къ милой думой умиленной
 Лешись ; межъ шѣмъ она всшаешь ;
 Дѣвицѣ руку подаешь
 Ея сосѣдъ , спарикъ почшенной ;
 Изъ балагана идущъ вонъ —
 И ихъ въ шолцѣ шеряешь онъ .

И незнакомку молодую
 Съ шѣхъ поръ онъ въ сердцѣ заключаль ,
 И скоро Вѣру Волховскую ,
 Свою сосѣдку , въ ней узналь .
 Ей дядя , послѣ объяснилось ,
 Служиль забошливымъ опцомъ
 И , какъ бывало говорилось .
 Держаль въ Москвѣ опкрышый домъ .

Чшо пользы , что ошрады въ эшомъ ?
 Сношенья всѣ съ враждебнымъ свѣшомъ
 Прерваль онъ давнею порой :
 Кого и какъ ему заспавишь
 Въ почщенный домъ его представишь ,
 Его , гонимаго молвой ?
 Чшо скажешъ дядя оскорбленной ? —
 Прошивъ него предубѣжденной
 Какъ онъ предшанешъ даже ей ?
 Но слишкомъ свѣшь его безславиль ;
 Съ тѣхъ поръ какъ онъ его оставиль
 Прошло , промчалось много дней.
 Елецкой мыслиль промежуткомъ ,
 Полнѣй другихъ созрѣль разсудкомъ
 Онъ въ самомъ опытѣ спрасшей ;
 И наконецъ среди пороковъ
 Кипѣвшихъ роемъ вокругъ него ,
 И ядовишыхъ ихъ уроковъ ,
 И омраченья своего ,
 Въ душѣ сберегъ онъ чувшва пламя.
 Елецкой бвшву проиграль ,
 Но побѣжденный спасъ онъ змамя
 И предъ самимъ собой не палъ.

Вседневно нашему герою
Усердный карлик намекаль ,
Гдѣ върояшна встрѣча съ шою ,
Къ копорой съ пламенной мечшою
Опъ непресшанно улешаль.
Незамѣчаемъ и невѣдомъ ,
Ходиль , бродиль за ней онъ слѣдомъ ;
Въ шѣни задумчивыхъ дубровъ
Прекрасныхъ Прѣсенскихъ прудовъ ,
Въ аллеяхъ стриженныхъ бульвара ,
Между красавиць городскихъ
Искаль онъ дѣвы думъ своихъ .
Не для блистательнаго дара
Акшеровъ нашихъ посѣщаль

Онъ душный театральнй залъ:
 Елецкой, сцену забывая,
 Съ шой ложи не сводилъ очей,
 Въ кошорой Вѣра Волховская
 Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
 Взоръ ошановленный на ней,
 Вкусивъ не полное свиданье,
 Елецкой приходилъ домой
 Исполненъ мукою двойной;
 Но полюбивъ свое спрданье,
 Такой-же встрѣчи съ новымъ днемъ
 Искаль въ безумии своемъ.

Однажды... погасаль, свѣжѣя,
 Июльской день. Бульваръ Тверской
 Дремаль подъ низходящей мглой;
 Пусшѣла длинная аллея;
 Царница шишины и сна,
 Высоко поднялась луна.
 Но со знакомыми своими
 Еще въ болшливомъ забышьѣ,
 Сидѣла Вѣра на скамѣ.
 Въ сосѣдствѣ, не замѣченъ ими,

За липой темной и гусшой ,
 Стоялъ влюбленной нашъ Герой.
 Перчатку Вѣра уронила :
 Поспѣшно поднялъ онъ ее
 И подалъ ей. Лице свое
 Къ нему съ испугомъ обратила
 Младая дѣва. Разговоръ
 Прервавъ , на немъ остановила
 Встревоженной, но долгой взоръ.
 Судьбу , душой своей довольной ,
 Онъ и за то благодарилъ.
 Елецкой Вѣру поразилъ
 Своей услугой своевольной ,
 И хошь на часъ ея мечта
 Имъ вѣрно будешь заняша.

Чшожь ? и сомнительное счастье
 Мгновенныхъ , бѣдныхъ эшихъ встрѣчь
 Ему осеннее ненастье
 Не позамѣдлало пресѣчь.
 Покрылось небо облаками ;
 Дождь безконечный ливня лль ;
 И вошь морозъ его смѣнилъ.

Засыли воды, снѣгъ клоками
 На мостовую повалиль :
 Пришла зима. Свисся крушился
 Мяшель на Прѣсенскихъ прудахъ ;
 На обнаженныхъ деревьяхъ
 Бульвара пней серебрился.
 Тамъ , гдѣ недавнею порой
 Гуляли Граціи полпой ,
 Какой нибудь жандармъ усамый ,
 Шагая , шпорами стучишь ;
 Съ мешлой спощь мужикъ брадашый ,
 Иль школьникъ съ сумкою бѣжишь .
 Театръ ? И пошь въ разладѣ эпомъ
 Забышь для баловъ моднымъ свѣшомъ .
 Елецкой сердцемъ унываль ;
 Но въ зимній холодъ какъ и лѣшомъ ,
 Проворный карликъ не дремалъ .

Донесъ онъ нашему герою ,
 Чшо Вѣра ѣдешъ въ маскарадъ ,
 Къ шакимъ-шо. Ожилъ онъ душою ;
 « Спасибо » молвилъ « крайне радъ ! »
 Елецкой нѣзванъ : чшо за горе ?

На шо и маска. Вѣру вскорѣ
 Увидишь онъ , и почему
 Съ ней въ безъмянномъ разговорѣ
 Не познакомишься ему ?

И вошь ужъ вечеръ маскарада
 Имъ ожидаемый насталь.
 Москва-ли тѣшишься не рада ?
 Кишишь народомъ свѣшлый залъ;
 Живая музыка играешь ;
 Въ ладъ упоительнымъ смычкамъ
 Кадрилы вьются здѣсь и шамъ.
 Кругомъ , волнуясь , мелькаешь
 Толпа гуляющихъ гостей ,
 И половина ихъ большая
 Нарядъ привычный соблюдая ,
 Тѣмъ выдаешь еще живѣй
 Бродящихъ рыцарей , шамановъ ,
 И арлекиновъ , и брахмановъ ,
 Діань , Весталокъ , Флоръ и Фей ,
 Народовъ всѣхъ вѣковъ и націй.
 Ихъ мучишь бѣсь мисшификацій ;
 Но не выходишь хипрыхъ фразъ :

« Я знаю васъ ! я знаю васъ !
 « Здоровы-ль вы ? » Для продолженья
 Недоспаетъ воображенья.
 Признашья надобно : не намъ ,
 Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ ,
 Приноровляшья къ дѣшямъ Юга !
 Мяшелей духъ не создалъ насъ
 Для ихъ блиспашельныхъ проказъ.
 Къ чему неловкая напуга ?
 Смѣюшья наши образцы :
 Живыхъ не дразнишь мершвецы.

Скрывашъ лице подѣ маской душной ,
 Какъ вѣдаешъ чпшашель мой ,
 Не лья дѣвицѣ молодой ,
 Закону свѣшскому послушной .
 И Вѣру милую шопъ часъ
 Нашель Елецкой. Эшопъ разъ
 На мершвеца онъ не походишь
 И чупъ съ ума ее не сводишь .
 Ошъ Черномора зналь о ней
 Онъ много эшихъ мѣлочей ,
 Въ кошорыхъ шайны роковыя

Дѣвицы видяшъ молодыя.
 Въ словахъ запушанныхъ своихъ
 Онъ намекаетъ ей о нихъ ,
 И удивленья , и смущенья
 Полна , горитъ она лицомъ ,
 И вошь выходяшъ изъ шерпѣнья.
 «Я какъ обманушая сномъ !
 Скажите , ради Бога , кто вы ? »

Е Л Е Ц К О И.

Вы любопышны какъ диня.
 И такъ со мною не шутя
 Вы познакомшсья гошovy ?
 Нежданнымъ именемъ моимъ
 Я испугаю васъ.

В Ъ Р А.

Какъ скучно !

Все шушки.

Е Л Е Ц К О И.

Я несклоненъ къ нимъ ,
 И осерегъ васъ добродушно :
 Я духъ... п нѣтъ глуши жплья ,
 Гдѣбъ я незримый не былъ съ вами .
 Все чуткимъ ухомъ слышу я ,
 Все вижу зоркими очами .
 Не бойтесь ! слушаю , гляжу
 Я съ полной преданностью дружбы ;
 Неожидаемыя службы
 Я вамъ догадливо служу :
 Однажды передъ ваши очи
 Я въ видѣ смертнаго предспалъ ;
 Въ шу пору сумракъ лѣшней ночи
 Мнѣ образъ видимый давалъ...
 Вы узнаете ?

В Ъ Р А.

Ваши сказки

Вы продолжите до утра .
 Смошрите : всѣ снимають маски ,
 Снимите-же свою , пора .

Е Л Е Ц К О И.

Не мнѣ. Оставьте попеченья :
 Я не исполню вашъ приказъ.
 Лице открылъ-бы я для васъ
 Безъ выраженья , безъ значенья.
 Нѣтъ , нѣтъ ; я вспомню веселѣй
 Сей разговоръ непринужденный ,
 Почти неожиданно уловленный
 Счастливей маскою моею ,
 Чѣмъ взоръ холоднаго смущенья ,
 Который на лице мое
 Вдерите вы , когда ее
 Сниму я вамъ изъ угожденья.
 Нѣтъ , я-бъ не могъ его снести !
 Прощайте ; я не здѣшній житель ;
 Въ мою безвѣстную обитель
 Я долженъ во время сойти .

Елецкой шихо удалился ;
 Ужь былъ у выхода и заль
 Совсѣмъ , казалось , покидалъ ,
 Но у дверей оспановился :
 Еще въ послѣдніе желаль

Взглянуть на Вѣру онъ , и встрѣшить
Ея невинной , тихой взоръ ;
Прочелъ въ немъ дружеской укоръ ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣшилъ ,
И скинулъ маску. Вѣрѣ зримъ
Онъ былъ единое мгновенье ;
Толпа сгустилась передъ нимъ
И онъ исчезъ какъ привидѣнье.

Когда изъ блеска жизни свѣтской ,
Въ кошоромъ съ Вѣрою своею
На мигъ шакъ близокъ былъ Елецкой ,
Опшельникъ снова чуждый ей
Въ своихъ снѣнахъ онъ очутился , —
Казалось грустному ему ,
Чшо вновь, какъ узникъ погрузился
Онъ въ ненавистную шюрму ,
Изъ коей на одно мгновенье
Его испоргло сновидѣнье ;
И Вѣры мильй идеаль
Съ шѣхъ поръ его воображенъс
Еще сильнѣе волноваль.

Часы летучіе мелькали ,
 И въ помномъ сердцѣ засавали
 Все шу-же думу, шопъ-же ликъ.
 Чего надѣяшься могу я ?
 Порою мыслилъ онъ шоскуя ;
 Нѣшь ! заглушу сердечный крикъ ! —
 Напрасно : о единой Вѣрѣ
 Мечта въ душѣ его жила ,
 Одна внимаема была.
 Когда-бы могъ по крайней мѣрѣ
 Свободно видѣться онъ съ ней ,
 Какъ всякой свѣшской дуралей !

И помогла ему судьбина.
 Не хуже чѣмъ Герой Расина
 Сердце чувствившительныхъ кумирь ,
 Любимецъ ложь , восшоргъ паршера ,
 Жоко влечетъ къ себѣ весь міръ.
 Въ шеапръ сего дня ѣдешъ Вѣра.
 Вздрогнуль душой Елецкой нашъ :
 Разъѣздъ безумный , шоропливый ;
 Немного сходный экипажъ...
 Чего и думашъ ? планъ счастливый !

Людей , не медля , онъ зовешь
И приказанья отдаешь.

Давно громада городская
Покрылась ночи темношюй ;
Давно прохожихъ оканкая
Раздался буночниковъ вой ;
У моего повѣсы въ домѣ
Давно нигдѣ нѣтъ свѣсна , кромѣ
Того покоя , въ коемъ онъ
Одинъ развязки приключенья
Ждешь , полный страшнаго волкенья.
Незняшнымъ сиукомъ пораженъ
Карешы дальной , вспыхнешъ духомъ ,
Вскочивъ къ окну приникнешъ ухомъ :
Они! . . . Неправда ! Спихнулъ гуль ,
Иль въ переулочъ повернулъ.
Вопшь , наконецъ , предъ самымъ домомъ
Кареша покашлась съ громомъ ;
Запряся , зазвенѣлъ весь домъ , —
И тишина топъ часъ пономъ.
« Да освѣшите , Бога ради ! »

Раздался въ залѣ голосъ дяди ;
 И нашъ услужливый герой
 Къ нему выходилъ со свѣчѣй.
 Госпнямъ съ прищворнымъ удивленьемъ
 Въ глаза онъ приспально глядитъ :
 « Чему обязанъ , говоришь ,
 Я вашимъ леснымъ пощеньемъ ? — »
 И осомрълся дядя :

« Ба !

Какая снранная судьба !
 Въ чужомъ мы домѣ ! Извините.
 Обезнокони мы васъ.
 Домой уѣдемъ сей же часъ !
 Вы , негодяи ! поглядите ,
 Куда заѣхалъ съ вами я ? . . .
 Вошь славно ! Снранности какія :
 И люди у меня чужіе !
 Кареша вѣрно не моя ? » —

Елецкой мнѣнія того же :
 Уже-ль ? — Да , шакъ ! на шо похоже !
 Теперь и чуда въ эшомъ нѣшь :
 Въ его карешу сълъ сосѣдь.

— Своимъ жильцамъ , мушкетъ съ дамой ,
 Онъ далъ ее въ шопъ вечеръ сѣмой
 (Ужь эша баснь у шалуна
 Была впередъ сочинена).
 Онъ разговоръ не опускаешъ ;
 Свой экипажъ онъ предлагаешъ
 Доѣхашъ до дому ; пока
 Садисься просишь старика ;
 Освѣдомляешся учтиво ,
 Съ кѣмъ шакъ случайно и счастливо
 Онъ познакомленъ ? — Боже мой !
 Иванъ Пепровичъ Волховской !
 Елецкой давняго почшенья
 Исполненъ къ госпою своему ,
 И безо всякаго сомнѣнья
 На дняхъ представится ему .

Пока бесѣду вель шакою
 Со старымъ дядей нашъ Герой ,
 Онъ на племянницу младую
 Украдкой взглядывалъ порой .
 Безцѣнный взоръ онъ думалъ вспрѣшншь ,
 Узнанье думалъ въ немъ замѣшншь :

Напрасная надежда ! Онъ
 Не на него былъ обращень.
 Дверь въ глубинѣ шуманной зала
 Вниманье Вѣры привлекала.
 Подъ ярко пурпурнымъ плашкомъ
 Ошпуда , смуглая лицомъ ,
 Сверкая черными глазами ,
 Блистая бѣлыми зубами ,
 Глядѣла Сара. Взоры ихъ
 Какая сила сопрягала ?
 Въ соображеніяхъ какихъ
 Мысль у обѣихъ ушопала ?

Елецкой проводивъ гостей ,
 Былъ виѣ себя ошъ восхищенья :
 Ему не будешь запрудненья
 Въ свиданьяхъ съ Вѣрою своею !
 Зачѣмъ же способъ эшошъ спранной
 Къ знакомству съ ней былъ избранъ имъ ?
 Или онъ не могъ путемъ другимъ
 Досстигнушь цѣли имъ желанной ?
 Зачѣмъ со свѣшомъ не искалъ
 Онъ по немногу примиренья ? —

Онъ срокъ желаннаго сближенья
На долго эшимъ оплагаль ;
Къ шому-жь, однажды свѣшь оставивъ,
Свою вражду къ нему ославивъ,
Онъ измѣнишь себѣ краснѣль
И вновь искашь въ немъ не хотѣль.
Но, можешь бышь , причиною главной
Былъ духъ природно своенравной ,
Прешившій всегда идши
Ему по бшшому пуши ;
Сей духъ, кошорый опсупленья
Незрѣлыхъ лѣшь его рождаль,
Могъ даже въ годы размышленья
Имъ обладашь — и обладаль.

Едва веселыми лучами
День новый окна озлащилъ ,
Елецкой скорыми шагами
Уже по комнатамъ ходилъ.
Порой въ забвеніи глубокомъ
Остановясь, прилежнымъ окомъ
Во что-то всматривался онъ.
Во взорахъ счастье выражалось ;
Передъ душой его, казалось,
Леталъ веселый, свѣшлый сонъ.
Черезъ мгновенье пробужденный ,
Онъ шѣмъ же чувствомъ озаренный ,
Свою прогулку продолжалъ ,

И скоро снова прерывалъ.
 Въ покоѣ томъ же занимая
 Диванъ, Цыганка молодая
 Сидѣла, блѣдная лицомъ.
 Усталостьъ выражали очи:
 Казалось, въ продолженъе ночи
 Ихъ Сара не смыкала спомъ.
 Она порывисто чесала
 Густыя, черныя власы
 И ихъ на темныя красы
 Нагихъ плечей своихъ мешала.
 Она склонялась головой,
 Но на Елецкаго порой
 Взоръ изъ подлѣбья подымала.
 Какою злобой онъ дышалъ!
 Другой мечшы душою полонъ,
 Подруги онъ не замѣчалъ;
 Къ ней напослѣдокъ подошелъ онъ:
 « Чшо это смотришь ты совой? »
 Сказалъ онъ. « Сара, чшо съ шобой?
 Да молви слово! »

С А Р А.

Ахъ, мой Боже!

Ты ждешь отвѣта моего ?
 Бошь онъ : я знаю , ошь чего
 Ты такъ доволенъ !

Е Л Е Ц К О Й.

Ошь чего же ?

С А Р А.

Меня пы думаль обманушь ,
 Когда вчера , кривя душою ,
 Ты мнѣ съ забошою шакою
 Скорѣй совѣшываль заснушь ?
 « Успала , Сара ? дремлешь , Сара ?
 Лягъ , Сара , спашь ! » и я легла ;
 Да ужь нарочно не спала ! —
 Давно грозилъ мнѣ эша кара !
 Давно я брошена шобой !
 Ты сушки цѣлыя порой
 Двухъ словъ со мной не произносишь ;
 Любимыхъ пѣсенъ пѣшь не просишь !
 Да и по комъ швоя душа
 Ужь такъ смерпельно заболѣла ?

Ее вчера я разглядѣла :
Совсѣмъ , совсѣмъ не хороша !

Е Л Е Ц К О Й .

Такъ вопшь въ чемъ дѣло !

С А Р А .

Сара знаешь ,
Какая ждетъ ее судьба .
За то , что служишь , угождаешь
Тебѣ по волѣ какъ раба ,
Со знанной барышней своею
Ты обвинчаешься , а съ нею
Просишься , и ее на дворъ
Мешлою вымешупъ какъ соръ .

Е Л Е Ц К О Й .

Ты совершенно сумасбродишь !
Какія страннныя мечшы !
По пуспякамъ горюешь ты ,
И на меня шоску наводишь .

С А Р А.

А кто бывало говоришь,
 Ко мнѣ ласкаясь шо и дѣло:
 «Тебя, я Сара, полюбилъ!
 Жить одному мнѣ надоѣло,
 Будь мнѣ подругою! со мной
 Живи подъ кровлею одной!
 Я нравомъ весель; живо, шумно,
 Въ шрахахъ и пѣсняхъ завсегда
 Мы будемъ проводить года.»
 Я согласилась безумно, —
 Чшожь вышло? —

Е Л Е Ц К О Й.

Изъ моихъ рѣчей

Тобой забыта половина.
 Я говоришь: «твоя судьбина
 Не будетъ скована съ моею!
 Покуда любо жить со мною, —
 Живи! наскучило, — прощай,
 Былую радость поминай! — »

Съ твоей свободой той поюсю
 Я выговариваль мою.
 Но я тебя не узнаю!
 И сердце будущимъ шревожа,
 Ты на цыганку не похожа.
 Вашъ родъ безпечень.

С А Р А.

Прокляшь онъ!

Онъ челоуѣчества лишонъ!
 Намъ чужды всѣ края мірскіе!
 Мы на обиды рождены!
 Забавишь прихони чужія
 Для проишанья мы должны.
 Я о себѣ молчу: цыганка
 Вамъ не подруга, а служанка!
 Она пляши и распѣвай,
 А сердцу воли не давай.

Е Л Е Ц К О Й.

Оставь пустыя опасенья:
 Не разлучимся мы съ шобой.

Хошя другаго поколѣнья ,
 Родня я вашему судьбой .
 И я , какъ вы , опвержень свѣшомъ ,
 И мнѣ враждебень сердца гласъ
 Не распадешя , вѣрь мнѣ въ эшомъ ,
 Цѣшь сопрягающая насъ .

Когда съ цыганкой молодою
 Судьба Елецкаго свела ,
 Своей разгульною душою
 Она мила ему была .
 « Я горя знашь не буду съ нею !
 Какихъ тяжелыхъ , черныхъ думъ ,
 Мнѣ иногда гнешущихъ умъ ,
 Свободной рѣзвостью своею
 Не удалишь она сей часъ ?
 Кому при блескъ эшихъ глазъ
 Присняшя мрачныя печали ? »
 Такъ думаль онъ ; но дни мелькали ;
 Къ ея душѣ своей душой
 На продолжшельное время
 Не могъ приспашь Елецкой мой .
 Ему пошомъ ужь спали въ бремя

Зашѣи дѣвы удалой.
 Не принимая въ нихъ учасшья ,
 Ужь онъ желалъ другаго счасшья :
 Души , съ кошорой могъ бы онъ
 Дѣлшсья всеѣ своеѣ душою.
 Надеждой шемной увлечень,
 Онъ Сарѣ пробовалъ порою
 Передавалъ свои мечшы ;
 Но образованнаго чувства
 Языкъ для дикой красоны
 Былъ полонъ странной шемношы.
 Она , не вѣдая искусствя ,
 Подъ рѣчи друга своего
 Безъ всякой совѣсши зѣвала,
 Иль въ скоромъ времени его
 Споронней шушкой прерывала ;
 Но смушно шрогалась , и ей
 Не вразумшельныхъ рѣчей
 Цыганка голосъ понимала.
 Подругѣ вѣшренной своеѣ
 Онъ ежедневно былъ милѣй ;
 Но къ ней хладѣлъ по шой же мѣрѣ.
 Когда любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ
 Онъ нравомъ сталъ еще мрачнѣй ,

Она развлечь его хошла ,
Она родныя пѣсни пѣла ,
Она по шульямъ , по споламъ
Съ живыми клками скакала ;
Она при немъ по пустякамъ
Какъ можно громче хохотала ;
Но завсегда ее смущала
Въ шо время взоръ его брюзгливый :
Предъ нимъ порывъ ея игривый
Въ одно мгновенье упадалъ.
Она сердилась и ропшала ,
И грусть давила сердце ей ,
И щещно Сара призывала
Покой и радость прежнихъ дней !

Едва забывшись , пробудился
Онь грезы счастья нашъ герой ;
Но онъ того своей душой
Для Вѣры онъ не измѣнился ,
И Волховскому ошдалъ онъ
Ему обѣщанный поклонъ.
Елецкой вовсе непривѣшно
Быль встрѣченъ спрогимъ шарикомъ :
Онъ показаль ему замѣшно ,
Чшо по неволѣ съ нимъ знакомъ ;
Да мало нужды было въ помъ.
Ошкрышо жль сосѣдъ почтенный
И балы часпые даваль ;

Межь шѣмъ , годами удрученной ,
Участья въ нихъ не принимала ,
И самъ въ палащѣ опдаленной
За мирнымъ виспомъ застѣдалъ.
Все это вѣдая подробно ,
Елецкой нашъ весьма удобно
Могъ всякой разъ являться въ домъ
Совсѣмъ не видимъ спарикомъ.
Какъ часто въ серединѣ бала ,
Когда ужъ музыка играла
Пль понури пль кашльонъ ,
И Вѣра со своимъ шанцоромъ
Наскуча пошлымъ разговоромъ,
Погружена въ споронній сонъ ,
Глазами молча провожала
Среди блпшпательнаго зала
Предъ нею вьющіяся чешы ,
Елецкой , рѣчію своею
Нежданно слышпмой за нею ,
Вдругъ прерывала ея мечшы.
Довольно холодно сначала
Съ нимъ въ разговоръ она вступаала ;
Но оживлялася пошомъ ,
И ободренъ ея вниманьемъ ,

Онъ былъ заманчивымъ свиданьемъ
Къ свиданью новому влекомъ.

Однажды онъ за стуломъ Вѣры
Средь вихря бального сидѣлъ.
Въ своихъ рѣчахъ ужь не умѣлъ
Онъ соблюдать холодной мѣры ;
Она исчезнула. Лишёнъ
Надъ пылкимъ сердцемъ всякой власпи,
Ужь говорила открыто онъ
Съ ней языкомъ безумной спраспи.
Кончая : « Дайте мнѣ опвѣшь »
Онъ молвилъ : « многое во вредъ
Мнѣ городская злоба шрубишь.
Сжился я со враждой молвы.
Но вы , что думаете вы
О шомъ , который васъ шакъ любитъ ? —

В Ъ Р А.

Что всѣ другіе ; даже мнѣ .
Еще извѣснѣе , какъ права
О васъ разсѣянная слава ,
Какъ должно вѣрнѣе ей вполнѣ.

Е Л Е Ц К О Й.

Вамъ всѣхъ извѣстнѣй ? Вы всѣхъ спрое ?
 Но почему-же , оъ чего же ?

В Ъ Р А.

Когда глаза мои у васъ
 Меня въ обманъ не приводили ,
 Словами вашими сей часъ
 Двухъ , не одну вы оскорбили.

Е Л Е Ц К О Й.

Я вашей искренности радъ.
 Уже въ судьбѣ моей спокрашъ
 Я съ вами жаждалъ объясненья !
 Примите псовѣдь мою :
 Весьма во многомъ , нѣшъ сомнѣнья ,
 Останусь я безъ извиненья ;
 Но ничего не ушаю.

Елецкой въ шлагоспину повѣсь
 Минувшихъ дней своихъ вступишь ,
 Свою запушанную совѣсь
 Онъ передъ Вѣрой обнажилъ ;
 Повѣрилъ ей безъ украшенья
 Свои былия заблужденья ,
 Къ кошорымъ впрочемъ былъ влекомъ
 Онъ меньше сердцемъ , чѣмъ умомъ .
 Съ ея случайною знакомкой ,
 Своею смуглой однодомкой
 Свое сближенье передалъ ,
 Какъ самъ его онъ понималъ :
 Однимъ внушеніемъ унылымъ
 Души , помимой пустошой ;
 Союзомъ сполько же поспылымъ
 Теперь ему , какъ ей самой ;
 « Къ ней обращайся , онъ прибавилъ ,
 Безумный мигъ меня заславилъ ;
 Ошибся я въ себѣ и въ ней .
 Нѣтъ , нѣтъ ! я не былъ съ нею друженъ !
 Я для души ея не нуженъ , —
 Нужна другая для моей . »

И тихо рѣчь его журчала
 За Вѣрой, ей одной слышна.
 Но что? вникала ли она
 Въ слова его? Она молчала;
 Была чуть чуть обращена
 Къ нему щека ея одна;
 Но эшо легкое движенье
 Замѣшишь было мудрено:
 Злословье самое оно
 Не привело бы въ искушенье.
 Ей измѣняло лишь одно:
 Вниманье къ балу пришупѣло,
 И краснощекой офицеръ,
 Тогдашній Вѣринъ кавалеръ,
 Ее въ шо время шо и дѣло
 Къ порядку шанца пробуждалъ,
 И ей фигуры шолковалъ.

Природа Вѣру сотворила
 Съ живою, нѣжною душой;
 Она ей чувствовашь судила
 Съ опасной въ жизни полношой.
 Недавно дѣва молодая,

Красною свѣжею блистал ,
 Вступила въ вихорь городской .
 Она еще не разсудила ,
 Не поняла души своей ;
 Но темною мечпою въ ней
 Она уже проговорила .
 Спиранна ей суешность была ;
 Она плѣннись не могла
 Ея не связною судьбиной ;
 Хотѣло бь сердце у нее
 Себѣ избрать кумирь единой ,
 И шѣмь осмыслить бышіе .
 Тупь романическія встрѣчи
 Съ героемъ повѣспи моей ,
 Его задумчивыя рѣчи
 Тревожишь спали душу ей .
 Одно, бышь можешь, впечатлѣнье
 Ей берегло воображенье . . .
 Его разсѣяль онь . Съ какой
 Благополучною душой
 Съ шѣхъ порь она ему внимала !
 Съ какую сладосшыю о немь
 Въ невольномъ забыши своемь
 Уединенная мечшала !

Какъ , новой жизнию дыша ,
Легко ей было ! Какъ блистала ,
Какъ ликовала въ ней душа !
Дѣвица юная не знала ,
Живаго счастья полна ,
Что такъ доверчиво она
Одною оправой въ немъ дышала ;
Что сей привѣтный вѣтерокъ ,
Ее ласкающій такъ нѣжно ,
Грозы погубительной пророкъ ;
Что вдругъ дохнешь она мясечка ,
И мѣръ въ глазахъ ея замишь ;
И всѣ красоты его разрушишь ,
И всѣ цвѣты его изсушишь ,
И жизни пушь опустошишь .

Лешѣли дни. Свои свиданья
Елецкой съ Вѣрой продолжалъ ,
И съ каждымъ больше упованья
Любви своей онъ обрѣшалъ.
Увы ! спарашельно скрывая
Заботу сердца между шѣмъ ,
Навѣрно дѣва молодая
Съ нпмъ не обмолвилась ничѣмъ ;
Но не владѣла выраженьемъ
Лица невиннаго она :
На немъ со всѣмъ ея смяшеньемъ
Была душа ея видна.
« Любимъ я ! » съ ропотомъ и мукой

Елецкой самъ себѣ швердилъ.
 Великой постъ ужь подходилъ
 И съ Вѣрой скорою разлукой,
 Разлукой долгою грозилъ.
 Въ сіи недѣли покаянья
 У Волховскаго баловъ нѣшь;
 Зашворишь домъ ему сосѣдъ....
 Нѣшь! мыслишь онъ, до распаванья,
 Во что бы ни было, должна
 Рѣшишь судьбу мою она!

Онъ ждешъ удобнаго мгновенья;
 И Вѣра, время разлученья
 Предвидя, днями дорожишь,
 И ихъ считаешь и грустишь.
 Уѣхалъ дядя. Въ тихой залѣ,
 При свѣсѣ двухъ свѣчей, одна,
 Твердила на своемъ роялѣ
 Урокъ докучливый она;
 Полна душой другой заботы,
 Насильно всматривалась въ ноты...
 Вдругъ... просянувшись передъ ней
 Закрываетъ ихъ рука чужая.

Въспрь пошашнуль огонь свѣчей ;
 Вздогнула дѣва молодая ,
 Оборощилася , глядишь :
 Елецкой передь ней стоишь .
 « Не безпокойсье , ради Бога !
 Какая спранныя шревога
 У вась написана въ глазахъ !
 Я вась прошу , не уходите !
 Чего боишь вы ? сидите :
 Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ . »

В Ъ Р А .

Я не могу оспашься съ вами !
 Подите . Разговоръ шакой
 Мнѣ не приличенъ . Боже мой !
 Одна я , видите вы сами !
 Подите .

Е Л Е Ц К О Й .

Напередь я зналь ,
 Чшо я засшану вась одною :
 Одну я видѣшь вась желаль .

Оспашься должно вамъ со мною,
 Вамъ должно выслушать меня.

В Ъ Р А.

Оспавьше до другаго дня,
 Я умоляю васъ, подише!
 Мой дядя будетъ сей же часъ.

Е Л Е Ц К О Й.

Одинъ вопросъ: люблю я васъ,
 Вы это знаете; скажите:
 Я равнодушенъ вамъ, или нѣтъ?

В Ъ Р А.

На всё, на всё одинъ отвѣтъ:
 Подише!

Е Л Е Ц К О Й.

Вы ли говорили?
 Я-ль слышалъ васъ? и не во снѣ!

Я не любимъ... Зачѣмъ же мнѣ
 Давно вы это не внушили?
 Своей холодности зачѣмъ
 Вы мнѣ пошью часъ не показали?
 Зачѣмъ, скажите, мнѣ внимали
 Вы такъ привѣшно между шѣмъ?
 Зачѣмъ, глаза мои встрѣчая,
 Не отводили вашихъ глазъ?
 Зачѣмъ дышала всякой разъ
 Въ нихъ дума нѣжная такая?
 Дитя, кокетки записной
 Поспигнувъ опытную ролю,
 Признайшесь: вы играли въ волю
 Моей безумною душой!
 Кто бь могъ подумашь! въ ваши лѣта!
 Мою любовь мнѣ не забышь;
 Желалъ бы я ея предмета
 Не презирашь. Но, такъ и бышь!
 Прощайше!

В Ъ Р А.

Нѣтъ! такого мнѣнья
 Я не оставлю ни за что!
 Не правы ваши заключенья.

Я прямодушна. Я не по
Сказашь хотѣла... Нѣтъ..... Просите
Руки моей, и если...

Е Л Е Ц К О Й.

Вы ?

Вы мнѣ объ эшомъ говорите ?
А мнѣнѣ общее Москвы ! . . .
На нашъ союзъ вашъ дядя спрогой
Не согласился никогда ;
Молишвы будущь безъ плода.
Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ! другой дорогой
Идши намъ должно. Для вѣнца
Сего дня ночью у крыльца
Я ждашь васъ буду. Все гошово.
Бѣжашь со мною дайше слово !
Любовь слѣпая мнѣ нужна.
Рѣшишесь.

В Ъ Р А.

Я изумлена
Такимъ неожиданнымъ предложеньемъ.
Нѣтъ, это будешь прешупленьемъ !

Нѣтъ , я и думать не хочу !
 Я ? такъ ужасно огорчу
 Того , котораго . . .

Е Л Е Ц К О Й .

Все забудешь

Онъ , нашимъ счастьемъ счастливъ ,
 И на послѣдокъ справедливъ
 Онъ и ко мнѣ навѣрно будешь .
 Ему (вамъ нужно-ль обѣщать ?)
 Я буду сыномъ самымъ нѣжнымъ .
 Спрадалъ я долго безнадежнымъ —
 Ахъ , Вѣра ! снова ли спрадась !
 Меня вы любите : судьбиной
 Оставленъ намъ исходъ единой .
 Ахъ , Вѣра , Вѣра ! сердце въ васъ
 Сей мигъ рѣшительный измѣришь :
 Меня печально разувѣришь
 Въ немъ малодушный вашъ отказъ .
 Всѣ , всѣ онъ кончишь между насъ !
 Бѣгите , Вѣра ! дайте руку ! . . .
 Не на ужасную разлуку ,
 Съ которой не сживуся я ,

Но на союзъ свяшой и вѣчной.
 Мой милый другъ, мой другъ сердечной!
 Скажи : не правда-ль ? ты моя ?

В Ъ Р А.

Люблю, люблю я васъ... Но чтоже ?
 Что предлагаете вы мнѣ ?
 На что рѣшусь я ! Боже , Боже !
 Подумайте дайте въ шшинѣ !

Е Л Е Ц К О И.

Я знаю , горешная мѣра ,
 Но — ты-ль не видишь ? Нѣтъ иной !
 Рѣшишь !

В Ъ Р А.

Не нынче !

Е Л Е Ц К О Й.

Нынче , Вѣра ;
 Сего дня , другъ безцѣнный мой !

Не долго дѣва молодая
 Еще прошивилась ему.
 Онъ нѣжно къ сердцу своему
 Прижалъ ее ; лицомъ пылая ,
 Пошупя взоръ , склонивъ главу ,
 Она умомъ изнемогала ,
 И ни во снѣ , ни на яву ,
 Свое согласье прошептала .

Елецкой ликоваль душой ;
 По темной улицѣ домой
 Онъ шель походкою веселой .
 Но у порога своего
 Остановился ; умъ его
 Смутился думою тяжелой :
 Тамъ Сара ! — Въ головѣ своей
 Уже Елецкой принялъ мѣры ,
 Чшобъ неприличной встрѣчѣ съ ней
 Вновь не подвергнушь милой Вѣры .
 Москву съ невѣстой въ эшу ночь
 Покинешь онъ ; обрядъ вѣнчальной
 Онъ совершишь въ деревнѣ дальней ;
 Онъ все предвидѣль , всё почь въ почь

Обдумаль. Сары онъ не знаешь ;
Любовью въ ней не почитаешь
По немъ разсчепливой любви ;
Не вѣришь въ ней ревнивой мукѣ.
« Изъ нихъ люблю призови —
Всѣ шверды въ нужной имъ наукѣ. »
Такъ мыслилъ онъ. Но въ эшошь мигъ....
Шль Сару лучше онъ постигъ
При наснупающей разлукѣ ?
Упрекъ въ душѣ его возникъ.
Его докучное внушенье
Онъ опровергъ въ умѣ своемъ,
И отряхнувъ недоумѣнье,
Вошелъ въ свой домъ, гдѣ въ шо мгновенье
И Сара думала о немъ.

Грустила брошенная Сара ;
Но въ эшошь вечеръ было ей
Еще грустнѣй , еще пошнѣй .
Почти болѣзненнаго жара
Была шоска ея полна .
Въ своемъ волненіи она
Плашкомъ въ лице себѣ махала , —
Прохлады воздухъ не давала ,
Но кровь ей пуше волновала !
Иглу къ работѣ принуждала , —
Колола пальцы ей игла !
Гадашь цыганка начала , —
Еще пошнѣ : каршы ввали ,

Когда ей счастье предрекали ,
 И наводили страхъ , когда
 Въ нихъ выходила ей бѣда.
 Ихъ со сполоа она сполкнула ,
 Шишье ошбросила , вздохнула ;
 На споль локшями опершись ,
 Цыганка списнула руками
 Чело.... и смяпыми кольцами
 Вкругъ пальцевъ кудри обвились.
 Закрывъ глаза она сидѣла . .
 Вдругъ шепчущь : Сара , Сара ! — Къ ней
 Въ покой пзъ боковыхъ дверей
 Цыганка старая глядѣла.

С А Р А .

Ненила , шы ? войди скорѣй ;
 Я заждалась шебя , Ненила ;
 Совсѣмъ я брошена , совсѣмъ !
 Не угожу ему ничѣмъ.
 Хопя бы шы мнѣ услужила !
 Чшо , принесла ли ?

С Т А Р У Х А.

Принесла.

Да ужь насилу добрела ,
 Мяшель шакая закупила !
 Гляди-ка : вошь швое вино.
 Ужь удружишь шебѣ оно ;
 Спасибо скажешь.

С А Р А.

Ахъ , Ненила !

Вѣрь : шы мнѣ душу ворошила !
 Я полюблюсь ему опяшь ?
 Да полно правда-ль ?

С Т А Р У Х А.

Чшо мнѣ лгашь !

Лишь дай испишь , сама увидишь !
 Онъ обвѣнчаешся съ тобой ,
 И заживешь шы госпожой ;
 А шамъ старухи не обидишь.

Тушь справъ-шо , справъ-шо ! боспкомъ ,
 Весь день ни пивъ ни ѣвъ , колдунѣ
 Сбирашь ихъ надо въ полнолуные ,
 Да нашепшашъ еще пошомъ !
 Ты мнѣ повѣрь , моя красошка,
 Придушъ благія времена !

С А Р А .

Какъ я шобой одолжена !
 Но шамъ идущъ.... его походка ;
 Посшавъ подарокъ свой на споль ,
 Да и прощай ! уйди ошселъ ,
 Уйди скорѣе !

Въ самомъ дѣлѣ

Елецкой въ комнату вошелъ.
 Въ глазахъ его была суровость.
 Предъ Сарой молча онъ ходилъ ;
 Рѣчь наконецъ къ ней обратился.
 « Тебѣ сказашъ я долженъ новость :
 Съ шобой я скоро разшажусь.
 Послушай , Сара ! я женюсь. »

Лицо у Сары поблѣднѣло
 И загорѣлось въ пошъ же мигъ.
 Ножъ острый въ сердце ей проникъ :
 Оно по стыло , по кипѣло ;
 Хотѣлабъ смершная шоска
 Излишья воплемъ и слезамш...
 Рвалися бурными волнами
 У ней попреки съ языка...
 Но эштъ первыя движенья
 Она въ себѣ перемогла ,
 И голосъ мирный обрѣла ,
 Хотя дрожащій ошъ волненья.
 « Давно я эшаго ждала !
 Не удивишь меня разлукой »
 Сказала Сара. — « Долгой мукой
 Я пригошовлена была.
 А скороль свадьба ? »

Е Л Е Ц К О Й.

Въ домѣ эшомъ
 Я не ночую ; не жалѣй
 О шаринѣ. Въ судьбѣ швоей
 Я обязуюся ошвѣшомъ ,

И ужь подумалъ я о ней ;
Довольна будешь.

С А Р А.

Мнѣ не нужно

Посыльныхъ милоспынь швопхъ :
Не безпокойся ; и безъ нихъ
Съ шобой разшануса я дружно.
Пѣняшь не буду я шебѣ :
Жила я весело , счастливо ;
Теперь не шо , — какое диво ?
Не все спояшь одной судьбѣ !
У насъ вѣрна одна могила ;
А кто на свѣшѣ долго миль !
Какъ ты сего-дня разлюбилъ,
Такъ я бы завтра разлюбила ;
За что сердиться ?

Е Л Е Ц К О Й.

Очень радъ !

Дай руку , Сара. Предъ шобою
Я совершенно виновашъ.
Я вижу , выше ты душою.

Чѣмъ полагалъ досель я :
 Ты не пришворщица пусая.
 Обыкновенье ваше зная,
 Я ждалъ упрековъ, слѣзь, выпшь. . . .
 Спасибо, нѣшь ихъ; безъ сомнѣнья,
 Просшимся дружно мы съ шобой.
 Мила ты, Сара !

С А Р А.

Плачь и вой

Въ душѣ.... Но что до сокрушенья !
 Въ слезахъ и вопляхъ толку нѣшь.
 Мы разшаемся ? Власъ Господня !
 Просшимся вссело. Сего-дня
 Я имянинница , мой свѣшь !
 Въ послѣдній разъ мое здоровье
 Ты долженъ выпшь.... но, до дна !
 Какъ въ спарину ; смощрижь : условье !
 Не шо , сей часъ заплачу.... На !

Е Л Е Ц К О И.

Твое здоровье ? Радъ душою...
 И вошь — ни капли нѣшь на днѣ.
 Надѣюсь , шы довольна мною ?

С А Р А.

Спасибо! Сядь теперь ко мнѣ,
Поговоримъ по старинѣ.

И съ равнодушнымъ послушаньемъ
Къ ней на диванъ Елецкой сѣлъ,
Но, далеко уже мечшаньемъ,
Онъ на часы свои глядѣлъ.

« Скажи мнѣ, Сара продолжала,
Судьбою новою своею
Доволенъ ты?»

Е Л Е Ц К О Й.

А что?

С А Р А.

Ей, ей!

Я корешко швой нравъ узнала:
Не перемѣнишься ты въ немъ...
Привыкъ ты къ беззаботной долѣ,

Разгульной жизни, вольной волѣ,
 Споишишь порядочнымъ жипьемъ.
 Наскучишь, швердо предрекаю,
 Тебѣ и милая швоя; —
 Тебѣ наскучила же я! —
 Жаль бѣдной! По себѣ я знаю,
 И слишкомъ знаю, какво.
 Какъ я бы выла, да рыдала,
 Когда бы вшайнѣ не пишала
 Еще у сердца моего
 Одной надежды!

Е Л Е Ц К О Й.

Полно, чшо шы?
 Всѣ были кончены разсчышы, —
 Чшо за надежда?

С А Р А.

Брежу я.
 И какъ равняшься я посмѣю
 Съ невѣшпой сшасшливой швоею!
 О ней единой мысль швоя;

Ты ею дышешь. Ахъ, царица ,
Царица свѣшлая она.
Я передъ нею пыль одна.
Но... въ умъ придешь же небылица !
Забудь любовь свою на часъ :
Какая разница межъ насъ ? —
Чшо я цыганкой уродилась ?
Чшо нѣтъ за мною селъ , хоромъ ?
Чшо говоришь не научилась
Я иностраннымъ языкомъ ?
Вошь всё ? Не шушка , очень знаю !
Но сердцемъ я не уступаю
Твоей невѣстѣ. Чѣмъ она
Любовь понынѣ доказала ?
Какія слёзы проливала ?
Чшо перенесъ была должна ?
А я... что слёзъ я испочила ,
Какихъ обидъ не проглотила ,
Молчанье горькое храня !
Ты разлюбилъ , я всё любила ;
Ты гналъ безжалостно меня , —
Къ шебѣ я злобному ласкалась ,
Какъ собачёнка. Разсмотри
Меня получше : говори ,

Такая-ль я тебѣ доспалась? —
 Глаза попухнули опъ слезъ ;
 Лице завяло , грудь изсохла ;
 Я шолько , шолько что не сдохла ! . . .
 Ты всё молчишь ?

Е Л Е Ц К О Й.

Тебѣ нанесь
 Я много горя... Я не вѣдалъ ,
 Когда другой мой жребій предаль ,
 Чшо шы.... Но чшо со мною?... Свѣшь
 Въ глазахъ темнѣешь... все кружишься...
 Мнѣ дурно , Сара , дурно...

С А Р А.

Нѣшь !
 Я знаю , что въ тебѣ шворился.
 Въ душѣ мяшущейся швоей
 Я чуднымъ чудомъ оживаю :
 Разлучницы прокляшой въ ней
 Бѣсовской образъ погашаю.
 Блѣднѣешь шы... Не мудрена

Измѣна мнѣ , а ей страшна !
 Будь ей теперь моя судьбина !
 Томись она , крушись она !
 Съ щоски изсохни , какъ лучина !
 Умри она ! шы мой : приди ,
 Прижмись опятьъ къ моеѣ груди !
 Очнись ошь люшаго угара ,
 Приди , и всё забуду я .
 Узнай меня , узнай : Я Сара !
 Я Сара прежняя швоя .

Цыганка спрашными руками
 Его рыдая обвила
 И жадно къ сердцу повлекла .
 Глядѣль онъ мушными глазами ,
 Но не прошивился . Главой
 Онъ даже шихо приклонился
 Къ ея плечу ; на немъ нѣмой ,
 Казалось , шомно позабылся —
 По грозной бурѣ шишина
 Влилась ошрадно въ сердце Сары :
 Онъ мой ! подѣйшвовали чары !
 Съ восшоргомъ думала она .

Но время долгое проходишь , —
Онъ всё лежишь , онъ всё молчишь ;
Едва дыханье переводишь
Цыганка. « Милый мой !... Онъ спитъ.
Проснись, красавецъ ! » Зовъ бесплодный ;
Мигъ страшной истины насшалъ :
Она взглядълась — шрупъ холодный
Въ ея объятіяхъ лежалъ.

2014

Спояла ночь уже давно.
Градскія спогны опушѣли ;
Въ домахъ уснувшихъ ни одно
Не озарялося окно ,
Всѣ одинаково чернѣли.
Луна не свѣщилъ , все молчилъ ;
Лишь вѣтеръ воетъ и свистилъ ,
Мягелъ до кровель воздымая.
Обѣщанью своему вѣрна ,
До самой улицы одна
Доходишь Вѣра молодая ;
Никѣмъ не встрѣчена она ;
Въ лице суровый и холодный

Ей дуешь вѣшерь непогодный
 И ночь ненастная черна.
 Она стоишь; она мгновенья
 Счишаетъ, полная волненья....
 Бѣгушь мгновенья! Вѣра ждешь —
 Онъ не приходишь; не придетъ!
 Въ ней сердце замерло.... дѣвицу
 Приемлешь снова прежній кровь.
 Ужь ранній вой колоколовъ
 Порою шой будиль столицу,
 И въ городъ сквозь ночную шѣнь
 Ужь голубѣя крался день.

Погибъ женихъ ея мгновенный.
 Слугами вынесенный въ заль,
 Трупъ на столъ уже лежалъ,
 Ихъ смутнымъ роємъ окруженный,
 Который сбродъ обыкновенный
 Зѣвакъ захожихъ умножалъ.
 Цыганка въ вечеръ шопъ несчастной
 Изъ дома скрылась. Лекаръ Часной
 Съ двумя кваршальными споялъ,
 И подозрительной рукою

Передъ вспревоженной толпою
 Трупъ поспитый осязаль.
 Но должностной обзоръ исправлень;
 Для любопытства пищи нѣшь;
 Домъ полицейскими оставлень,
 Всѣ разбрелся за ними вслѣдъ. —
 Заль опустѣль. Псалширь чшая,
 Дьячекъ остался съ мершвецомъ,
 Да горьки слезы кулакомъ
 Ежеминутно оширая,
 Въ углу снояль попуя взоръ
 Осиротѣлый Черноморъ.

Холмъ, подъ копорымъ спитъ Елецкой,
 Гдѣ онъ забыль любовь, вражду,
 Гдѣ равнодушенъ онъ къ суду
 Толпы и свѣтской и не свѣтской, —
 Ужь не однажды пороспаль
 Весенней, новою правою,
 И свѣтъ пушистой пеленою
 Его не разъ ужь покрываль.
 Но долго-ль юноша несчастный
 Жиль въ сердцѣ Вѣры? Много-ль слезъ

Ея сердечныхъ первыхъ грезъ,
 У ней испоргъ обманъ ужасный? —
 Въ ту жь зиму съ дядей шарикомъ,
 Покинувъ городъ, возвратилась
 Она лишь два года попомъ.
 Лицомъ своимъ не измѣнилась,
 Ближе пою же красой;
 Но строже смотришь за собой.
 Въ знакомство шѣсное не входишь
 Она ни съ кѣмъ. Всегда опводишь
 Чуть, чуть корешкомъ разговоръ.
 Подчинены ея движенья
 Холодной мѣрѣ. Вѣринь взоръ,
 Не измѣняя выраженья,
 Не выражаешь ничего.
 Блещущій юноша его
 Не оживишь, и неперѣнья
 Въ немъ не замѣшишь старый шумъ;
 Ее смѣшлывыя подруги
 Въ нескромный смѣхъ не вовлекушь;
 Раздѣлены ея досуги
 Между роялемъ и канвой;
 Въ раздумьѣ праздномъ не видалк,
 И никогда не заставали

Съ романомъ Вѣры Волховской.
 Дѣвицейъ самой совершенной
 Въ устахъ у всѣхъ она слывешъ.
 Что жь эту скромность ей даешъ?
 Увы! тоскою похаенной
 Еще-ль душа ея полна?
 Еще-ли носишь въ ней она
 О прошломъ вѣрное мечпанье,
 И равнодушна ко всему,
 Что не относится къ нему,
 Что не его воспоминанье?
 Или созрѣвъ умомъ своимъ,
 Уже шеперь постигла имъ
 Она безумство увлеченья?
 Уразумѣла, какъ смѣшно
 И легкомысленно оно,
 Какъ правы приняшья мнѣнья
 О романтическихъ мечтахъ?
 Или шеперь въ ея глазахъ
 За общій очеркъ, въ мигъ забвенья
 Полусвершенный ею шагъ
 Сшалъ дѣшской шалостью одною,
 И съ ушонченностью шакою,
 Осмошру свѣшскому вѣрна,

Его сама передь собою
Желаешь искупить она?

Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Спросишь безременной шиши :
Ушраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣшь , иль цвѣшь души.

Куда , заснувшей столицей ,
При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ ,
Въ саняхъ несется вереницей
Весельчаковъ ея поѣздъ ?
Къ цыганамъ. — Предъ знакомымъ домомъ
Остановились. Въ двери съ громомъ
Спучаешь ; привычною рукой
Имъ ошворилъ цыганъ сѣдой.
Въ хоромехъ спящихъ тѣма гусная ,
Но пушь знакомъ. Толпа лихая
Спѣшишь проникнуть въ пошь покой ,
Гдѣ , ночи шумной ожидая ,
Еще съ вечерней первой мглой
Въ свои постѣли пуховыя

Легли цыганки молодыя .
 Ужь госпи вътреные шамь ,
 Ужь кличушь дѣвъ по именамъ .
 Но все Египешское племя
 Кругомъ пріѣзжихъ , въ шоже время ,
 Съ веселымъ шумомъ собралось ,
 И свѣчь сіянье разплось .
 Дремошу дѣвы покидають ,
 Вспають на общій громкій зовъ ,
 Плашками плечи покрывають ,
 Ногами ищуть башмаковъ ,
 И — вошь ужь весело болшають ,
 И шаборъ къ пѣнію готовъ .
 Одна цыганка на посѣли
 Сидитъ недвижно . На гостей
 Глядитъ сердишо . Роемъ къ ней
 Подруги смуглыя подсѣли ;
 Свой дикой взглядъ она хранишь ,
 Устами молча шевелишь ,
 Или безсмысленно порою
 Вздохнувъ , качаешь головою .
 Но грянулъ своенравный хоръ :
 Блеснулъ ея шуманный взоръ ,
 Уша улыбка озарила ,

Воскреснувъ въ крикъ хоровомъ ,
 Она , веселая лицомъ ,
 Съ нимъ голосъ яркой согласила.
 Умолкнулъ хоръ , и вновь она
 Сидишь сурова и мрачна.
 Такъ ворошилась въ шаборъ Сара.
 Судьбы послѣдняго удара
 Цыганка вынесшь не могла ,
 И разумъ въ горъ погребла.
 Вошце родимые напѣвы
 Уносяшь душу бѣдной дѣвы
 Въ былые , лучшіе года !
 Такъ рѣзвый вѣшеръ иногда
 Листокъ упавшій подымаешь ,
 Съ нимъ вѣшся въ свѣшлыхъ небесахъ ,
 Но вдругъ ушихнувъ , опускаешь
 Его опять на дольний прахъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Эда.....	3
Шеры.....	35
Валь.....	47
Телема и Макарь.....	79
Переселеніе душъ.....	87
Цыганка. (Алексію Андреевичу Елагину).....	190
